

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

27.10.15

3 ТМОО Т. 3.600.000 З. 3104—88

Таблица 0
воинской гор
Таволской
Таволскъ
241 Пшомльи
313 66 Заводъ Успенской
104 157 223 Шуринскъ
267 713 1403 2513 Муромовскъ
257 1023 1753 2863 35 3ав.Петровской
297 1053 1713 2623 303 653 3ав.Падунской
118 253 3213 1123 181 216 217 Нургань
355 1623 2283 3193 88 123 1183 25 3ав.Боровлянской
312 2903 3563 1173 2163 2513 1953 313 3043 Ишимъ
560 656 722 813 5813 613 5503 6183 6693 3633 Тара
572 668 734 825 5933 6283 5623 6903 6813 3773 12 3ав.Екатерининской
681 6293 6933 7863 5533 5903 5243 632 6433 339 263 273 Омскъ
929 1176 1242 1333 1196 1186 12263 1373 1284 1271 1483 1501 1610 Березовъ
Енисейскій Городъ Таволскъ разстояніемъ 1200 вёрстъ (санктпетербургскій курсъ) отъ Москвы 2305 0
саидственихъ губерніихъ городовъ 444 2443 первая 3133 вторая 2423 архангелска 32312
твиска 130 вёрстъ Губерніа едину поевтеринскіи трактъ между Губерніахъ 1223 вёрстъ
стии вширину Олденской Линіи довернаго Оклада до 1000 вёрстъ Олденскій
646 вёрстъ пространствомъ 1.112.8043 квадратныи вёрстъ

Богородской Губер

Копеева

Иъясненіе Знаковъ

- Губернскія горы
- Уездныхъ городовъ
- Монастыри
- Слободы
- Села
- Деревни
- Крепости
- Винокуренныхъ заводовъ
- Караванная пограничная дорога
- Губернскія уездныя дороги
- Губернскія
- Уездныя границы
- Камыаренія
- Болоты вѣсныя
- пречия Караванная пограничная дорога бывшая до 1716 и 1752 годовъ

50 100 200 300 400 верста

Масштабъ карты изъясненъ въ 100 верстахъ

Всичкая таблица губерній, уездовъ, классъ вѣдѣній

Ирѣиъ Кайсацкой среднѣи орды

Handwritten text at the top edge of the page, likely bleed-through from the reverse side.

1167
1108
1116
1160
1171
1175
104
267
257
297
118
355
312
560
572
631
929
Висерне
ога. та
тамск.
ста
1116 а

83.3(2P36)
0-23-3

ОБРАЗ Урала

**в документах
и литературных произведениях
(от древности до конца XIX века)**

**Учебное пособие хрестоматийного типа
для основной и средней школы**

Допущено Министерством общего и профессионального образования
Свердловской области.

Решение Областного экспертного совета № 388
от 15 ноября 2007 г.

Екатеринбург
Издательство «Сократ»
2007

Красноуральская ЦБС
Свердловской обл.

105548

ББК 83.3 (2 Рос-Рус)
О-23

Редактор-составитель
Е.П. ПИРОГОВА

УРАЛ
ОБРАЗ
УРАЛА
в документах и литературных произведениях
и литературных произведениях
(от древности до конца XIX века)

О-23 **Образ Урала в документах и литературных произведениях (от древности до конца XIX века) / Сост. Е.П. Пирогова.** – Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2007. – 384 с., ил.

ISBN 978-5-88664-283-4

В пер.: 11 000 экз.

В учебном пособии хрестоматийного типа сделана попытка показать, как на протяжении столетий менялось представление об Урале, как воспринимался его образ в разные эпохи и периоды – с XV и до конца XIX в.

Впервые в одной книге соединяются художественные тексты (Д.Н. Мамин-Сибиряк и П.П. Бажов), фольклорные материалы и исторические источники («Житие Стефана Пермского», документы XVI–XVII вв., отрывки из сочинений ученых – участников академических экспедиций XVIII в., воспоминания современников, материалы местных газет и др.). Все они предваряются вступительными очерками, которые, вместе с комментариями к текстам, написали ведущие ученые-гуманитарии Екатеринбурга. К разделам даны вопросы для обсуждения и задания, а также рекомендованная литература.

Издание сопровождается иллюстрациями, представляющими Урал в живописи и археологических находках.

ББК 83.3 (2 Рос-Рус)

ISBN 978-5-88664-283-4

© Коллектив авторов, 2007
© Пирогова Е.П., сост., 2007
© Издательство «Сократ», 2007

Введение

О сокровищах Рифейских гор писали еще античные авторы. Русские люди побывали здесь уже в XI веке, назвав этот хребет Камнем, позже – Каменным поясом. О том походе новгородцев сохранила рассказ древнейшая русская летопись «Повесть временных лет». В XII–XIII веках в Приуралье бывали дружины владимиристо-суздальских князей. Впереди было обретение Московским государством уральских территорий...

Постепенно, век за веком, в сознании русичей складывался образ Урала. Сначала он возникал в устном народном творчестве осваивавшихся в здешних местах первопроходцев. Ярким фоном прошел в казачьем фольклоре о Ермаке и в тематически связанной с регионом «житийной» литературе...

В данной книге сделана попытка по-новому взглянуть на известную, казалось бы, историю Урала, показать, как, созвучно его изменениям с XV-го и до начала XX века менялись представления о нем, как он воспринимался современниками в разные эпохи и периоды.

Народное осмысление образа раннего, «доисторического», Урала сохранили предания о легендарном народе *чудь*, населявшем когда-то уральские земли. Эти предания бытуют на Урале с XV века, но в книге они звучат в том виде, в котором через многие поколения носителей устного народного творчества дошли до середины XX века. Восприятие фольклорных текстов усиливается благодаря художественному осмыслению их уральскими писателями Д.Н. Маминым-Сибиряком и П.П. Бажовым.

В свое время неожиданным для средневекового русского читателя стал образ неизвестной и, казалось, такой далекой и чужой Пермской земли, возникший на рубеже XIV и XV веков в сочинении инока Елифания Премудрого, талантливого писателя и сподвижника знаменитого Сергия Радонежского. Об этой неведомой горной стране, языке и религиозных обычаях населявших ее жителей-пермян можно было прочитать в его Житии, рассказывающем о жизни и трудах великого просветителя и миссионера Стефана Пермского. Познакомиться с текстом Жития будет познавательно и любопытно и сегодняшнему читателю.

Неожиданный исторический ракурс получает образ Урала XVI века в сибирских летописях. В книге они представлены теми частями, которые посвящены походу Ермака. Тема освоения Урала и строительства первых уральских городов –

Верхотурья, Тюмени и других – отражена в документах XVI–XVII веков.

Образ Урала XVIII века уже прочно связан с его постепенным превращением в центр горно-заводской промышленности, резко изменилась судьба и его жителей. Каким предстал Урал перед известнейшими европейскими и российскими учеными того времени, участниками нескольких академических экспедиций, показывают яркие отрывки из сочинений Г.-Ф. Миллера, И.И. Лепехина, П.-С. Палласа. Этот новый образ хорошо видится в некоторых написанных ими материалах информационно-справочного характера.

Совсем другой образ Урала складывается из мозаики текстов XIX века.

Подробности быта и духовной повседневности уездных центров обширной Пермской губернии – это не только привычные зарисовки из жизни промышленного Урала, это портрет Урала культурного: просвещенного, литературного, театрального и т. д. Яркое многообразие народных типажей дают и забытый очерк В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал», и хорошо знакомые по «Малахитовой шкатулке» сказы П.П. Бажова. Емкое историко-публицистическое сочинение Д.Н. Мамина-Сибиряка «Город Екатеринбург» дополнит образное представление о крупнейшем уральском городе.

Мы попробовали соединить в одном издании художественные тексты и исторические источники. Поэтому даже известные современным школьникам произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка и П.П. Бажова в подобном контексте покажутся и иной, нежели прежде прочтение, стороны.

Наряду с художественными произведениями внимание, несомненно, привлекут неизвестные воспоминания уральского декабриста, члена Союза благоденствия, С.Д. Нечаева, ставшего в период царствования Николая I обер-прокурором Синода и сенатором. Учащиеся смогут представить, о чем писали местные газеты («Екатеринбургская неделя», «Уральская жизнь») сто и более лет тому назад.

В совокупности все представленные источники дают оригинальный срез истории Урала, его горнозаводской и городской жизни на протяжении нескольких столетий, а также позволяют явственнее увидеть, как наш край менялся, становясь таким, каким мы его знаем – регионом прекрасной природы и мощной экономики, талантливых людей и великого будущего.

Образ Урала в древних преданиях

Урал имеет долгую, интересную, насыщенную разными, в том числе драматическими событиями историю, уходящую корнями в седую древность. Подробности заселения нашего края, его открытие для России, основные этапы развития получили отражение в памятниках словесности – об этом вы прочтете в других главах книги. Сейчас же постараемся выяснить, каким виделся древний Урал, которого еще не коснулась большая история, жителям нашего края. Их представления о прошлом Урала получили отражение в устном народном творчестве, прежде всего в преданиях, которые фольклористы определяют как «рассказ, в народном представлении заслуживающий доверия, о жизни в прошлые времена, о лицах, которых рассказчик не видел, о событиях, в которых не участвовал»¹.

Мы хотим познакомить читателя с некоторыми уральскими преданиями о чуди – легендарном доисторическом народе, который в далеком прошлом населял наш край и оставил после себя овеянные тайной следы – чудские городища.

Что за народ чудь, до сих пор остается в какой-то степени загадкой для исследователей. Известно только, что это племена, проживавшие на бескрайних просторах Северной Европы. Именно так их описывает готский историк Иордан в VI в. н. э. и Адам Бременский в 1070-е годы². Много пишут о чуди русские летописи, упоминая ее то как народ, который «дань дает Руси», то как серьезного противника в борьбе за вновь осваиваемые земли.

Предания о чудских городищах бытуют на Урале уже в XV–XVII веках. Как правило, это простые упоминания о местах, где в древности были поселения чуди, жившей в пещерах, ямах, избушках, крытых бревнами и землей. Популярны и предания о чудских кладах, которые, де, найти невозможно, потому что они заговорены, и даже если кому-то посчастливится раскопать чудское золото, оно тут же исчезнет или превратится в уголь.

Гибель чуди – пожалуй, самый таинственный мотив в преданиях этой тематической группы. Указывается несколько

¹ Кругляшова В.П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. – Свердловск, 1974. С. 6.

² См.: Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. – М., 1990. – С. 86.

причин их исчезновения: разного рода бедственные обстоятельства, преследование пришлыми людьми и т. д. Часто говорится о том, что чудь «сама себя погребла»: это значит, что, спасаясь от кого-то или чего-то, эти люди приготовили заранее ямы и подрубили столбы, на которых держалась тяжелая крыша. В преданиях многочисленны упоминания о том, что «чудь ушла в землю».

Мы предлагаем вам прочитать несколько преданий, содержащих, в свою очередь, отголоски преданий о чуде. Эти тексты были записаны в 60-е годы XX века студентами филологического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького, а руководила фольклорными экспедициями В.П. Кругляшова. Читая эти предания, надо помнить, что фольклор – это особая – устная – форма словесного искусства, отличающаяся от литературы. Может быть, с точки зрения современного человека, эти тексты покажутся вам несколько странными, наивными. Однако именно эстетическая и мировоззренческая наивность носителя народной – традиционной – культуры и представляет огромную ценность. Если вы будете читать эти фольклорные произведения внимательно и вдумчиво, вы непременно почувствуете их своеобразие, жизненную мудрость, многовековые знания о жизни, тщательно оберегаемые и передаваемые в слове. А еще постарайтесь обнаружить в преданиях «чудские» мотивы.

Предания о чуде по материалам фольклора

«О первонаселениях Висима»*

Раньше здесь, давно это было, жили разные народности. У нас еще сохранилась поговорка:

Чудь белоглазая,

Чудь белобрысая,

это так называли местных жителей пришлые люди. А татары, калмыки, мордва потом пришли.

*Фольклор на родине Д.Н. Мамина-Сибиряка... С. 45.***

«О деревне Копчик»

Жили раньше в этих местах люди, которые сами для себя копали ямы. Потом залезали туда и подрубали стойки. В деревне Грязнухе и сейчас остались такие ямы, уже обвалились.

Предания реки Чусовой... С. 25.

* Здесь и далее кавычки в заглавиях опубликованных в настоящем издании текстов означают, что при публикации сохранено название первоисточника.

** Полностью библиографические описания изданий даны в Указателе текстов и источников их публикаций (с. 377–379).

«Об Усть-Серебрянке»

Наши-то из-за Камы пришли... Леснята раньше деревня называлась. Три старика сюда первыми пришли. Трое Чудиновых топором срубили три дома. А кругом лес и лес – и больше ничего. Дома-то далеко друг от друга поставили.

Утром рано один встает и кричит: «Ну как, сосед, жив?»

– Живой! А ты?

– Живой!

Вот так они и жили. От них-то наша деревня и пошла. Раньше-то все больше Чудиновых было, а теперь всяких понаехало.

Предания реки Чусовой... С. 27.

«О деревне Харенки»

Тятенька-то мой помнит, еще мало здесь было людей. Говорили, что с Плеса здесь первые-то были. Плес-от ниже по Чусовой. Приехали они сюда, тайга кругом была, лес, а приехали сюда добровольно, оттого что рыбы, зверей много было, сохатых. Потом появилась рубка леса, потом плавали по реке, а вообще занимались-то хлебопашеством. Стало быть, хуже жилось им на Плесе-то. И сейчас есть деревня Плес. У нас в Харенках у Максимыча-то яма во дворе, вот там вот первые-то люди были, – вот и разродились. А всего трое приехало: Чудинов, мой прадед, Долматов и Пермяков.

Владения-то тут Демидовых, Строгановых и Голицыных.

Предания реки Чусовой... С. 28.

В приведенных текстах ощутимы отголоски преданий о чуди. Так, например, из первого текста становится ясно, что рассказчик называет чудью разные народности, жившие на Урале до прихода русских. Во втором предании содержится мотив самопогребения чуди. Героями третьего предания стали люди по фамилии Чудиновы. Многие информанты, т. е. рассказчики, носители народного знания, связывают эту распространенную фамилию с прозвищем, укрепившимся за первоначальными жителями этих мест – их называли «чудаки». От прозвища образовалась фамилия. По словам Н.С. Чудинова, первыми жителями, основавшими деревню, были трое Чудиновых. Судя по четвертому преданию, и в деревне Харенки говорят о Чудиновых как первых жителях. В этом же тексте есть упоминание о том, что «первые люди» жили в ямах.

В преданиях о гибели чуди есть еще один очень интересный мотив. По преданиям, одной из причин гибели чуди стало появление белой березы, предвестницы власти белого царя. Казалось бы, как может человек воспринимать распростране-

ние какого-либо дерева как знак беды? Но нельзя забывать, что сознание древнего человека существенно отличалось от сознания современного человека. Человек с мифологическим сознанием органично связан с природным миром, в котором живет; он сам – часть природы. В представлении древних появление белого дерева и белых людей неразрывно связано. Примечательно, что в русском фольклоре и литературе образ березы связан с самыми светлыми и поэтичными чувствами. В некоторых же произведениях других народностей береза – символ несчастья, т. к. следом за ней идет белый царь или белые люди. Прочтите несколько преданий с мотивом белой березы. Обратите внимание на то, как этот мотив вплетается в сюжетную ткань преданий о чуди.

О белой березе и гибели чуди

Чучки тут раньше жили. Далеко от Тепляковых они тут жили. Они выходили один по одному: пара схватятся и пошли. У них одна нога была. Когда береза белая появилась, они землянки свои подрубить стали. На этом все кончилось. Все убили себя. У них богатство было и золотая посуда. Вот бы бульдозером разбузорить – богатство нашли бы крепкое. Это я слышал от тетки Арины Тепляковой, она старинная была. Чучки-то на оленях ездили: через седло повешаются и поехали. Правда, не знаю, что за седла у них были, может, и не было. Я не видел, а было это.

* * *

А еще есть легенда. За рекой здесь жили чудь. Там лес был хвойный, потом появилась белая береза. Они сказали, это не к добру – белый царь появился на земле. А жили они в землянках, носили теплые куртки. И вот когда белая береза появилась, сказали, будет плохо на земле, надо умирать. Чудь стали бояться. Подрубили столбы на своих землянках, и их вместе с детьми и со всем богатством засыпало. Так и не стало их на земле.

* * *

Чучки жили за Сылвой, напротив нынешней д. Тепляки. Жили на полатах, потом их подшибло. Осталась посуда, серебряная и золотая. Появилась белая береза. «Измена будет» – и стали убивать себя сами.

* * *

Помню, мама мне рассказывала, это было очень давно, когда мне еще было 12 лет. Когда появилось дерево – белая береза, Кучум сказал своему народу, что придет белый царь и нам будет плохо житься. Он

приказал своим рыть землянки, в землянках сделали полати на стойках. Перед приходом белого царя все люди Кучума забрались в землянки, подрубили стойки и там их завалило землей намертво.

* * *

Я это слышала от тятеньки, а тот от своего прапрадеда. Говорили, что пока нет белой березы, житье привольное. Нет ни плутовства, ни воровства. Но как только появится белая береза, так сразу все изменится на белом свете. Придет белый царь к правлению, а с царем придут взятки, плут на плуте будет сидеть да плутом погонять. Людям, что положено, не будут платить, поэтому и работать они будут спустя рукава. И так будет до тех пор, пока белую березу не вытеснит красное дерево. А когда оно вытеснит, самому богу известно. Так говорили люди раньше.

Кругляшова В.П. Жанры сказочной прозы... С. 62.

В этих произведениях отразились различные мотивы преданий о чуди и затейливо сплелись с мотивом белого дерева: например, мотив необыкновенных, одноногих людей, которые жили в землянках, мотив самопогребения чуди, мотив ухода в землю и др.

Интересно, что фольклорный мотив белой березы отразился в литературном произведении – рассказе замечательного уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка «Гроза» (он был написан в 1885 г.). Д.Н. Мамин-Сибиряк был прекрасным знатоком истории, этнографии, фольклора нашего края. Его как исследователя очень интересовал вопрос о происхождении, как он пишет, «легенды о белом дереве». Он справедливо замечает, что лиственные деревья, в частности береза, появились на Урале позднее хвойных деревьев. Д.Н. Мамин-Сибиряк утверждает, «что колонизация новых лесных пород шла за человеком шаг за шагом»: появились русские – появилась береза. Однако «обращает на себя внимание одно несоответствие: в толковании Мамина-Сибиряка «белое дерево» идет за русскими людьми или вместе с ними. В предании же белое дерево появляется перед приходом «белого царя». Оно предвещает его приход»³. Этот случай интересен нам как пример влияния фольклорного текста на текст литературный, причем фольклорный мотив в рассказе переосмысливается.

3

Кругляшова В.П. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. – Свердловск, 1974. С. 49.

Предания о чуди в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка и П.П. Бажова

О белом дереве

<...> Господствующие лесные насаждения на Урале – это хвойные леса: ель, сосна, пихта, кедр, а лиственные породы жмутся только по лесным опушкам и главным образом около воды, причем замечательно то, что большинство этих лиственных пород – пришлецы из средней России и на Урале появились сравнительно недавно, именно двести–триста лет назад, когда русские поселенцы принялись «сводить» уральские леса. Колонизация новых лесных пород шла за человеком шаг за шагом, преимущественно речными долинами, где вместе с русскими поселенцами осела далекая российская гостья, береза, и ее младшая сестра – липа. Собственно, в Сибири береза была неизвестна, и среди инородческого населения сложилась легенда, что вместе с этим «белым деревом» идет и власть «белого царя». <...>

Мамин-Сибиряк Д.Н. Гроза... С. 100–101.

Д.Н. Мамин-Сибиряк много путешествовал по Уралу. Так, он прекрасно знал губернский город Пермь: в юности он учился там в духовной семинарии, позднее много раз посещал Пермь во время поездок из Екатеринбурга в Москву, предпринимал специальные поездки на север Пермской губернии для исследования этих мест. Результатом многочисленных личных впечатлений, изучения исторических источников и документов, длительной и серьезной работы стал очерк «Старая Пермь», который был написан в 1888 году. Мы предлагаем вам познакомиться с фрагментами из этого очерка. В приведенных отрывках вы найдете множество отголосков преданий о чуди. Однако встречается здесь еще один интересный мифический образ – образ легендарной земли Биармии. В скандинавских сагах – сказаниях VIII–X веков Биармия – загадочная, очень богатая северная страна. В первой половине XVIII века у зарубежных ученых возникло мнение, что Пермь Великая и есть Биармия. Современный литературовед и культуролог В.В. Абашев пишет: «Научно удостоверенных данных, подтверждающих связь Пермского края с Биармией, не существует. Скорее всего, и сама Биармия – типичный историографический фантом, такая же “неведомая земля”, как Гиперборея. <...> Тем не менее трезвая научная критика связи Перми с Биармией мало влияла на популярность идеи. Она привлекала не только тем, что проливала свет на древнюю эпоху России, но и восстанавливала льстящую национальному самосознанию преемственную связь с легендарным северным царством. Поэтому Пермь охотно усвоила биармийский миф. Характерно, что одна из городских улиц, выходящая к Каме,

называлась Биармийской. О биармийском прошлом Пермской земли на протяжении всего XIX века увлекательно рассказывали путевые очерки П.И. Мельникова, П.Н. Небольсина, Е.Ф. Шмурло и Д.Н. Мамина-Сибиряка»⁴.

Биармийский миф, предания о чуди создавали ощущение седой древности, архаики, таинственности, магии. Формированию этого ощущения способствовали также археологические находки – множество образцов медного и бронзового литья, найденных на территории Пермского края в ходе археологических работ в XIX и XX веках. Это искусство получило название «пермский звериный стиль». «Звериный стиль» – довольно условное название, – пишут ученые, – потому что в него входят не только изображения животных, но также птиц и человека вместе с животными»⁵. На этих изображениях птицы и рыбы, медведи и лоси, люди и фантастические существа переплетаются в странных сочетаниях. Обнаруженные предметы позволяют выявить мифологические представления о мире древних людей. Упоминания об этих замечательных находках, а также о так называемом «закамском серебре», о котором русские летописи сообщали еще в XIV веке, вы тоже обнаружите в очерке Д. Н. Мамина-Сибиряка «Старая Пермь».

4

Абашев В.В. Пермь в топике русской культуры // Литература Урала: история и современность: Сборник статей. Вып. 2. – Екатеринбург, 2006. С. 37.

5

Крживицкая Е.Э., Сергеев А.Ю., Аллахвердиева Н.Б. Художественная культура Урала. – Екатеринбург, 2003. С. 103.

Чудские древности Урала

<...> Живой узел, где сплетаются три таких реки, как Кама, Вишера и Колва, не мог остаться в стороне от истории, тем более что отсюда идут волоки¹ на Печору, на Северную Двину и ряд путей на Каменный Пояс, как новгородцы называли Уральские горы. Именно здесь существовала мифическая Биармия, этот форпост и транзитный пункт приволжской Болгарии². Великий водный путь шел из Каспия по Волге и Каме и волоками соединялся с северными водными бассейнами. Мы думаем, что эта живая дорога существовала задолго до «пути из варяг в греки» и ее историческая роль закончилась еще до начала русской истории. В горле этого пути и залегла Биармия, кроме торгового значения как самый важный транзитный путь, имевшая еще громадную силу как единственный ключ к дорогой пушнине, – меха тогда составляли главную ценность и в торговле служили меновой единицей. Счет шел на куны и на сорока соболей. Из таинственной глубины Средней Азии свозились сюда дорогие восточные товары, а из Скандинавии – варяжские изделия. Вообще место было бойкое, стоявшее на юру³, и недаром новгородцы так неудержимо

¹ В о л о к – водораздельный участок между верховьями двух рек, близко сходящихся в своих истоках, по которому в старину волочили суда при переходе из одной реки в бассейн другой.

² Б о л г а р и я (Булгария) – древняя столица и главный торговый и промышленный центр средневековой Булгарии Волжско-Камской.

³ Ю р , н а ю р у – на открытом возвышенном месте.

тяготели к нему даже тогда, когда волжский путь уже был загорожен татарскими ордами и серебряные камские болгары совсем ступе­вались. Теперь этот исторический угол пуст, как пусто самое место бывшего болгарского царства. Как-то даже неловко видеть убогие русские дере­вюшки на кипевших жизнью берегах – исторический поток обошел их давно и проложил новые русла.

– Вот и Вишера, – заявлял штурман, показывая рукой направо.

Кама раздвоилась, и наш пароход направился в правое русло, то есть в Вишеру. Трудно сказать, какая река больше, – обе хороши и обе могучи. Выдавшийся между ними мыс спускался к воде низкими поемными местами, а затем правый берег поднимался высокой кру­чей. Именно здесь нужно искать место старой Чердыни как столицы Биармии. Нынешняя Чердынь, по счету летописцев, занимает уже пятое место и значение историческое имеет только условно. Она забралась выше Вишеры, на высокий берег Колвы, где раскинулось чудское городище. Может быть, это было выгодное положение в стратегическом отношении для борьбы с инородцами, но главенству­ющий торговый пункт здесь не мог быть ни в каком случае, потому что волоки остаются в стороне.

Пароход бежал мимо самых исторических мест, повитых тысяче­летней давностью, и на этом историческом фоне еще резче выступало современное убожество. Собственно говоря, это сторона могил, добыча археологов... Недаром здесь найдены самые древние монеты и драгоценная утварь восточной работы, а в будущем предстоит, веро­ятно, настоящая археологическая жатва. Самый неопытный глаз безошибочно может определить места, где когда-то ключом била жизнь. <...>

О Чердыни можно сказать, что она вся в прошлом; является даже сомнение – не преувеличено ли это прошлое и даже – существовала ли Великая Пермь летописей и грамот. Да, она существовала, и нео­проверяемым доказательством этого существования служит целый цикл так называемых пермских древностей, найденных и находимых до сих пор в области исчезнувшего царства. Можно пожалеть об одном, именно: что эти древности рассеяны теперь по столичным музеям или разошлись по рукам партикулярных¹ любителей; а в самой Чердыни решительно ничего не осталось. Особенно много найдено было серебра: сосуды, чаши, блюда, украшения, браслеты, гривны, потом разное оружие, предметы домашней утвари и масса монет. Самые древние монеты в России найдены именно в Чердын­ском крае: индо-бактрианские, сассанидские, византийские и золото­ордынские. Автор известного «Хозяйственного описания Пермской губернии» Н.С. Попов описывает серебряную чашу, найденную в

¹ Партикулярный – частный, неофициальный, обособленный, местный, в противополож­ность государственному.

окрестностях Чердыни; на ней были рельефные изображения разных южных животных – слона, страуса, крокодила. Г. Смышляевым пожертвован петербургскому Эрмитажу серебряный ковш в 2,5 ф. весом, украшенный такими же изображениями; он найден тоже около Чердыни, и ученые относят его происхождение к Византии, именно к VI в. Особенно много было находок восточного происхождения. Из них обращает на себя внимание золотой браслет с вставками из сердолика; на нем арабская надпись: «Ищу того, кто любит меня, наперекор тому, кто запрещает мне». Все это жалкие остатки того «закамского серебра», до которого так были падки новгородцы и из-за которого было пролито много напрасной новгородской крови. Подбирался к нему и великий московский князь Иван Калита, о котором новгородский летописец под 1332 год говорит: «Великий князь Иван приде из орды и возверже гнев на Новгород, прося у них серебра закамского»... Новгородцы сначала отказали, а когда Калита пошел на них войной в союзе с рязанскими и низовыми князьями, начали предлагать 500 р. отступного. Калита не взял этих денег и помирился с новгородцами. Вопрос о закамском серебре является в истории темным – на Урале серебра нет, и всего вернее предположить, что оно в древней Биармии приобреталось путем мены на ценную пушнину от купцов азиатских и византийских. В Чердыни был свой собиратель этой древности, уездный судья Коновалов, и у него, как говорят, образовался целый музей, но все это добро в одно прекрасное утро сгорело. Остатки разнесли заезжие археологи, и теперь во всей Чердыни вы найдете всего две-три старинных вещи. Но находки продолжают встречаться, и археологам здесь есть над чем поработать. По богатству и обилию этих находок в таком глухом углу можно безошибочно заключить, что древняя Биармия действительно существовала и существовала именно здесь, но говорить о ней приходится с такими же догадками и вероятностями, как о людях каменного или бронзового периода. Летописи и царские грамоты глухо молчат, за исключением года московского «одоления» <...>

На заре нашего исторического существования весь северо-восток был заполнен угро-финскими племенами, образовавшими полумифическое государство, известное в русских летописях под именем Великой Перми. В исландских сагах оно именуется Биармланд, а англо-саксонский викинг Оттер, живший во времена Альфреда Великого, называет его Биармос. Эта таинственная страна, прославившаяся ценной рухлядью, мехами и азиатскими товарами, привлекала к себе постоянное внимание храбрых викингов, которые не только воевали и вели торговлю с Биармией, а не гнушались и родниться с пермскими князьями. Существует предание, что норвежские и датские конунги женились на пермских принцессах, добываясь их руки, в случае соперничества, поединками. Последний поход в Биармлан-

дию в скандинавских сагах помечен 1222 годом. Но не дремали и новгородцы, обшарившие весь север. Под 1096 год новгородской летописи есть известие, что какой-то «новгородец Гур Тогарович» посылал своего отрока на Печору, в которой «людие же суть, дань дающее Новугороду»; с Печоры отрок отправился в Угру, то есть на Урал. Конечно, пионерами и разведчиками служили добрые молодцы ушкуйники¹ – эта вольница новгородская послужила прототипом образовавшегося впоследствии южно-русского казачества. <...>

Дорога в Ныроб очень интересна сама по себе, потому что проходит по самым бойким чердынским местам: Покча, Вильгорт, Камгорт, Искор, рассажавшимся по р. Колве или недалеко от нее. Эти села хоть куда благодаря двум промыслам – извозному и судостроительному. В Чердынском уезде есть еще два больших села – Вильва и Богичи, а остальное жильё разбилось на небольшие починки в несколько дворов. Здесь что ни шаг, то старина: у Вильгорта старинное чудское городище, у Искора тоже, а на Колве почти на каждом мысу и на каждом усторожливом местечке обитала чудь. Особенно славится городище между Искором и Ныробом. Чудь – название собирательное, и едва ли можно признавать существование особого народа с этим именем: старинная «чудь» аналогична по этимологии с словом «немец» – все, что не говорило по-русски, составляло чудь. Чудские памятники прошли широкой полосой от новгородского Заволочья (заволоцкая чудь) через Урал до Алтая – весь этот путь усыпан чудскими городищами, могильниками (могильницы), копиями (копани) и промысловыми стоянками. Археологическая разработка этих памятников только началась и дает блестящие результаты: тут и каменный век, и медный, и бронзовый. Эта чудь существовала задолго до русской истории, и можно только удивляться высокой металлической культуре составлявших ее племен. Достаточно сказать одно то, что все наши уральские горные заводы выстроены на местах бывшей чудской работы – руду искали именно по этим чудским местам. <...>

Искор – большое и красивое село, раскидавшее свои домики по холмистым берегам Искорки. Когда-то Искор был столицей «верхней пермской земли», и у самого села сохранилось чудское городище. Теперь в нем ничего замечательного нет, кроме легенды о происхождении самого названия, связанного с городищем, лежащим по дороге в Ныроб. С искорской возвышенности открывается широкий вид на громадную лесистую равнину. Городище вправо от дороги, и его далеко можно заметить по белеющей новой часовне. По описаниям В.Н. Берха и проф. Н.П. Вагнера, оно является чем-то вроде естественной крепости – с трех сторон гора защищена отвесными скала-

¹ Ушкуйники – добровольцы, завербованные новгородским князем или отдельными боярами для освоения новых земель.

ми и только с четвертой приступна. Легенда говорит, что на этом городище жил чудской князь Кор; он был разбит русскими, и городищенские жители были переселены на место нынешнего Искора – отсюда получился «из-Кор», Искор. По другому варианту, чудь замещается татарами, но это все равно. Берх производил подробные раскопки городища и нашел бердыш¹, сошник, ключ с золотой насечкой, два ножа, копьецо и несколько замков. Местные жители продолжают делать здесь находки. <...>

*Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь...
С. 321–322, 325–326, 329, 335, 337.*

Так формировались представления уральцев о доисторическом прошлом края, в котором они живут, и о людях, которые здесь жили до них. Причем эти люди настолько удалены во времени от своих потомков, что неизбежно возникновение разного рода фантазий, легенд, мифов. В отрывке из следующего произведения «Кама и Урал. Очерки и впечатления» сам рассказчик называет людей, живших в камне, «волшебными». Автор очерка – В.И. Немирович-Данченко, который посетил Урал в 1875 г.

Легенда о волшебных людях

<...> Зато все неудобства пути были забыты, когда по крутому и длинному скату мы взобрались на Белый Спай.

Мы долго стояли на вершине его, не решаясь тронуться с места, – так велико было очарование открывшихся отсюда далей. Белый Спай на 50 футов выше всех остальных гор этой части Урала. Тремя параллельными волнами – одна за другою – поднимались гряды его на север, сплошь поросшие лесом... Впереди, совсем синяя, – мрачно хмурилась под нами; чем далее, тем сумрачнее и смутнее казались тоны этих гор... За ними тонкая полоса воздуха, и над ней, как будто на высоте, ничем не связанные с землею, висят резко очерченные сверху, а внизу сливающиеся с этим воздухом силуэты каменных Бассегов. Они казались совсем желтыми, правильные и величавые массы их заслоняли от нас еще более далекий север... Бассеги на 3 500 фут. поднимаются над уровнем моря. Их безлесные гранитные массы так напугали воображение окрестного населения, что оно связывает с ними почти все явления природы. Гроза, главным образом, рождается на Бассегах, там же и ветер спит, пока не проснется... Оттуда идет мороз, ранние холода тоже одолжены Бассегам своим существованием.

– Там в камени прежде люди жили!.. – замечает спутник.

¹ Б е р д ы ш – старинное оружие: топор с лезвием в виде полумесяца.

– А что?

– До сих пор есть в нем пещеры малые... А эти люди волшебные, клятые... Они доселе в камни хоронятся... Как в пещеру сойдешь – слышно, промежду собой разговаривают в горе... гу-гу-гу гудят... Их, сказывают, Ермак многое множество побил; остальные заклились и в гору ушли, так в горе и живут...

– И здесь, значит, об Ермаке слышно.

– Там, у Бассегов, сказывает про него много. Ишь ты, шел он, Ермак, на Сибирь тремя путями, тремя войсками... Одно войско – мимо Бассегов... А там тропа такая промежду двух гор... ее не минувешь. Попало ермаково войско на эту тропу, а волшебные люди сверху то его и давай камнем бить. Били-били, видит Ермак – не совладать. «Стой!» – говорит. «К ним круто, так не пройдешь, – пушай же они столько этого самого каменю насыплют, чтобы мы до них долезть могли». Ну, стали наши. Сверху волшебные люди слышат ратные крики и все сыплют камни. Как этого камня навалило довольно, Ермак и повел свою орду.

– Почему же «орду?»

– Потому что у него в войсках всякого народу и всякого звания довольно было. По воле дрались, где кто хочет... Ордой шли... Дорвался Ермак до волшебных людей и давай их бить. Били-били – до самой до ночи. А ночью волшебные люди все своим колдовством в гору и попрятались. Ермак видел сквозь кое место они в камень ушли, да на этом месте крест и высек. Так волшебные люди за этим крестом и сидят... Крепко!.. Ино слышно плачут, жалются, ино – так себе свою молвь держут...

– Что же, крест этот до сих пор цел?

– Есть, которые видели... Так и зовется он «Ермаков крест», а камень, что волшебные люди насыпали, – «Ермаков холм»... Так весь он из осколков да из щебня... Сам я видел холм этот – помежду двух гор.

Стал было я говорить, что такого факта в истории нет, что Ермак не этим путем в Сибирь шел – мой спутник оказался тверд умом.

– Много знают ваши ученые, много они видели... Помалкивай уж... <...>

Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал... С.376–378.

Вы наверняка заметили в этом фрагменте мотивы преданий о чуди: волшебные люди раньше жили в камне, прячутся в камне, скрываются ото всех с помощью колдовства, боясь креста. Интересно, что в этом фрагменте возникает образ Ермака: Ермак сражается с волшебными людьми, он загоняет их в горы.

Следующий текст, который мы предлагаем вам прочесть, принадлежит известному писателю XX века, П.П. Бажову – это сказ «Дорогое имячко». В этом сказе используются моти-

105548

вы преданий разных тематических групп: о чуди, о Ермаке, о девке Азовке. «В комментарии к публикации П.П. Бажов пишет, что слышал подобные сказы в 1890-е годы в Полевском заводе от бывшего старателя В.А. Хмелинина, который говорил, что “Дорогое имячко” – это “тайный сказ”. Под ним он подразумевал устный рассказ “по серьезному делу”, который “говорить с опаской надо” и “не всякому доверять можно”. Вслед за своим информантом писатель называл сказ “тайным”, но в последующих публикациях он снял это жанровое определение»⁶. Примечательно, что даже в определении жанра встречается слово «тайный». Герои бажовского сказа – «стары люди». Они пренебрегают золотом, не понимают его материальной ценности, бьют зверя золотыми самородками. «Стары люди» живут на Урале безмятежно до появления «худых людишек». В пояснениях к «Малахитовой шкатулке» П.П. Бажов так комментирует понятие «старые люди»: «Может быть, потому что Полевской завод строился на месте древних рудокопен – “чудских” капаней, здесь были живы рассказы о “старых людях”. В этих рассказах “стары люди” изображались по-разному. Одни говорили, что “стары люди” жили в земле, как кроты, а потом засыпали себя, когда в этот край пришли “другие народы”; другие говорили, что “стары люди” брали медь только сверху, а золота вовсе не знали и жили охотой да рыболовством.

Предполагалось, что слой земли, на котором жили “стары люди”, уже так завален сверху, что до этого слоя приходилось “докапываться”. “Докопались до той земли, где стары люди жили, – нет золота. Не на место, видно, угадали»⁷. Проблема отношения человека к богатству появляется в сказе в связи с образом Ермака и завоеванием Сибири. Исследователи обращают внимание на различие оценок Ермака П.П. Бажовым в разных сказах. Впрочем, в сказе «Дорогое имячко» «к старым людям пришли не ермаковцы, а “худые людишки”, которых много “к казакам налипло»⁸. Перед переселением на новые места стары люди собрали золото и драгоценные камни и оставили их в пещере Азов-горы. Хранительницей клада в Азов-горе является девка Азовка. «Во всех вариантах сказов о кладах Азов-горы неизменно фигурирует девка Азовка – без имени и указания ее национальности, лишь с неопределенным намеком: “из не наших людей”. В одних сказах она изображается страшилищем огромного роста и непомерной силы. Сторожит она клады очень ревностно: “Лучше собаки хорошей и почуткая страсть – никого близко не подпустит”. В других сказах девка-Азовка – то жена атамана, то заложница, прикованная цепями, то слуга тайной силы»⁹. В сказе же действует необычайно красивая девушка – дочка старшины – рассказчик отмечает ее особую нечеловеческую природу: «тайная сила в ней гнездовала». Соликамский парень, который пришел к старым людям, тоже «с тайной силой знался». Этот

6

Блажес В.В. Дорогое имячко, сказ // Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Сократ»; Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 118.

7

Бажов П.П. Сочинения в 3-х томах. Том II. – М., 1976. С. 336.

8

Блажес В.В. Дорогое имячко, сказ // Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Сократ»; Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 119.

9

Бажов П.П. Сочинения в 3-х томах. Том II. – М., 1976. С. 325.

соликамский парень – «мудреный человек» – после своей смерти вместе с дочерью старшины должен хранить сокровища Азов-горы до тех пор, пока не появится человек, которому известно «дорогое имячко». «Далее дед Слышко говорит о попытках корыстных людей завладеть богатством горы. Попытки наталкиваются на противодействие тайной силы. Она нейтрализует подкоп, взрыв, но наказывает тех, кто хочет добыть богатство “обманом”, т. е. людей, которые приходят и кричат “слова разные” в надежде угадать “дорогое имячко”. Таких тайная сила почти лишает разума...»¹⁰

Вы наверняка уже обратили внимание на частоту употребления слова «тайный» применительно к этому сказу: тайная сила, тайный сказ, тайное дело... Действительно, П.П. Бажов стремится создать ореол таинственности вокруг отношений человека и земельного богатства, загадочна в этом сказе и роль тайной силы. Кроме того, чтобы добыть богатство, необходимо знать «тайность» – это может быть секретное слово, как в сказе «Дорогое имячко», или секретный прием, какое-либо средство. И конечно же, рассказ о старых людях, в котором ощущаются предания о чуде, прибавляет таинственности бажовскому сказу.

О старых людях

Это еще в те годы было, когда тут стары люди жили. На том, значит, пласту, где поддерново¹ золото теперь находят.

Золота этого... кразелитов²... меди... полно было. Бери, сколько хочешь. Ну, только стары люди к этому не свычны были. На что им? Кразелитами хоть ребятишки играли, а в золоте никто и вовсе толку не знал. Крупинки желтеньки да песок, а куда их? Самородок фунтов несколько, а то и полпуда лежит, примерно, на тропке, и никто его не подберет. А кому помешал, так тот его сопнет в сторону – только и заботы. А то еще такая, слышь-ко, мода была. Собираются на охоту и наберут с собой этих самородков. Они, видишь, маленькие, а увесистые. В руках держать ловко и бьют емко. Присадит таким, так большого зверя собьет. Очень просто. Оттого нынче и находят самородки в таких местах, где бы вовсе ровно золоту быть не должно. А это стары люди разбросали, где пришлось.

Медь самородну, ту добывали маленько. Топоры, слышь-ко, из нее делали, орудия разную. Ложки-поварешки, всякую домашность тоже.

Гумешки-то нам от старых людей достались. Только, конечно, шахты никакой не били, сверху брали, не как в нынешнее время.

Зверя добывали, птицу-рыбу ловили, тем и питались. Пчелы дикой множина была. Меду – сколько добудешь. А хлеба и званья не было.

¹ Поддерново – то, что находится в верхних слоях песка, непосредственно под дерном.

² Кразелит – камень-самоецет, хризолит.

Скотину: лошадей, напримерно, коров, овцу – не водили. Понятия такого у них не было.

Были они не русски и не татара, а какой веры-обычая и как прозывались, про то никто не знает. По лесам жили. Одним словом, стары люди.

Домишек у них либо обзаведенья какого – банешек там, погребушек, – ничего такого и в заводе не было. В горах жили. В Думной горе пещера есть. С реки ход-от был. Теперь его не видно, – соком¹ завалили. Поди, сажен уж на десять. А самоглавная пещера в Азов-горе была. Огромнейшая – под всюё гору шла. Теперь ход-от есть, только обвалился будто маленько. Ну, там дело тайное. Об этом и сказ будет.

Вот живут себе стары люди, никого не задевают, себя сильно не оказывают. Только стали по этим местам другие народы проявляться. Сперва татара мимо заездили, по подгорью от Думной горы к Азов-горе тропу протоптали. С полдня на полночь, как из оружия стрелено. Теперь этой тропы не знатко², а старики от дедов своих слышали, будто ране-то видно было. Широкая, слышь-ко, тропа была, чисто трахт какой, без канав только.

Ну, ездят и ездят татара. В одну сторону одни товары везут – в другу – други, а насчет золота ничего. Видно, сами не толкуют, либо случая такого не подошло.

Стары люди сперва прихоронились. Потом видят – никто их не задеват, стали жить потихоньку. Птицу-рыбу полавливают, золотыми камнями зверя глушат, медными топорами добивают.

Вдруг татара что-то сильно закопошились. Целыми утугами на полночь пошли, и все с копьями, с саблями, как на войну. Мало спустя обратно побежали. Гонят, свету не видят. А это Ермак с казаками на Сибирь пришел и всех тамошних татар побил. Которые пособлять своим приходили, и тех до смерти перенугал. Как дело тогда внове было – из оружия стрелять, татара этой стрельбы и забоялись.

Казаки, слышь-ко, ране вольные были, и на Сибирь они уж проданные пришли. Купцам продалися, а царь их вовсе подарил. Набольшему – Ермаку-то – свою серебряную рубаху царь послал. Так Ермак той рубахи с себя не сымал. Гордился, значит. Так и утон в ей – в царском-то подаренье.

Как умер Ермак, тут баловство и развелось. Ну, мало ли худых людишек к казакам налипли. Они и давай хозяйевать, как кому любо. Возьмут, кого им надо, за горло. Подавай того-другого. Баб хватают, девчонок, вовсе подлетков³ и протча. Одним словом, баловство развели – хуже некуда.

Одна такая ватажка и объявилась в здешних местах. Небольшая ватажка – пеши пришли; а вожак, видать, грабастенькой попался. Эти сразу

¹ Сок – шлак, отходы металлургического производства.

² Знатко – заметно.

³ Подлеток – подросток.

золото сметили. Хватовщина пошла, чуть до смертоубойства не дошло. Потом образумились, видят – золота много, с собой не унесешь. Что делать? Туда-сюда зачали соваться, нет ли где жила близко, лошадей добыть. И набежали так-то на старых людей. Сейчас спрашивать, конечно:

– Что за народ? Какой веры-племени? Какому царю ясак даешь?

Стали так-то наступать на старых людей. Те им свое маячат – дескать, ваша нам не нужна, наша вам не мешает, проходите мимо. Казачишки опять на испуг берут. Из оружия пальнули. Стары люди испужались, в гору побежали. Казачишки за ими, думают так и есть – победили, а не тут-то было. Стары люди смелые были. Это они сперва только испужались. Думали, огонь, напримерно, с неба. Ну, потом отошли. И здоровые были. Добежали, значит, до пещеры своей, да как начали казачишек золотыми камнями пушить, знай держись. Чуть не всех заколотили, казаков-то. Двое либо трое все ж таки убежали. А стары люди и гнаться за ими не думали. Утурили – иладно. Пущай-де идут, куда им надо. Лишь бы к нам больше не лезли. Подивились на убитых, что у них нахватано у каждого желтых камешков через число, как только тащили экую тягость, а того не смекнули, на что им эти камни. По-своему думали, что тоже для бою набрали. Осмотрели оружия убитых, а одно было заряжено. Вот один из старых людей вертел, вертел оружие-то, копался, копался, оно и пальнуло. Сполоху наделало, самого маленько ушибло, а никого не убило. Тут стары люди и домекнули, что это не с неба огонь. Стали доходить, как бы еще пальнуть. Оснимали мертвых, все перещупали, осмотрели, обнюхали. Порох нашли, свинец рубленый, а что к чему, так и не добрались.

А те трое-то, которые убежали, вышли-таки к своим. Обсказали своему начальнику – напали, дескать, на нас незнамые люди и чуть не всех побили; трое вот только и выбежали.

Начальник – может, он пьяный был – «ладно», – говорит. Время, конечно, военное – Сибирь-покоренье-то. Мало ли всяких случаев было. Побили и побили. На том дело и заглохло. А про золото те не сказали. Думают, так и есть – погуляем, потешимся. Только золото, оно и золото. Хоть веско, а само кверху лезет. Его, видишь, первым делом разменять требуется. Тут они оха и поймали. Хватали самородки покрупнее, а как с таким объявишься? Сейчас спросы-расспросы, где взял... Догадались все-таки. Раскрошили самородки на мелочь, да и понесли купцам продавать. А уж таиться стали один от другого. Известно, золото. Один к одному купцу пришел, другой к этому же и третий тоже. Да так всех купцов и обошли. Купцы, конечно, – с полным нашим удовольствием. Деньги, значит, дают, а сами примечают. Денег наменяли – куда их? Оделись перво-наперво, как только кто удумал, и занялись пьянством да гулянкой. Из кабака, напримерно, не выходят и кого доходя поят. Ну, другим казакам и стало подозрительно – откуда у людей такие деньги? Стали дознаваться, а у пьяных

долго ли... Выведали все до тонкости и тоже ватажку сбивать стали: за золотом, значит, сходить.

Не все, конечно, казаки одинаковы были. Один – не знаю, как его звать-величать, – из Соликамска к ним пристал. Пошел за хорошей жизнью, а видит, тут грабеж да пьянство, и отшатился от казаков.

Услышал, что опять собираются грабить, и стал их совестить:

– Как, дескать, вам не стыдно. Раньше купцов да бояр оглаживали, а теперь что? У здешнего народу с кровью рвать да купцам барыш давать? Так, что ли?

Тем, конечно, не по носу табак, а как все оборуженные, то сейчас у них свалка пошла, с саблями и другой орудией. Ну, соликамской-от этот парень проворный был, удалой. Ото всех отбил, только сильно его изранили. Он в лес и убрался, чтобы его не нашли. Леса страшные были – где найдешь! Побегали-побегали казачишки, пошумели и разошлись, а тот, раненый-то, думает, как дальше быть? Показаться в жиле¹ – наверняка убьют, а то и под палача подведут – за разговор-от. Вот и придумал:

– Пойду к тем людям, которых грабить собираются. Упрежу их.

Дорогу он понял, куда то есть итти собирались. Путь все ж таки не ближняя, а запасу у него, например, никакого. Отоцал в дороге, да еще и раны донимают. Еле идет. Полежит-полежит и опять плетется. У самой Азов-горы – вот у того места – совсем свалился.

Увидели стары люди – чужестранный человек лежит, весь кровью измазанный, и оружие с им. А бабы набежали первые-то. Баба, известно, у всякого народа жалостливее и за ранеными ходить любит. Тут еще девка случилась, ихнего старшины дочь. Смелая такая, рас-торопная, хоть штаны на такую надевай. И красивая – страсть. Глаза, как угольки, щеки, как розан расцвел, коса до пяток и вся протча в полном аккурате. Лучше нельзя. Плясать первая мастерица, а ежели песню заведет с переливами, ну... Одним словом, любота. Одно плохо – сильно большая была. Прямо сказать, великанша. И как раз девка на выданье. Восемнадцатый год доходил. Самая, значит, пора. Ну, ей и приглянулся, видно, пришлый-то. А он тоже, по-нашему, мужик рослый был. Из себя чистый, волосом кудрявый, глаза открытые. Ей и любопытно стало. Пока другие бабы охали да ахали, эта девка сгребла раненого в охалку, притащила в пещеру и давай за им ходить – водой там смачивать, раны перевязывать. Отец, мать ничего, будто так и надо. Соседи тоже помалкивают и помогают, подают то – другое. Бабам, вишь, жалко, а у мужиков свое на уме: не научит ли, как огонь пущать.

Раненый мало-помалу оклемался. Видит, какие-то вовсе незнакомые люди. Рослые против наших и по-татарски бельмень. Сам-то он мараквал² маленько по-татарски. На то и надеялся, когда шел в эти места.

¹ Ж и л о – жилое место, жилище.

² М а р а к о в а т ь – понимать, разбираться в чем-либо.

Ну, делать нечего, стал маяками дознаваться, как и что они прозывают. Учиться, значит, стал по-ихнему. А девка от его не отходит, прямо прилипла. И он тоже человек молодой, к ей тянется. Поправа, однако, плохо идет. Главная причина — хлебушка у их не было. Притащит это ему девка пищи самолучшей. Рыбы, мяса наставит, меду чашку вскрай полнехоньку, а его с души воротит. Ему бы хоть яшничка ломоток. Просит у ей, а она не понимает, какой есть хлеб. Заплачет даже. Это она-то. Известно, русьскому человеку без хлебушка невозможно. Какая уж тут поправа. Ну, все ж таки ходить стал и к разговору мало-мало обвык, а девка обратно от его руський разговор переняла, да так скоро, что просто удивленье. Такая уж удачливая была и, видать, не простая. Тайная сила в ей, видно, гнездовала.

Стал это он — соликамской-от — ходить. Оглядел всю местность, показал, как с оружием поступать и весь установ объяснил, что и как.

— Эти, — говорит, — камни желтые, крупа, песок и зелененькие стеклышки — это есть вредное для вас. Купцы раз унюхали, они уж спокую не дадут. А до царя дойдет — и вовсе житья не станет. Вы, — говорит, — вот что сделайте. Камни эти, самородки-то, значит, куда с глаз уберите. Хоть вон в Азов-гору стаскайте. И кразелиты туда же сгребите. А крупу и песок зарыть надо. Снизу черной земли выворотить, чтобы травой заросло. А пока все это не угоите, никаких чужестранных близко не подпускайте... Чтобы нечаянно не пришли, поставьте, — говорит, — на Думной горе и на Азов-горе караулы надежные. Пуцай досматривают по дороге, не идет ли кто, а как заметят чужестранного, пуцай знак подадут — костерок запалят...

Девка все это растолмачила своим. Они видят, человек для их старается — послушались. Караулы поставили, как он сказал, а сами занялись самородное золото да кразелиты подбирать да в Азов-гору стаскивать. Штабеля наворотили — глядеть страшно, и кразелитов насыпали, как угольну кучу. Потом оставшую крупу и песок зарыли, а чужих на то время близко не подпускали. Увидят с Азов-горы либо с Думной, кто идет, едет ли, — сейчас знак подадут, огнем, значит. Все и бегут, в которую сторону надо. Навалятся и в одночасье прикончат. Прикончат и в землю зароят. Оружьев они уж тогда не боялись.

Только ведь золото-то человеку, как мухе патока. Сколь ни гинут, а пуще лезут. Так и тут. Много людей сгнуло, а другие идут да идут. Это, значит, слушок про золото дальше да дальше идет. Кто-то, видно, до царя дотолкал. Тут вовсе худо стало — с пушками полезли.

Со всех сторон напирают. Даром, что лес страшенный, нашли пути-дороги.

Видят стары люди — дело неминуемое, сила не берет. Пошли к раненому-то посоветоваться, как дальше быть-поступать. А он на то время на Думной горе был. Для воздуха его девка-то туда притащила, как он вовсе слабый стал. Азов-гора, она сроду в лесу, а на Думной-то на

камнях ветерком обдувает. Девка и таскала его. Отходить его все охота было.

Думали они тут целых три дня. Оттого и гора Думной зовется. Раньше по-другому как-то у ей имя было. Обмозговали все по порядку и придумали переселиться на новые места, где золота совсем нет, а зверя, птицы и рыбы вдосталь. Он же надоумил – соликамской-от – и рассказал, в котору сторону податься. На этом дело решили и в путь-дорогу сряжаться стали. Хотели стары люди этого своего радельца¹ с собой унести, да он не пожелал.

– Смерть, – говорит, – чую близкую, да и нельзя мне. – Почему нельзя, этого не сказал. А девка объявила:

– Никуда не пойду.

Мать, сестры в рев, отец пригрозать стал, братья уговаривают:

– Что ты, что ты, сестра! Вся жизнь у тебя впереди.

Ну, она на своем стоит:

– Такая моя судьба-доля. Никуда от своего милого не отойду.

Сказала, как отрезала. Кремень-девка. По всем статьям вышла. Родные видят – ничего не поделаешь. Простились с ней честно-благородно, а сами думают – все равно она порченная. У которой ведь девушки жених умирает, так та хуже вдовы. На всю жизнь у ей это горе останется.

Вот ушли все, а эти вдвоем в Азов-горе остались. Людишки уж со всех сторон набились в те места. Лопатами роют, друг дружку бьют.

Раненый-от вовсе ослаб. Вот и говорит своей нареченной:

– Прощай, милая моя невестушка! Не судьба, знать, нам пожить, помиловаться, деток взростить.

Она, конечно, всплакнула женским делом и всяко его уговаривает:

– Не беспокой себя, любезный друг. Выхожу тебя, проживем сколь-нибудь.

А он опять ей:

– Нет уж, моя хорошая, не жилец я на этом свете. Теперь и хлебушком меня не поправить. Свой час чую. Да и не пара мы с тобой. Ты вон какая выросла, а я супротив тебя ровно малолеток какой. По нашему закону-обычаю так-то не годится, чтобы жена мужа, как ребенка, на руках таскала. Подождать, видно, тебе причтется – и не малое время подождать, когда в пару тебе в нашей земле мужики вырастут.

Она это совестит его:

– Что ты, что ты! Про такое и думать не могли. Да чтоб я, кроме тебя...

А он опять свое:

– Не в обиду, – говорит, – тебе, моя милая невестушка, речь веду, а так оно быть должно. Открылось мне это, когда я поглядел, как вы тут по золоту без купцов ходите. Будет и в нашей стороне такое времяч-

¹ Р а д е л е ц – тот, кто радуется, ревностно заботится о ком-чем-либо; радетьель.

ко, когда ни купцов, ни царя даже званья не останется. Вот тогда и в нашей стороне люди большие да здоровые расти станут. Один такой подойдет к Азов-горе и громко так скажет твое дорогое имячко. И тогда зарой меня в землю и смело и весело иди к нему. Это и будет твой суженый. Пушай тогда все золото берут, если оно тем людям на что-нибудь сгодится. А пока прощай, моя ласковая. – Вздохнул в остатный раз и умер, как уснул. И в ту же минуту Азов-гора замкнулась.

Он, видать, неспроста это говорил. Мудреный человек был, не иначе, с тайной силой знался. Соликамски-то, они дошлые на эти дела.

Так с той поры в нутро Азов-горы никто попасть и не может. Ходит в пещеру и теперь знатко, только он будто осыпался. Пойдет кто, осыпь зашумит, и страшно станет. Так впусе гора и стоит. Лесом заросла. Кто не знает, так и не подумает, что там, в нутре-то.

А там, слышь-ко, пещера огромная. И все хорошо облажено. Пол, напримерно, гладкий-прегладкий, из самого лучшего мрамору, а посредине ключ, и вода, как слеза. А кругом золотые штабеля понаторканы, как вот на площади дрова, и тут же, не мене угольной кучи, кразелитов насыпано.

И как-то устроено, что светло в пещере. И лежит в той пещере умерший человек, а рядом девица неописанной красоты сидит и не утыхаючи плачет, а совсем не старится. Как был ей восемнадцатый годок в доходе, так и остался.

Охотников в ту пещеру пробраться много было. Всяко старались. Штольни били – не вышло толку. Даже диомит¹, слышь-ко, не берет. Хотели обманом богатство добыть. Придут это к горе, да и кричат слова разные, как почуднее. Думают, не угадаю ли, дескать, дорогое имячко, которое само пещеру откроет. Известно, дураки. Сами потом как без ума станут. Болбочут, а что – разобрать нельзя. Имена, слышь-ко, все выдумывают.

Нет, видно, крепкое заклиятие на то дело положено. Пока час не придет, не откроется Азов-гора.

Одинова только знак был. Это когда еще батюшка Омельян Иваныч объявился и рабочие на Думной горе собираться стали. Так вот старики наши сказывали, будто на то время из Азов-горы как песня слышалась. Ровно мать с ребенком играет и веселую байку поет.

С той поры не было. Все стонет да плачет. Когда крепость сымали, нарочно многие ходили к Азов-горе послушать, как там. Нет, все стонет. Еще ровно жалобнее.

Оно и верно. Денежка похуже барской плетки народ гонит. И чем дальше, тем ровно больше силу берет. Наши вон отцы-деды в мои годы по печкам сидели, а я на Думной горе караул держу. Потому каждому до самой смерти пить-есть охота.

¹ Диомит – динамит.

Да, не дожидаться мне, вижу, когда Азов-гора откроется... Не дожидаться! Хоть бы песенку повеселее оттуда услышать довелось.

Ваше дело другое. Вы молоденькие. Может, вам и посчастливит – доживете до той поры.

Отнимут, поди-ка, люди у золота его силу. Помяни мое слово, отнимут! Соликамской-от с умом говорил.

Кто вот из вас доживет, тот и увидит клад Азов-горы. Узнает и дорогое имячко, коим богатства открываются.

Так-то... Не простой это сказ. Шевелить надо умишком-то – что к чему.

Бажов П.П. Дорогое имячко... С. 333–341.

Итак, фольклорные произведения: предания, легенды – и литературные произведения, содержащие их отголоски, создают образ доисторического Урала. Древний Урал предстает перед читателем как край, наделенный некоей тайной. Это загадочная земля, обладающая древней историей – можно сказать, «историей до истории». Доисторическое прошлое Урала – древнее, загадочное, легендарное, таинственное – оказывает влияние на формирование образа Урала и по сей день.

Вопросы и задания

1. Что интересного узнали вы о древнем мифическом народе «чудь»?

2. Какие названия, имена в современном русском языке напоминают нам об этом древнем народе?

3. Каким образом предания объясняют причины гибели чуди?

4. Что древние предания и авторы XIX века сообщают нам о легендарной Биармии?

5. Обратите внимание на встречающиеся в тексте понятия «пермский звериный стиль», «закамское серебро». Попробуйте дать им определения.

6. Проследите по карте маршрут путешествия Д.Н. Мамина-Сибиряка (очерк «Старая Пермь») и охарактеризуйте населенные пункты, которые он посетил.

7. На основании текста сказа «Дорогое имячко» дайте характеристику «старым людям» Урала. Определите, что общего у них с современными уральцами.

Образ Пермской земли в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого

Образ Урала создавался на протяжении многих веков в разных жанрах устной и письменной словесности. Представление о том, что где-то далеко на Востоке есть высокие горы, обозначенные как край света, существовало в сочинениях античных историков. Смутные, но имеющие явно в основе свидетельства очевидцев рассказы о народах и горах встречаем в ранней русской летописи – «Повести временных лет» (статья 1096 г.). Летописец, ссылаясь на очевидцев и старательно указав всех, от кого пришли эти сведения, рассказывает о чудесном северном народе, который живет в краю, где «горы заидуче в луку моря». Печерские югорцы (один из известных летописцу народов), по рассказу летописца, торгуют с этим неизвестным народом, и хотя и «не разумети языку их», общаются с помощью жестов. При этом указывается на находящиеся в этой стране горы высотой «до небес». Современные историки соотносят этот эпизод с северным Уралом. В контексте средневековых представлений появление этих народов связывалось с мыслью о конце не только мира, но и конце света. Традиционному средневековому описанию далеких народов в Средневековье всегда сопутствовало использование различных фантастических элементов в описании не только природного мира, но и людей. Так появляются в далеких землях люди с «песьими» (собачьими) головами, с телами, обросшими шерстью, у других длинные руки, но нет ног, и тому подобные «досужие» выдумки, которые так искусно использовал А.Н. Островский в рассказах стариц в доме Кабанихи («Гроза»). При этом и эти земли, и неведомые люди были носителями иной, а значит, враждебной жизни. Именно у далеких неведомых гор проходила граница христианской цивилизации.

Эти замечания необходимы, чтобы понять насколько неожиданным и интересным оказалось введение в сознание населения русского государства конца XIV – начала XV веков образа новой территории под названием Пермская земля с подробным рассказом о ее географии, животном мире и обычаях местных жителей, названных автором «пермяне».

Автором этого подробного повествования о Пермской земле был монах, талантливый писатель, ближайший сподвижник Сергия Радонежского **Епифаний Премудрый** (2-я половина XIV – 1-я четверть XV веков) – именно так прозвали его современники, – и причиной его обращения к образу Пермской земли стало создание Жития, т. е. Повествования о жизни и трудах великого просветителя и миссионера инока Стефана, созданное после его смерти последовавшей в 1396 году. Оригинал Жития руки Епифания на сохранился, но Житие многократно переписывалось на протяжении нескольких веков и в XVI веке вошло в старопечатное издание, подкорректированное писателем этого времени Пахомием Сербом. Текст не очень хорошо был известен читателю, так как издавался в XIX веке единожды (1897), в связи с датой пятисотлетнего юбилея успения Стефана (1396 г.) Житие было издано на старославянском и русской языках по рукописи 1490 года, хранящейся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург)*.

Освоение Урала русскими людьми продолжалось в течение нескольких веков. Проникновение в форме стихийной крестьянской колонизации на восточные от Новгорода земли началось в период феодальной раздробленности (XIII век), однако доминирование на территории Руси сил Ордынского ханства замедляло процесс. К расширению восточных окраин Руси русские политики в лице Великого князя Московского Дмитрия Донского и идеолога того времени преподобного Сергия Радонежского обратились в одно время с главным событием второй половины XIV века – Куликовской битвой (1380). Проповедническая деятельность Стефана, начатая в 1379 году, знаменовала собой ощущение Русью силы христианской благодати, имевшей политическую параллель в воинском сражении. Тема Пермской земли возникла в русской культуре столь животворно во время, когда проблемы объединения земель вокруг Москвы, государственной централизации и становления русского национального единства, драматично переплетались межкняжескими конфликтами и усложнялись существующими противоречиями между княжеской и церковной властью. В средневековом обществе центром духовно-интеллектуальной деятельности была русская церковь, а богослужбная (литургическая) практика стала связующей нитью в приходах, разделенных политическими амбициями князей. Именно среди деятелей церкви в конце XIV – начале XV веков присутствуют яркие, неординарные и наполненные творческой энергией личности (Андрей Рублев, Сергей Радонежский, митрополит Киприан, Епифаний Премудрый и др.). Помимо выдающихся талантов во многих сферах искусства, их объединяет вера в собственные возможности и небывалая смелость реализации идей. Ключевой фигурой, ставшей символом и знаменем времени не только для

Стефан Пермский (ок. 1340–1396) – монах, создатель пермской азбуки, которую он завершил к 1372 г. Перевел на язык коми-пермяков (зырян) основные богослужбные тексты и в 1379 г. отправился в Пермскую землю, где тогда жили язычники. В течение нескольких лет он занимался крещением коми-пермяков, прошел по территории Перми не менее тысячи километров. В 1383 г. по его просьбе была основана Пермская епархия, и он стал ее первым епископом. Основал несколько церквей и монастырей, организовал обучение пермяков грамоте и переписке книг на местный язык.

* См.: «Святитель Стефан Пермский» СПб., 1995 (Сер. «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях»). Благодарим сотрудника отдела древнерусской литературы Института русской литературы, доктора филологических наук Г.М. Прохорова за возможность использовать текст Жития в его переводе.

потомков, но и для своих современников, был преподобный Сергей Радонежский. Основанный им монастырь с храмом Во Имя Святой Троицы превратился, по сути, в высшую школу кадров – носителей новых, в высшей степени актуальных и перспективных идей объединения и расширения русских земель. Контуры и практические пути воплощения идей продумывались в стенах построенного монастыря. Стефан Пермский духовно вышел из стен Троицкой обители. Он был одним из ближайших учеников Сергия, которых святитель рассылал по самым глухим окраинам Северо-Восточной Руси с миссией собирателей и устроителей Русской земли. Сергей и его сподвижники активно занимались строительством новых монастырей и церквей, насыщая пространство русской земли православными святынями.

Русь развивалась в новое сильное государство, претендующее на свое место в семье европейских стран. Понятно, что неведомые, но богатые важными для средневекового мира природными ресурсами (лесом, пушниной, рыбой, промысловым зверем) земли становились важными аргументами в обретении Русским государством дополнительной силы в стремлении к независимости.

За год до начала Куликовского сражения (1379) в Пермскую землю отправляется талантливый администратор и проповедник, монах Стефан, уроженец Великого Устюга, получивший потом славное имя Пермский или Великопермский. Именно в рамках Жития Стефана Пермского Епифаний рисует впервые столь подробно и образно картины природы Пермской земли, выстраивает концепцию ее судьбы, формируя у читателя главное – неравнодушное и заинтересованное отношение к населяющим эту землю людям, желание соединения с ними в одной семье православных народов.

Целью деятельности Стефана является крещение пермян и приобщение Пермской земли к православному пространству русского государства. Следовательно, и пермяне, и их земля не могут рассматриваться в статусе чужого народа и враждебной территории по отношению к Руси. Епифаний показывает в Житии, как постепенно под влиянием личности Стефана приходят пермяне к новому для них образу жизни, во многом благодаря обретению христианского учения, пришедшего к ним стараниями Стефана на пермском языке. Факт признания пермского языка достойным для передачи смысла верования равнозначен мысли о равенстве народов, соединенных единой верой и единым политическим пространством. В древнерусском языке слово «язык» имеет второе значение – народ.

В этом высоком общерусском контексте в территориальные представления русских людей вошла Пермская земля, не как чужая и враждебная, а как итог духовных усилий русских святителей, как часть общей политики церковной и княжеской власти. Рассказ же о проповеднической деятельности

Стефана, сведения о пермяках, их языке и религиозных обычаях, особенности края даны в Житии с той степенью подробностей, на которые была способна эпоха.

В своеобразном предисловии к описанию миссионерского служения Стефана Пермского автор называет имя неведомой земли, неодолимое желание крестить жителей которой овладело иноком. К тому времени Стефану было не меньше сорока лет, возраст достойный и уважаемый в Средние века. Он обладал энергичным характером, деловитостью, целеустремленностью и высоким творческим потенциалом. Это помогло ему довести до успешного финала задуманную великую реформу в Пермской земле, изобрести пермскую азбуку и принести пермякам христианское учение на их языке, как в IX веке это сделали святители из Византийского города Фессалоники Кирилл и Мефодий, принеся азбуку – «слово буквенное» – славянам.

Что же знал Стефан о Пермской земле, по представлению писателя. Обратимся к самому тексту Жития. Главное качество неведомого пространства для Стефана – состояние веры. В Перми «человеци» почитают свои языческие «кумиры», приносят им жертвы, будучи одержимы бесами, веруют в волшебство и в «кудесы» (языческие чудеса). Узнав об этом, Стефан сильно «печаловаше» и воодушевился идеей привести «пермян» к истинной вере.

Далее автор переходит к географическим характеристикам Пермской земли, предполагая, что читателю эти сведения не только интересны, но и полезны. Не будем забывать, что время XIV–XV веков в Европе связано с великими географическими открытиями. Это время путешествий, желание обнаружить новые земли буквально пронизывает европейскую ментальность. Русские люди были не менее великими путешественниками.

Среди рек Епифаний первой называет Вымь, которая, «обходящая всю землю Пермскую», впадает в Вычегду, Вычегда вытекает из Пермской земли, течет «к северной стране» и устьем входит в Двину ниже города Устюга. Третья же река, «нарицаемая Вятка», течет к другому краю Перми «и вниде в Каму». «Река же четвертая есть именем Кама», которая протекает по всей Пермской земле, живут на ней многие народы, течет на юг и входит устьем в Волгу вблизи города Болгар (древняя столица Булгарского царства, разрушенная после результате монгольского нашествия). Автор не удержался и выразил удивление, каким образом две реки (Вычегда и Кама), вытекающие из одной страны, текут одна – к северу, а вторая – к югу («овы убо воды грядяху на полнощи, овы же на полдни»).

Более подробного описания природных особенностей Пермской земли Епифаний не делает. Сам писатель не посещал эти места и описывал их, основываясь на рассказах самого Стефана и других очевидцев.

Епифаний рисует утопически-идеальную картину преобразенной земли, в которой Стефан учит крещеный народ нравственной основе труда. Невозможно брать чужое, не заработанное своим трудом; благодать у дающего, а не у берущего. Эти простые, но столь трудные истины должны были составить основу этики новообращенных народов, которые, по мысли Епифания, словно дети, постигают новые аспекты бытия.

Изменения, коснувшиеся Пермской земли Епифаний приравнивает к чуду, потому что, где раньше были «идолослужители и бесомольцы, там появились богомольцы, где прежде были храмы идольские и кумирницы... там церкви святые были созданы и монастыри и богомолья учинились». По его словам, событие обретает вселенское, общехристианское значение: «И об этом услышали в иных землях – во многих городах и странах» и обрадовались и молились за Пермскую землю.

Поднимая тему освоения прежде чужой земли с иной культурой Епифаний, скорее всего вслед за обсуждением этой темы в Троицкой лавре, провозглашает важный принцип сохранения корневой культуры, выраженной прежде всего в языке перекрещиваемого народа.

Не менее важно для Епифания оказалось создание образов «пермян» в сознании читателей. Это был взгляд писателя за далекий исторический горизонт. Русь начинала свой долгий путь к многонациональной России, и надо было сформулировать правила общения и научить оптимальному бесконфликтному внедрению на новые территории, обладающие сложившейся своеобычностью. Епифаний понимает, что восточная окраина России – своеобразный многонациональный «котел», и будет ли соединение различных культур живительно для людей или окажется драматически губительно в противостоянии – зависит от того, как, с какими чувствами будут готовы народы к общению, что будет преобладать в их восприятии друг друга. Епифаний делает очень верный шаг в формировании этики межнационального общения.

Главной чертой в характеристике пермского народа, которая должна была определить дальнейшее отношение к нему со стороны многочисленных читателей Жития, было признание добровольности вхождения его в христианскую ойкумену и признание его равенства и творческих интеллектуальных возможностей в контексте христианской культуры.

Искусно писатель подбирает в отдельную главу систему высказываний из библейских книг о призвании и крещении многих народов. Среди них оказывается и Пермская земля, которая становится равной другим землям в приобщении к христианской благодати. Русь же становилась в ряд государств с апостольской историей: Римом и Византией.

Для доказательства равноправия Пермской земли среди других христианских мест и для убеждения читателя в род-

ственности судьбы Руси и Перми автор приводит хитроумные вычисления. По его расчетам, славянская азбука была изобретена за 120 лет до крещения Руси, пермская же азбука была придумана Стефаном за 120 лет до ожидаемого всем христианским миром конца света (7000 год от сотворения мира, что соответствовало 1492 году от Рождества Христова). Эти размышления приводят автора к выводу, что крещение пермян неслучайно, так как «в последняя времена вся земля и вси страны и вси языци (народы) веровать начнут». Крещение пермяков становится символом исторической миссии Московского княжества, усилиями которой продолжается апостольский подвиг славянских первоучителей. Подобно тому, как в начальном русском летописании при описании крещения «русичей» раскрывался ненасильственный характер обретения христианской веры, так и в конце XIV – начале XV веков Пермь под пером русского писателя становится символом гуманистического обретения новых горизонтов нравственного и экономического развития, что сопровождается оптимистическими чувствами всего пермского народа.

Судьба Пермской земли становится символом обновления и возрождения. Территория, которая сначала характеризуется как «земля забытая», в которой живут «невегласи» (язычники), принимая крещение, становится землей равноблагодатной, а населяющие ее люди словно заново родились в крещенской купели. Описание крещения пермян должно было вызвать в исторической памяти русских людей их приобщение к христианству в Киевской Руси, которое оценивается как идеальное время расцвета православия.

Завершает свое произведение Епифаний тремя плачами об умершем в 1396 году преподобном Стефане. Среди них есть и плач пермских людей. В плаче пермяков постоянно используются местоимения множественного числа: «нас, нам, ны, нашу» и обращение «братие», что выявляет духовную общность людей, отошедших от «одержимости» бесами к новой вере. Чувства, проявляемые паствой Стефана, не только говорят читателю об их скорби, но дают представление о единстве пермяков со своим святителем, а через него и со всей Русью.

Вводит в плач пермских людей Епифаний тему взаимоотношений центра (Москвы) и провинции, чутко уловив «болеую точку» возможных разногласий и претензий. Писателю важно, показав упреки пермских людей к Москве, установить своеобразное равенство в вере окраины и столицы, показать энтузиазм и горячую приверженность православию уже первого крещенного поколения пермяков.

Поднимает Епифаний Премудрый тему почитания для пермских людей своих учителя. От их имени он формулирует необходимость иметь в приходе почитаемые реликвии, потому что москвичи не так будут почитать память Стефана, как пермские жители.

Епифаний стремился отыскать вечный смысл в деяниях людей, обуреваемый заботой о единении всех народностей, проживающих на сопредельной с Русью территории, на основе высоких помыслов. Писатель в Житии показал неразрывность христианских подвигов Стефана и политической задачи укрепления молодого государства. Для него было важно, что Стефан своей деятельностью воскресил высокие идеалы и цели, которые Русь осознала после крещения. Именно поэтому он в заключение плача пермских людей славословит Стефана на основе цитаты из сочинения писателя XI века митрополита Илариона «Слово о законе и благодати», который прославил князя Владимира как равного первым апостолам. По мнению Епифания, такой же высокой оценке подлежат христианские лидеры его времени, и Пермская земля чтит своего крестителя как наставника, вождя и проповедника. Таким образом, Пермская земля не только является равноблагодатной частью православной территории, но и обладает всем, что положено иметь православной земле: приходами, учителями-проповедниками, святым покровителем, связанным своей деятельностью именно с этой землей, храмами и монастырями, имеющими почитаемые иконы и книги на своем пермском языке.

Епифаний прочувствовал тонкую грань, отделяющую добровольное содружество народов – на основе христианского милосердия и отеческой любви, при обязательном условии признания потенциального равенства духовного мира всех народов – от чувства высокомерного превосходства, ведущего к навязыванию иных условий жизни, к обидам и межнациональным конфликтам, и художественно воплотил это в Житии, показав пример приобщения народа к христианской культуре при сохранении своеобразия собственной.

Пермская земля, стоящая в начале формирования образа Урала, вошла в российскую духовную культуру благодаря Епифанию Премудрому как земля, дружественная Руси, богатая, населенная сильным и мирным народом, умеющим быть благодарным и независимым. Земля, добровольно принявшая новую веру, имеющая письменность, люди которой читают и пишут книги на своем языке.

В XVIII веке при создании герба Пермской губернии подвиг Стефана, приведшего Пермскую землю к новым горизонтам, стал основой изображения на гербе. На нем был нарисован медведь с Евангелием на спине.

Описание пермской земли, ее верований и народов

И крепко овладела им мысль идти в Пермскую землю и учить ее. Для того ведь и старался он выучить пермский язык и для того и письменность пермскую создал – потому что сильно желал, очень хотел отправиться в Пермь и учить некрещеных людей, обращать неверных и приводить их ко Христу Богу в христианскую веру. И не только помыслил об этом, но и на деле это осуществил.

А замыслив это – давно у него это задумано было, – услышал преподобный о Пермской земле, что в ней – идолослужители и что дьявольское царство действует там. Ибо в Перми люди постоянно приносили жертвы глухим кумирам и молились бесам, будучи привержены волхвованию, веруя в бесовство, в чары и в чудеса. И очень об этом сожалел раб Божий, и крайне печалился об их заблуждении, и разгорался духом, потому что люди сотворены Богом и Богом почтены, но стали рабами врага. И он от этого немало скорбел, думая, как бы похитить их из рук врага.

Должно сделать разыскание, исследовать и точно узнать о Пермской земле – где она находится, в каких местах помещается, между какими землями располагается, и какие реки окружают ее и текут сквозь нее, и какие народы соприкасаются с ней, живя по соседству рядом с ней.

Вот названия мест, стран, земель и других народов, живущих вокруг, около Перми: двиняне, устюжане, вилежане, вычегжане, пинежане, южане, сырьяне, гаиане, вятчане, лопь, корела, югра, печера, вогуличи, самоедь, пертасы, пермь великая, называемая чувсовая.

Одна тамошняя река называется Вымь; огибая всю землю Пермскую, она впадает в Вычегду. Другая река – по имени Вычегда; вытекающая из земли Пермской, она течет в северном направлении и своим устьем входит в Двину ниже города Устюга на четырнадцать поприщ. Третья река, называемая Вятка, течет к другому краю Перми и впадает в Каму. Четвертая же река – по имени Кама; эта река протекает по всей земле Пермской, сквозь нее; и по ней многие народы живут; она направляется своим течением прямо на юг и своим устьем входит в Волгу поблизости от города, называемого Болгар. Непонятно, как из одной страны вытекают две реки, Вычегда и Кама, и воды одной текут к северу, а другой к югу.

Для всякого желающего отправиться в Пермскую землю удобен путь от города Устюга рекой Вычегдой вверх, пока она не войдет в самую Пермь. Не стану об этом много говорить, чтобы не оказалось, что повесть моя об этом.

Святитель Стефан Пермский... С. 65, 67.

...идти в Пермскую землю – речь идет о территории северо-восточной России на стыке Республики Коми и Пермского края, в бассейнах рек Вычегда, Вымь, Сысола, Вятка и Кама.

...пермский язык... – язык коми-пермяков относится к угрофинской группе языков.

Ибо в Перми люди постоянно приносили жертвы... Коми-пермяки в XIV веке придерживались языческих представлений, приносили жертвы «кумирам». Об их искусных изваяниях из дерева пишет Епифаний. Традиции изображения деревянных идолов были настолько сильны, что проникли в местное христианское искусство. Пермские деревянные скульптуры святых напоминают языческих идолов.

Вот названия мест... – Епифаний предлагает не просто описание Пермской земли, а достаточно точный маршрут проникновения в эти места. По его мнению, необходимо точно по существующим данным узнать, а более того – и исследовать, на каком расстоянии и между какими землями располагается Пермь, и какие реки протекают по ней, и какие народы живут рядом с Пермской землей или, как пишет древнерусский автор, «в суседах около ея».

В одном ряду перечислений Епифаний приводит имена племен и народностей, в окружении которых живут «пермяне» (нынешние коми-зыряне). Часть названий народностей образована от названий рек, протекающих в той стране, («двиныне», «пинежане», «вычегжане», «печера», «вятчане»), часть от близлежащих известных названий мест («устьюжане» – очевидно жители из окрестностей Устюга, «югра» – племена хантов и отчасти манси). Входят в перечисленные племена и «корела» – предки современных корел (прибалтийско-финское племя), «лопь» – предки современных лапландцев; примыкают к ним «вогуличи» – старое название народности манси, проживающих к востоку от Урала, а также на верхней Печоре. Исследовательское любопытство Епифания дает неожиданный результат, он приводит такие названия народностей, которые с трудом идентифицируются и совсем неизвестны по другим источникам. Например, «печера» – возможно древний народ, предки коми или европейских ненцев. Такие же названия народностей, как «сырьяне», «гаиане», «пертасы», ставят в тупик этнографов современности. В качестве названия народности появляется у Епифания «Пермь великая, называемая чувсовая» – именно так именуется писателем народ, потомками которого сегодня являются коми-пермяки в отличие от коми-зырян, которых именовали «пермью вычегодской».

Одна тамошняя река называется Вымь... Епифаний описывает реки, протекающие по Перми Великой. Реки для жителей обширного русского государства представляли особый интерес и были в центре внимания писателей. Именно реки позволяли проникнуть в недоступные районы при полном отсутствии дорог, суровом климате и непроходимых лесах.

Летом, сплавляясь на судах и плотах, и зимой на санях упорные и бесстрашные переселенцы могли проникнуть глубоко на новые территории. Очень высоко ценил этот географический фактор не только для переселения, но и для развития человека известный историк XIX века В.О. Ключевский. В своем труде «Курс русской истории» он писал, что «река является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе, она сама любит порядок и закономерность... Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчатся, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, общаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение». Автор не удержался и выразил удивление, каким образом две реки (Вычегда и Кама), вытекающие из одной страны, текут одна – к северу, а вторая – к югу.

... города Болгар... – древняя столица Булгарского царства, разрушенная после монгольского нашествия.

Языческая Пермь и борьба Стефана

Кумиры

Пошел он в землю, где не пролегал путь апостолов, где не звучала речь и проповедь святых апостолов, где было ни следа благочестия и богоразумия, где имя Божие никогда не называлось, где поклоняются идолам, где приносят жертвы, служа глухим кумирам, где молятся выдолбленным болванам, где веруют в кудешение, в волхвования, в чародейства, в беснования и в прочий обман дьявольский, где находятся упомянутые язычники неверные, так называемые невегласы, обманутые некрещеные люди. <...>

Кумиры же в Перми были различные: и большие, и меньшие, а также средние, причем некоторые искусной работы и прославленные, и другие многие. И кто может перечислить их? Одним из них редко кто молился и малую честь воздавали, а другим многие, и не только ближние, но и из дальних погостов. А есть у них и такие кумиры, к которым издалека приходили и из дальних мест поминки приносили — и за три дня пути, и за четыре, и за неделю, — очень старательно приносили поминки и присылали.

Святитель Стефан Пермский... С.83, 117.

Перед нами одно из первых описаний язычества в Перми, сделанное Епифанием по рассказам, скорее всего, самого Стефана и его соратников. В центре внимания писателя эпизоды борьбы с язычеством. Внимание привлекают описания язы-

ческих реликвий и мест их расположения, поведение людей и столкновение с языческими жрецами.

Самое яркое впечатление из этих рассказов – эпизоды борьбы с «кумирнями», т. е. местами, где помещались изображения языческих богов и совершались жертвоприношения. Преимущественно они – Епифаний красноречиво называет их «болваны истуканные» – находились среди леса или в овражках и были изваянные, выдолбленные и вырезанные из дерева. Над идолами вешались «приношенья» и украшение из дорогих мехов. Перечисляя их, Епифаний фактически информирует читателя о богатстве той земли, люди которой не скупилась украшать своих богов соболем, куницей, горностаем. Приносили также меха бобра, лисицы, медведя или рыси, ласки или белки. Благодаря Епифанию можно судить о религиозных представлениях пермян и их материальном воплощении. Кумиры, отмечает писатель, были большие, меньшие и средние. Некоторые из них были прославлены искусным изготовлением. Выявляет писатель многообразие племенных богов, одним из них молились редко, другим молились много, причем не только из ближних, но и из дальних мест (за несколько дней пути).

Борясь с языческими воззрениями, Стефан поражает местных жителей своим бескорытием, ничего не беря из «кумирен», своим ученикам он запрещает брать очень высоко ценные металлические «приношенья» из металла (золото, серебро, медь, железо или олово). Перед читателем рисуется образ природных наземных и подземных богатств, которыми так славится урало-сибирский регион. Его описание Епифаний сопровождает своеобразным уроком нравственности. На вопрос «пермян», почему он ничего не берет себе «в казну» или в храм, святитель отвечает, ссылаясь на высказывания апостола Павла, что можно пользоваться только тем имуществом, которое заработано собственными руками, и поддерживать «немошныя», потому что «Благо бо есть даяти, паче нежели взимати» (Гораздо приятнее отдавать, чем принимать).

Пошел он в землю... – называя кумиров «глухими», писатель имеет в виду, что они сотворены из бездушного дерева и не могут услышать молитвы людей.

Кудешение – от слова кудеса – чудеса. В отличие от чудес, сотворенных христианскими святыми, это обманные, ложные чудеса.

...волхование – гадания и другие магические действия, направленные на узнавание судьбы и воздействие на нее.

...невегласы – язычники, не знающие истинного христианского учения.

Поведение пермяков-язычников

Сначала этот Стефан много зла вытерпел от неверных некрещеных пермян: обиды, ропот, понукания, хулы, укору, уничтожение, досаждение, поношение, пакости, а иногда и угрозы. Смертью грозили они ему, а порой и намеревались его убить. Раз остановили его, окружив его со всех сторон, с дрекольем, желая великими дубинами предать его смерти. А в другой раз вновь собралось против него множество недовольных, и принесли много вязанок сухой соломы. И когда принесли огонь и солому положили вокруг Стефана, решительно собрались они зажечь раба Божия, замышляя этим огнем безжалостно предать его смерти.

В один же из дней преподобный раб Божий, помолившись Богу, сотворив молитву, после молитвы пошел в некое место, где находилась их главная кумирница, и попытался идолов их разрушить. И он опрокинул их алтари, а богов их разбил, и Божьей силой главную их кумирницу зажег, пламенем запалил ее. И сделал он это в отсутствие всякого человека, так что идолослужители этого не знали, и почитателей кумиров не было там.

И внезапно, когда они тут же, друг другу сообщая, об этом узнали, тогда стало сбегаться туда все их сообщество. И, сбежавшись, в большой ярости, с великим гневом, с воплем, как звери дикие, бросились они на него — одни с дрекольем, а другие, многие из них, схватив в свои руки одноострые топоры. Они обступили его отовсюду и хотели тут же острием топоров своих зарубить его, крича все разом и нелепицу говоря, бесчинные крики испуская на него. И, окружив его, стали вокруг его и секирами своими замахивались на него. И выглядел он посреди них, «как овца среди волков». Он не спорил, не бился с ними, но Слово Божие проповедовал им, и учил их вере Христовой, и наставлял их во всякой добродетели. <...>

И уча их этому долгое время, многих он убедил расстаться с бесполезным пермским заблуждением о кумирах и веровать в Господа нашего Иисуса Христа, и они обещали креститься. Хотя и с яростью и гневом прежде устремлялись они на него, однако же благодаря его добрым словам и святым поучениям переходили они к кротости, и становились тихими, и говорили мирно. Расходясь, они не причинили ему никакого вреда, и многие из них крестились. <...>

И однажды снова, через несколько дней, некоторые из пермян, суровейшие мужи, неверные люди, еще бывшие некрещеными, собравшись во множестве, причем некоторые из них были волхвами, другие кудесниками, третьи чаротворцами, а прочие их старцами, стоявшими за свою веру и за обычаи Пермской земли и хотевшими разрушить веру христианскую, со злобой долго, смущая его, спорили

с ним, хваля свою веру, хуля же и укоряя веру христианскую. И делая это, часто досаждали они ему, противясь ему в вопросах веры.

Стефан же, Божией благодатью, всех их благодаря своему умению переспоривал, хотя и много они препирались. Хоть и великое состязание между ними было, но все были им переспорены. <...>

Святитель Стефан Пермский... С. 87, 101, 105, 109.

Описывая борьбу Стефана с язычеством, Епифаний рисует сложный образ «пермян». В соответствии со средневековыми представлениями он не может при обращении к язычникам не противопоставить их кроткому и милосердному Стефану и не показать их ярость, уподобив волкам из Библии. Писатель – в соответствии с каноном изображения подвига святого в языческой стране – описывает, как грозились убить Стефана «дрекольем» и дубинами, как укоряли и унижали его местные жители, как чуть не сожгли проповедника в отместку за уничтоженных им языческих кумиров. Однако Епифаний вносит в это описание необычные детали. В высказываниях пермских язычников обнаруживается своеобразное чувство чести. Они объясняют, почему не могут убить проповедника, тем, что он имеет «плохой обычай – не начинать бой», а ждет этого от них. И оказывается, что «пермяне» не могут нападать на «долготерпеливого» и вооруженного лишь проповедническим словом Стефана. Христианскому проповеднику приходится немало потрудиться, разъясняя новое учение, потому что они верны своим родовым богам; потеряв их, боятся оказаться «без роду и племени», забыв предков. Показывая, насколько сурово Стефан справляется с «кумирнями», писатель подчеркивает, что ни одному из язычников не был нанесен какой-либо урон. Даже когда те нападали с яростью на святителя, Стефан противодействовал им словами проповеди. В речи пермяков среди главных добродетелей святителя называет его доброту, кротость, милосердие.

Прения святителя Стефана и языческого волхва Пама

Однажды пришел некий волхв, чародей-старец, умеющий внушать ложные видения, искусный кудесник, главный среди волхвов, старейшина знахарей, наибольший из отравителей, постоянно в искусстве волшебства упражнявшийся, горячий приверженец кудесного чародейства. Имя его Пам-Сотник; его издавна некрещенные пермяне чтили больше всех прочих чудотворцев, называя его своим наставником и учителем. И говорили, что его волхвованием должна управляться Пермская земля и что его учением утверждается вера в идолы.

Услышав об этом, преподобный очень огорчился и сильно обеспокоился, ибо не понравилось это ему, потому что сказал он:

— Сколько я ни построю, с легкостью он разоряет. <...>

Но кудесник, часто приходя, иногда тайно, а иногда явно, развращал новокрещеных людей, говоря:

— Братья, мужи пермские! Отческих богов не оставляйте и жертв и треб им не забывайте, а старых обычаев не покидайте, старой веры не отбрасывайте! Что делали отцы наши, то и делайте. Меня слушайте, а не слушайте Стефана, недавно пришедшего из Москвы. Из Москвы может ли быть что-либо хорошее для нас? Не оттуда ли у нас тягости, тяжелые дани, насилия, управители, чиновники и приставники? Потому не слушайте его, но лучше слушайте меня, добра вам желающего. Я ведь вашего рода и из одной земли с вами; одного рода и единоплеменник, из одного колена, одного языка. Гораздо лучше вам послушать меня: я ведь издавна ваш учитель, и подобает вам меня, старика, и для вас как отца, послушать, а не этого русина, тем более москвича и молодого по сравнению со мной телесным возрастом, малолетнего, юного возрастом, годами по сравнению со мной как сына или как внука моего. Потому не слушайте его, но меня слушайте и мое предание храните. И крепитесь, чтобы не быть побежденными, но самим победить его.

Люди же новокрещеные в ответ говорили:

— Мы, старец, не победили, но, скорее, сами были полностью побеждены. И боги твои, так называемые кумиры, упали и не встали. <...>

И потому не можем мы и не хотим не слушать его или сопротивляться ему. Ибо не можем мы стоять против истины, но — только за истину. Кудесник же сказал:

— Однако же вы — люди без разума, слабые, грубые, очень пугливые и маловеры. Я же хорошо против него вооружусь, и принесу молитву богам своим, и совершу жертвоприношения, и сотворю о том волхование, и напущу многих своих богов на него, и они его прогонят, и устршат, и сокрушат, и так он исчезнет от лица моего. А когда одолею его, тогда всех привлеку к себе вновь в прежнюю веру свою.

Христиане же, посмеявшись над ним, сказали:

— Безумный старец! Что попусту похваляешься, что победишь истинного раба Божия? Вот ведь Стефан богов ваших разрушил, и не могли они ему повредить; и с наиболее чтимых кумиров сняв пелены, он побросал их слуге своему по имени Матфейка, и тот сделал из них портки, онучи и ногавицы и износил их без помех и без вреда. И он сделал это не ради корысти, но для поругания идолов. И если упомянутому Матфейке — а он прежде был нашего рода, пермин, а потом уверовал и крестился, и стал его учеником, и не смогли ему кумиры

зла причинить, — и если ученику не могли повредить, то тем более — учителю! Поэтому отсюда мы лучше уразумели, и поняли, и уверовали, что бесполезны, немощны и обманны боги твои. Неспособные помочь себе, помогут ли они тебе? <...>

А ты, чародей-старец, чего ради, минуя голову, обратился к ногам? Если ты силен в слове, то с ним спорь, а не с нами. Если же немощен, то зачем смущаешь нас и досаждаешь нам? Уйди, не соблазняй нас. Знай, что не через двери входишь ты в овечий двор но иначе прокрадываешься, и у тебя голос вора и облик разбойника. Мы ведь «овцы словесного стада», и голос своего пастуха знаем, и его повеленья слушаем, и за ним последуем. За тобой же, за чужим, не идем, но бежим от тебя, потому что не знаем чужого голоса.

Так ведь этот злой волхв, чародей кудесник, очень возгордившись, испуская слова хулы на раба Божия и на Бога, укорял их, унижал веру христианскую, хулил проповедь евангельскую и людям говорил с гневом:

— Сопротивления и суесловия вашего дидакакала Стефана и окружающих его учеников его я не боюсь. Я и один против всех них вооружаюсь. И ничто для меня то, что они говорят, хоть и кажется, что они мудры. Мне же кажется, что я быстро их низложу: как дрожащие листья, от ветра трясущиеся, так они ниспадут. Ибо не смогут выстоять предо мной, да и пред лицо мое прийти не решатся, но как воск, приблизившийся к большому пламени, растает, так они не посмеют словесно состязаться со мной в загадках, прениях и вопросах.

Божий же священник сказал ему:

— Боги твои, которыми ты хвалишься и которых ты вспоминаешь, погибли.

Волшебник же, кудесник, сказал:

— Боги наши, хоть и были поруганы тобой, но по милосердию не погубили тебя. Если бы не имели они милосердия, то давно бы сокрушили тебя и изломали. И поэтому разумей, что они добры и милосердны и что вера наша намного лучше вашей веры. Потому что у вас, у христиан, один Бог, а у нас много богов, много помощников, много защитников. Они нам дают улов, и все, что в водах, и что в воздухе, и что в болотах, и в дубравах, и в борах, и на лугах, и в порослях, и в чащах, и в березнике, и в сосняке, и в ельнике, и в окружающих пашню и прочих лесах, и все, что на деревьях, белки, или соболи, или куницы, или рыси и прочее, что мы ловим, часть чего и до вас достигнет ныне. Тем, что мы ловим, и ваши князья, и наши бояре, и вельможи обогащаются, и в то облачаются, и ходят, величаясь подолами одежд своих, гордясь, что в числе их людей народы, столь долгое время *этим* изобилующие, в течение долгих лет изобилующие и промышляющие. Не из того ли, что мы ловим, и в Орду посылается и достигает даже до самого того мнимо-

го царя, а также и в Царьград, и к немцам, и в Литву, и в прочие города, страны и к дальним народам?

И еще, с другой стороны, наша вера гораздо лучше вашей потому, что у нас один человек или вдвоем многократно выходит на борьбу бороться с медведем и, поборов, победив, повалит его и шкуру его принесет. У вас же на одного медведя выходят многие, числом и до ста или до двухсот, и иногда привезут, отыскав, медведя, а иногда возвращаются и без него, без успеха, ничего не везя, но попусту потрудившись, что нам кажется достойным смеха и кощунством.

И еще в другом отношении наша вера лучше: новости у нас скоро становятся известны. Как что-нибудь произойдет в дальней стране, в каком-нибудь городе, в тридевятой стране — в какой день случилось что-то, в тот же день, тотчас же, у нас имеются полные известия. А вы, христиане, нелегко их узнаете и в течение многих дней, долгое время, не знаете. Этим наша вера намного лучше вашей — потому что у нас много богов, помогающих нам.

Божий же священник в ответ сказал ему:

— Тем ли похваляешься ты, окаянный, вводя многобожие и говоря о многих богах, чего подобало бы скорее стыдиться. Подобными им да будут творящие их и все надеющиеся на них!».

Потому не подобает вам веровать во многих богов, это — многобожие, заблуждение относительно кумиров, но следует веровать в одного Бога. <...>

Потому подобает вам отбросить от себя заблуждение многобожия, связанное с кумирами, удаляясь и отказываясь от идолослужения. Отстранитесь от суеты прежней вашей жизни, переданной вам вашими отцами, потому что апостол Павел сказал, что «язычники ходят в суете ума их, помраченные смыслом, будучи отчуждены от славы Божией».

Я говорю это не только тебе одному, но и всему пермскому народу — и тем, кто здесь, и отсутствующим.

В ответ чудесник сказал:

— В вере, в которой я родился, был воспитан, вырос, жил и состарился, в которой пребыл все дни моей жизни, в ней я и умру. Я к ней привык и теперь, в старости, не могу ее отбросить и похулить. И не думай, что это я за себя одного тебе говорю, нет — и за всех людей, сущих в этой земле. Не только от меня слова мои, которые я тебе говорю. Но как бы от лица всех пермян говорю тебе: неужели я лучше отцов моих, чтобы это сделать? Ведь отцы наши, деды, прадеды и пращуры так жили. Неужели же я лучше их? Нет ведь, это не так.

Святитель Стефан Пермский...

С. 123, 125, 127, 129, 131, 133, 137, 139, 141, 143.

Писатель вводит в повествование образ «кудесника» жреца Пама, который подстрекает людей не слушать Стефана, приводя целый ряд аргументов. Новокрещенные «пермяне» в ответ на его угрозы и призывы вернуться к старой вере отвечают иносказанием: «Что ты чародей-старец, минуя голову, обратился к ногам...» И окончательно развенчивая прежние авторитеты, с насмешкой вспоминают некоего слугу Стефана Матфейку, который из тканей, принесенных идолу, сделал себе обувь и износил ее без вреда. Как же можно после этого доверять богам, которые стерпели подобное унижение и не отомстили за себя. Так от имени пермяков иронизирует Епифаний. Приведя подобные рассуждения, имеющие в основе не безоглядную веру, а здравый смысл, Епифаний таким образом наделяет им и жителей Пермской земли, даруя им и чувство юмора. Выразительная характеристика пермских жителей возникает в эпизоде состязания Стефана и волхва Пама по вопросам веры. Это традиционный житийный сюжет Епифаний использует, чтобы не только развенчать языческого жреца, но и охарактеризовав языческие представления «пермян», рассказать тем самым об их обыденной жизни, раскрыть черты характера лесного народа.

Говорят противники на языках разных понятий. Если Стефан утверждает необходимость веры во Христа, потому что это ведет к спасению души, то Пам говорит о полезности для земной жизни соплеменников веры в «кумиров». Много богов, считает Пам, это много защитников. Они дают добычу («улов») всего, что находится вокруг. Епифаний подробно словами Пама перечисляет лесное разнообразие и природные богатства Пермской земли. О значении результатов охоты не только для пермяков, но и для русских людей и других народов жрец упоминает с гордостью: «Тем, что мы ловим, и ваши князья, и ваши бояре, и вельможи обогащаются, и в то облачаются, и ходят, величась подолами одежд своих». В пылу полемики, сочиненной писателем, Пам продолжает выявлять не столько достоинства веры, сколько достоинства народа. У пермяков – утверждает жрец – один человек способен справиться с медведем, а у русских до ста и двухсот человек не могут добыть одного медведя. И это, – резюмирует волхв, – нам кажется смешным и кощунственным. Достоинно внимания то, что Епифаний не побоялся при сопоставлении физических возможностей разных народов отдать пальму первенства лесным охотникам, приравняв их к эпическим богатырям, один на один выходящим на борьбу с хозяином леса – медведем.

Пам не видит разницы между обыденной повседневностью и духовными устремлениями души. Подобные наивные убеждения, которыми «кичится», «величается» и «гордится» волхв, несопоставимы, по мнению писателя, с глубинными представлениями христианства о ценности душевного спасения, которые Стефан открывает пермским жителям.

Обнажая интригу, Епифаний заставляет «пермян» вместе со Стефаном решать судьбу отвергнутого жреца Пама. После отказа последнего пройти испытание огнем и водой сами пермяки требуют его казни, говоря, что, если его отпустить, то он еще больше будет вредить. В ответ Стефан произносит слова: «и не буди рука наша на нашем враге! Не буду спешить наложить руки моей на него, ни казнь его казнью и не предам его смерти, ибо Христос послал меня не бить, но благовестить; повелел мне не мучить, но учить с кротостью и увещевать с тихостью; повелел не казнить, но наставлять с милостью...» Для Епифания очень важна мысль о гуманности во взаимоотношениях между народами.

О церкви на Пермской земле

Божий раб Стефан, помолившись Богу, по окончании молитвы поспешил заложить святую церковь Божию. И была она основана и поставлена; вознаградил он ее премногою верою и теплотою избыточествующей любви, воздвиг он ее чистой совестью, создал ее горячим желанием, украсил ее всяким украшением, как невесту красивую и разукрашенную, исполнил ее исполнением церковным, освятил ее по совершении исполнения освящением великим, сотворил ее высокой и хорошей, устроил ее прекрасной и красивой, нарядил ее по-настоящему чудно и дивно, ибо она поистине дивна.

Поставил он эту церковь на месте, называемом Усть-Вымь, где река Вымь своим устьем впадает в реку Вычегду, где впоследствии была создана большая обитель, каковая потом была названа его епископией.

Когда же он освятил эту церковь, то нарек ее во имя Пресвятой Пречистой Преблаженной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, славного ее Благовещения.

И как Благовещение – начальный праздник среди праздников, начало нашего спасения и явление вечной тайны, так и церковь Пермская – начало спасения Пермской земли и явление веры Христовой.

...И тогда, с Божией помощью, Его благоволением и содействием, поставил он другую святую церковь, прекрасную и чудесную, по образцу ранее упомянутой и описанной, и снабдил ее иконами и книгами. А также третью церковь – на другом месте. Решил он так: надо не одну церковь поставить, но многие, потому что новокрещенные пермские люди жили не в одном месте, но и там и тут, одни поблизости, а другие поодаль. Потому показалось необходимым ему разные церкви на разных местах ставить, по рекам и погостам, где каждой следовало быть, как он сам определял. Так вот святые церкви и созидались в Перми, а идолы сокрушались.

Святитель Стефан Пермский... С.91, 93, 95, 115.

Елифаний рассказывает о строительстве святителем церковей в местах, где он проповедовал. В повествовании возникает образ культурно-православной Перми Великой. Первую деревянную церковь Во Имя Благовещения Стефан построил близ устья реки Вымь. Вторая церковь создана Стефаном Во Имя Святителя Николая Чудотворца – покровителя и защитника, «мужицкого бога», деревянные скульптуры которого были потом чрезвычайно популярны в пермском православном искусстве. Образ Николая – и иконографически, и по содержанию – тесно переплетается с культом предков, столь авторитетным в Пермских землях. Третью церковь, которую Стефан воздвиг в той же Усть Выми на холме, – Во Имя Архангела Михаила. Строительство церкви Во Имя Архистратига Михаила было «за вступление в землю Пермскую в Михайлов день (“зимнею порой”)». Кроме того, именно Михаил, в христианском учении по воле Бога изгнавший сатану и прочих падших духов с неба, в изложении «Жития» помог Стефану отогнать бесов от «прокудливой (заколдованной) березы».

Церкви в Средневековье считались главным рукотворным украшением земли. Они всегда строились в наиболее видных для обзора местах, обладали выразительной архитектурой и продуманным внутренним убранством. Украшать церковь считалось делом, достойным благочестивого человека, главным же украшением церкви, по мысли писателя, являются не только иконы, но и книги. Речь идет не о внешнем убранстве, а о глубокой содержательной стороне христианской культуры, о насыщении Пермской земли красотой духовного слова. Елифаний особо отмечает, что Стефан решил не одну церковь поставить, но много, так, чтобы это было удобно новокрещеным пермским людям.

Пермь православная

И научил он их пермской грамоте, которую перед этим впервые сложил. И всем им новокрещеным – мужам, и юношам, и молодым отрокам, и малым детям – повелел он изучать грамоту, то есть Часослов, Восьмигласник, Песни Давида, а также все прочие книги. А из учившихся грамоте – тех из них, кто выучивал святые книги и в них разбирался, одних он ставил в попы, других в дьяконы, третьих в иподьяконы, чтецы в певцы, пение им перепевая и перелагая и уча их писать пермские книги. И сам, помогая им, переводил он из русских книг в пермские книги и отдавал их им.

И с той поры они сами учили друг друга грамоте и, переписывая из книги в книгу, число книг умножали. <...>

И когда, через достаточное число дней по поставлении, он был отпущен великим князем и митрополитом, он ушел назад в свою землю, будучи одарен князем и митрополитом, и боярами, и прочими христоименными людьми, и пошел своим путем, радуясь, благодаря Бога.

И грамоте пермской учил их, и книги писал им, и святые церкви ставил им и освящал, иконами украшал и книгами наполнял, и монастыри устраивал, и в чернецы постригал, и игуменов им назначал, священников-попов и дьяконов сам поставлял, и анагностов-иподьяконов ставил.

И попы его на пермском языке служили обедню, заутреню и вечерню, по-пермски пели, и канонархи его по пермским книгам канонаршили, и чтецы чтение читали пермской речью, певцы же всякое пение по-пермски возглашали.

И можно было видеть чудо в земле той: где прежде были идолослужители и бесомольцы, там появились богомольцы; где прежде были идольские храмы и кумирницы, жертвища и требища идольские, там святые церкви и монастыри созидались, и богомолья учинялись; ложь о кумирах, идолослужение были изгнаны, а благодать богоразумия воссияла, вера христианская зацвела.

И об этом услышали в иных землях, во многих городах и странах. И услышав, люди прославили и за это Бога и очень возрадовались. Ибо поистине подобает радоваться, как Спаситель сказал: «Радость бывает на небесах и об одном грешнике кающемся», а тут не один, не два, но вся земля Пермская! <...>

Епископ же Стефан, видя, что его люди крестятся, и обращаются к Богу, и утверждают в вере, радовался за них. И за это благодарно прославлял Бога этот чтущий добро отец, не себе угождая, но многим, чтобы они спаслись. <...>

Ведь когда он вошел в Пермскую землю, не было до него никого из пермян христиан, а потом он всех их христианами сделал Божьей благодатью. Сколько он своими руками пермян крестил? Числом около семисот душ. А сколько его пермские попы своими руками крестили?

Святитель Стефан Пермский... С. 113, 115, 169, 191, 257.

Картина языческой Пермской земли на протяжении изложения сменяется образом христианской Перми. Происходит это не в один момент, и писатель искусно прописывает этапы взаимоотношений Стефана с «пермянами»: от полнейшего непонимания и агрессии по отношению к святителю до признания авторитета владыки и проявлению уважительно теплых

чувств. Создавая такую обстановку обращения в христианство Епифаний разворачивает это в сюжетно-композиционной последовательности. Так, изначально против Стефана выступают все «пермяне»; силой искусства проповеднического слова святитель привлекает к христианству сначала часть народа, которая отказывается сопротивляться поучениям проповедника «противу смыслу и разуму его», будучи «побеждены его словами и пленены его учением». Наконец Епифаний говорит о полной победе христианства, что сопровождается приобщением пермского народа к письменности. Он описывает, как они сами учили друг друга грамоте и, переписывая книгу за книгой, умножали их число. Епифаний подробно развивает идею глубокого контакта Стефана с пермскими неопитами, восхищенными его умением разъяснять, убеждать в правоте добрым словом. Феномен духовного слова в «Житии» Стефана Пермского становится равноправным художественным образом, важным для создания образа Пермской земли.

О пермской азбуке и обучении грамоте

И не только ведь святым крещением просветил, но и грамоте сподобил он их, и книжный разум даровал им, и письменность дал им — новую грамоту, которую он создал, неизвестную пермскую азбуку, которую он составил и, теми письменными буквами многие книги написав, передал им то, чего они дотоле за весь век свой не приобрели. Ибо прежде крещения пермяне не имели у себя грамоты, и не понимали написанного, и вовсе не знали, что такое книги. Но только баснотворцы у них были, рассказывающие сказки о бытии, и о сотворении мира, и об Адаме, и о разделении народов, и о прочем повествовали, говоря больше ложь, нежели истину. Так свой век и все годы свои они и потратили. <...>

И чтобы не растянулось повествование, если буду говорить о каждой — много ведь грамот и много азбук, — приведу названия букв пермской азбуки: а, бур, гаи, дои, е, жои, джои, зата, зита, и, коке, лей, мено, нено, во, пей, реи, сии, таи, цю, черы, шюй, ы, е, ю, о.

И если опять же спросить пермина: «Кто вас избавил от рабства идолослужения и кто вам создал грамоту и книги переложил?» — то прочувственно, с радостью скажут пермяне, с готовностью и с усердием ответят:

— Добрый наш дидаскал Стефан, со всех сторон просветивший нас, во тьме идолослужения сидящих. Ибо не только святым крещением просветил он нас, но и святыми книгами, с разных сторон озаряя нас, двойные лучи Божией благодати обильно испуская на нас. Его Господь Бог дал нам. <...>

Этот Стефан многого добра нам податель и великим благам ходатай. Он даровал нам закон, веру, крещение. Он даровал нам и знание грамоты, и понимание книг. Он сам один азбуку нам сложил. Грамоту нашу он для нас сотворил. Один гадал, думал, составлял, и никто ему не помогал, и никто его не поучал, не поправлял, не один Господь Бог помогал ему и вразумлял его. <...>

Таковы те дары, которые даровал Бог земле Пермской. Так вера начало принимала и злоба из среды отгонима бывала. Так те люди крещение приняли, так грамоте сподобились.

Святитель Стефан Пермский... С. 179, 181, 183, 189, 191.

Поднимая тему освоения прежде чужой земли, Епифаний провозглашает наиважнейшей целью сохранение корневой культуры, выраженной главным образом в языке народа, принявшего крещение. Главной чертой в характеристике пермского народа, которая должна была определить дальнейшее отношение к нему со стороны многочисленных читателей Жития, было признание добровольности вхождения Перми в христианскую ойкумену, признания равенства и творческих интеллектуальных возможностей в контексте христианской культуры. Священники, поставленные Стефаном, служили службу на пермском языке, по пермским книгам, чтецы читали пермскою речью, «певцы же всяко пенье пермьски возглашаху» в церкви.

Епифаний рисует утопически-идеальную картину преображенной земли; Пермская земля становится равной другим землям в приобщении к христианской благодати. Русь же оказывалась в ряду государств с апостольской историей – Римом и Византией.

Вопросы и задания

- 1.** Что вам известно об Епифании Премудром и его творчестве?
- 2.** Какие племена и народности, живущие по соседству с пермяками, называет Епифаний Премудрый? Как он объясняет их названия?
- 3.** Как в «Житии» отражены языческие верования пермян? Какую оценку им дает автор «Жития»?
- 4.** Какой образ Стефана Пермского рисует Епифаний Премудрый? Чем объясняет он желание инока привести пермян к истинной вере?

5. Какие конкретные деяния Стефана Пермского описывает автор «Жития»? Какую оценку им дает?

6. Проанализируйте текст источника и сравните аргументы кудесника Пама и Стефана Пермского. Чьи аргументы в защиту языческой / христианской веры вам кажутся более весомыми?

7. На основании текста «Жития» подготовьте развернутый рассказ о пермяках.

8. Оцените «Житие Стефана Пермского» как исторический источник.

Урал и образ Ермака в Сибирских летописях

Тема Сибири (именно так в XVII в. именовался весь урало-сибирский регион) получила художественное воплощение в литературных памятниках XVII–XVIII в. – Сибирских летописях.

Савва Есипов был автором одной из них. Он завершил работу над созданием исторического повествования к 1636 г., будучи в то время дьяком Тобольского архиерейского дома.

Главным событием летописи был поход Ермака и его завоевание Сибири. При этом этот исторический факт рассматривался как выполнение божественного предопределения, а Ермак становится героем христианского эпоса. Есипов стремится доказать право православного Русского государства на обладание Сибирью. Летопись состоит из 37 глав и имеет пространный заголовок «О Сибирстей стране, како изволением Божиим взята бысть от русскаго полка, собранного и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю и предоброю дружиною и со единомысленною».

В первой главе Есипов рассказывает о географии, растительном и животном мире Сибири. Описание таково, что каждому читателю понятно, насколько это прекрасная земля, уготована Богом к жизни людей. В ней, кажется, есть все: плодородные «сладшайшие» реки, наполненные рыбой, луга и пастбища, леса с множеством различных зверей. Появляется здесь упоминание Уральских гор, которые автор называет: «Камень превысочайший». Завершает краткий очерк о природе Сибири Савва Есипов описанием проживающих здесь народов, их обычаев и верований.

Есиповская летопись была опубликована впервые в 1907 г., но по-настоящему научное издание осуществлено в т. 36 «Полного собрания русских летописей» (М.: «Наука», 1987).

Есиповская летопись об Урале и его народах

<...>Сия убо Сибирская страна полунощная, отстоит же от Росии царствующаго града Москвы многое расстояние, яко до двои тысяч поприщ суть. Сих же царств Росийскаго и Сибирскаго, облежит Камень превысочайший зело, яко дозязати инеем холмом до

облак небесных, так обо божиими судьбами устройсь, яко стена граду утвержена. На сем же Камени ростяху дереве различное: кедри и прочая. В них же жительство имеют зверие различнии, ови подобни на снедение человеком, ови же на украшение и на одеяние риз. Да кии же на снедение, сия суть чиста, еже есть елень, лось, заяц, а иже на одеяние и на украшение ризное, еже есть лисица, соболь, бобръ, росомака, белка и подобная сим. Много же и слакопесневые птицы, паче же и многоразличныя травныя цветы. Из сего же Камени реки истекоша, они поидоша к Российскому царству, они же в Сибирскую землю. Дивно убо есть, како божиими судьбами реки тамо бысть, вода камень тверд раскопа, и бысть пространья и прекрасныя зело, в них же воды сладчайшии и рыбы различныя множество; на исходящих же сих рек дебрь плодovitая на жатву и скотопитательная места пространна зело.

Первая река в Сибирскую землю изыде, глаголемая Тура. По сей же реце жителство имеют людие, рекомии вогуличи, глаголют же своим языком, покланаяются же своим идолом. В сию же реку Туру паки река вниде в Тагил, еще же вниде река Ница; и совокупишася три реки во един сонм, да еши совокупишася, но именуеьца Тура старейшества ради. Отголе же иде река Тура внутрь Сибирския земли; по ней же живут татаровя. Река же Тура вниде в реку, глаголемую Тобол, Тобол же река вниде в реку, глаголемую Иртыш. Сия же река Иртыш вниде своим устьем в великую реку, глаголемую Обь. По сиж же реках жителства имеют мнози языци: татаровя, колмыки, мугалы, Пегая орда и остяки, самоедь, и прочая языци. Татаровя закон Моаметов держат; калмыки же, которой закон или отец своих предание держат, не вем, понеже бо писмени о сем не обретох и ни испытати не возмогох. Пегая же орда и остяки, и самоеды закона не имеют, но идолом поклоняются и жертвы приносят, яко богу, волшбою и хитростию правящее дома свои всуе, понеже егда приносят дары кумиром своим, тогда же молят, яко сего ради приносит, яко подаст ему кумир он вся многая в дому его. Во истинну и скотом не уподобилися сии людие: скот бо аще и безсловесно есть, богом не велено ясти ему, и не яст зверя, или птицы, или траву сему. Сии же человецы не уподобившася сим, понеже бога, иже суть на небесех, не ведающее ни закона, еже от поведающих им слышащее, не примьюще. Сыродцы зверина же и гадская мяса снедающее, скверна и кровь пияху, яко воду, от животных, и траву и корение едыху. Остяки же одежду имеют от рыб, самоедь же от еленей. Ездят остяки на псах, самоедь же на еленях.

Сия же великая река Обь вниде своим устьем в губу Мангазейскую. Сия же губа двема устьи вниде во акиян море прямо к северу. В сих же устьях леди искони состарешася и николи же таящее от солнца и непроходимо место, не знаемо чадию <...>

Перевод:

Эта Сибирская северная страна располагается от царствующего города Москвы на расстоянии двух тысяч поприщ¹. Между этими царствами – Российским и Сибирским – лежит Камень² такой высокий, что некоторыми горами достаёт до облаков небесных, так по воле Бога устроено, чтобы каменная стена городу основанием была. На этом же Камне растут различные деревья: кедры и другие. В них же живут звери различные, одни необходимы человеку для еды, другие же для изготовления и украшения одежды. Для пищи – это чистые животные олень, лось, заяц; для одежды и ее украшения – лисицы, соболь, бобр, россомаха, белка и тому им подобные. Много сладко поющих птиц, а также различных трав и цветов.

Из этого же Камня проистекают реки: одни текут в Российское царство, другие же в Сибирские земли. Удивительно, как божьим повелением вода рек сквозь твердый камень протекла, реки же большие и очень красивые, воды в них сладкие и много различной рыбы. Заливные луга пригодны для хлебопашества и много пастбищ для скота. Первая река, протекающая в Сибирскую землю, называется Тура. По этой реке живут люди, которых называют вогуличами, говорят своим языком, поклоняются своим идолам. В эту реку Туру до ее впадения в Тагил, впадает река Ница, и сливаются три реки в единый поток, который называется Тура, по имени самой первой реки. Оттуда же течет река Тура внутрь Сибирской земли, по ней живут татары. Река же Тура впадает в реку, называемую Тобол. Тобол же река впадает в реку, называемую Иртыш. Эта же река Иртыш входит устьем в великую реку, называемую Обь. По этим рекам живут многие народы: татары, калмыки³, мугалы⁴, Пегая Орда и остяки⁵, самоеды⁶, и прочие народы. Татары исповедуют закон Магомета⁷, какова же вера и родовые обычаи калмыков не знаю, потому что письменных источников не нашел и сам исследовать не смог. Пегая же орда, остяки и самоеды религиозного учения не имеют, но идолам поклоняются и жертвы приносят, как богу, напрасно надеясь волшебством и обманом обустроить свои дома, потому что когда приносят дары кумирам своим, то молят помочь им в том и в другом, ради чего принесли дары. И действительно эти люди даже животным не уподобились. Животные, хоть и бессловесны, но если Богом не велено есть других зверей или птиц или траву, то не едят. Эти же люди не желают даже им быть подобными, потому что не знают и не принимают, даже

¹ Поприще – мера пути, соответствующая или «версте» (1067 м.), или же расстоянию в один день пути.

² Камень – старинное название Уральских гор.

³ Калмыки – монгольские племена (ойраты), поселившиеся в России в XVII в.

⁴ Мугалы – племена западных монголов – хотогойтов.

⁵ Остяки – устаревшее название народности ханты.

⁶ Самоеды (самоядь) – самодийские народы, к которым относятся ненцы, селькупы, энцы, иганасаны.

⁷ Закон Магомета – мусульманство.

когда слышат, учения Господа, который на небесах. Сыроедцы же едят нечистое мясо и кровь животных пьют, как воду, и травы и коренья едят. Остяки же одежду изготавливают из рыбьей кожи, самоеды же из оленей. Ездят же остяки на собаках, самоеды на оленях.

Эта же великая река Обь впадает устьем в Мангазейскую губу. Эта же губа двумя устьями впадает в океан-море прямо на север. В этих же устьях льды никогда не исчезают и от солнца не тают, непроходимое место неизвестной Чуди.

ПСРЛ. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. Т. 36. С. 43–46.

Среди имен исторических героев прошлого, которые стали своего рода символами Урала и Сибири, имя Ермака самое известное. Популярность Ермака возникла задолго до нашего времени, с момента похода Ермака и его дружины за восточные пределы Русского государства, на Урал и в Сибирь в конце XVI в. (1581 г.). Рассказы о Ермаке основывались на легендах его соратников-казаков, были поддержаны прославлением Ермака и его дружины в церковной традиции и продолжены в письменных памятниках XVII–XVIII веков, которые создавались как в Урало-Сибирском регионе, так и в Москве. О популярности имени и образа Ермака в урало-сибирском регионе свидетельствовал в середине XIX в. историк П.И. Небольсин. Описывая свое путешествие из Петербурга в Барнаул, он отмечал: «В Тобольской и Пермской губернии нет зажиточного дома, в котором бы не висело Ермакова портрета или на холсте, или на дереве, а большею частию на железе, на подносах»¹. Не менее впечатляющим было воплощение сюжетов, связанных с Ермаком, в фольклорных жанрах, начиная с былины и заканчивая преданиями и песнями. Более всего народу импонирует Ермак-разбойник, основатель «камской вольницы». В ряде преданий его представляют как борца «против социального зла». Обнаруживаются и древнейшие представления, соединяемые с именем героя: Ермак-чародей, подчинивший себе неведомую силу, Ермак – культурный герой, основатель многих поселений, названных его именем. Ермак – помощник Ивана Грозного в борьбе с иноземцами, покоритель «некрещеного» населения Прикамья и Приуралья и т. п.²

Обращение в первой половине XVII в. к подвигу Ермака и его казаков отвечало потребности обрести покровителя для новообретенных земель. Вхождение их в систему православного государства требовало героических подвигов, включавших присоединенные территории в культурное пространство Святой Руси. Образ Ермака многогранен, и в различных письменных источниках исторический герой получает различную интерпретацию. Это христианский подвижник, принесший христианскую веру народам Урала, бывшим до того язычниками, – в Сибирской летописи Саввы Есипова, разбойник в начале и вер-

¹ Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Отечественные записки. 1840. Т. 64, № 5–6. С. 10.

² Блажес В.В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург, 2002. С. 181–183.

ный слуга государю и отечеству в конце – в летописи, созданной в Строгановских владениях (XVII в.), атаман, верный своей дружине, создавший собственный казачий мир и пришедший защитить русские поселения на востоке Русского государства, – в летописи, созданной в городе Кунгуре (XVII в.).

Воинская выучка казаков, их дерзкая храбрость, умение выживать в сложных условиях оказались востребованными государством и были умело поставлены на службу укрепления и расширения границ Руси. Но казачеству нужны были свои покровители. Первый митрополит Тобольска Киприан Старорусенков, несмотря на краткость пребывания его главой архиерейского дома (1621–1622), немало сделал для обретения новоприсоединенными землями системы православной святости. В фигуре Ермака Киприан видел патрона Тобольской епархии. Киприан устанавливает празднование памяти Ермака и предпринимает сочинение в его честь похвального текста при поминовении. Хотя к тому времени существовал общий поминальный день памяти для всех воинов, погибших в боях – Дмитриевская суббота (перед 26 октября – днем празднования Дмитрия Солунского), ставший общерусским праздником после Куликовской битвы, Киприан вводит собственный праздник в честь гибели Ермака и его соратников в день памяти великомученика Федора Тирона, почитаемого церковью за то, что он погиб, защищая христианство. Этим актом признания общественной значимости подвига ермаковских казаков митрополит фактически утверждал их образы как знаменитых предков, стоявших у основания христианства на урало-сибирской территории.

Летопись, законченная в 1636 году дьяком Тобольской архиерейской канцелярии Саввой Есиповым, описывает решение митрополита следующим образом: «Во второй год правления своего, вспоминая Ермака с дружиной, повелел расспросить Ермаковых казаков, как они пришли в Сибирь, где были бои с язычниками и кого и где в тех боях убили. Казаки же принесли ему записи...» Ермак, по концепции Есипова, приходит в Сибирь как избранник Бога, «меч обоюдоострый» для борьбы с неверными. Савва Есипов переходит к усилению миссианско-освободительной функции казаков. Ермак – карающий меч в руках Бога, исполняющий его волю. На протяжении всего повествования упоминается о малочисленности казаков по сравнению с войском Кучума, постоянные же победы казаков объясняются исполнением воли божьей.

Ниже приводятся фрагменты из летописного свода, в котором дано иное описание похода Ермака, где сильнее звучит эпический пафос, описывающий воинскую доблесть дружины и ее предводителя, – это Румянцевский летописец, составленный неизвестным автором в конце XVI – начале XVII веков. (хранится в Государственном историческом музее в списке сер. XVIII в.).

Румянцевский летописец переиздан и переведен на современный русский язык профессором Новосибирского университета Е.И. Дергачевой-Скоп в книге: Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 8–34. Приносим благодарность за возможность использовать данный перевод.

Поход Ермака и его дружины

Начало похода

Во времена государя царя и великого князя всея России Ивана Васильевича на реке Волге и на Дону было много казаков. И по царскому повелению началось на них жестокое гонение и преследование на Волге и на Дону: хватая, их по темницам сажали и предавали смертной казни. И потому атаманы и казаки ушли с Волги и с Дона: Ермак Тимофеев с соратниками – 9 атаманов, Матвей Мещеряк, Иван Кольцов – с ними казаков 540 человек, и пришли в Сибирь в 1581 году. А некоторые пишут, что призвали их с Волги Строгановы и снабдили их припасами, и добротной одеждой, и оружием: пищальми¹ и пушками полковыми, и дали им своих людей, иноземцев и литвы 300 человек. И двинулись (они) в Сибирь по реке Чусовой на реку Тагил, и плыли Тагилом и Турой до Тавды-реки.

В устье же той реки захватили татарского мурзу по имени Таузан. И тот татарин все рассказал про царя Кучума. И начали (казаки) при нем стрелять из ружей, и отпустили его к царю Кучуму, пусть расскажет про их появление. И этот татарин, придя, объявил царю о появлении русского войска, и вот что рассказал: «Когда они стреляют из луков своих, тогда из конца дым и огонь исходят, и грохнет гулко, а пробивают наши латы и кольчуги навывлет». Царь же Кучум весьма озабочен был, услышав об их мужестве и храбрости, и быстро послал по всей своей державе за мурзами² и остальными воинами.

Летописи сибирские... С. 11–13.

Для объяснения причин похода Ермака ключевым является описание его жизни на Волге и Дону. В появлении казаков в Сибири летопись видит волю государя, по велению которого им было «утеснение велико и изгнание с Волги и з Дону». Упоминает автор и другую версию о призвании казаков семейством Строгановых, раскрывая далее маршрут похода. Противостояние казаков и войска Кучума происходит не только по линии праведной и неправедной веры, но и по степени цивилизованности. Автор вводит в эпизод с татаринном Таузаном, который не может понять принцип действия огнестрельного вооружения казаков и с подчеркнутой наивностью пересказывает свои впечатления от стрельбы «царю Кучуму», который весьма «озаботился «этим сообщением и стал торопливо собирать войско по всей своей «державе». Ироническая нота, возникающая в произведении, связана с

¹ Пищаль – тяжелое ружье.

² Мурза – знатный человек, владелец земли.

представлением о более примитивном вооружении войска Кучума, что предопределяет его будущее поражение. Одновременно ирония снимает моменты смертельной ненависти в противостоянии народов, что, памятуя о необратимости включения «сибирских людей» в подчинение московскому государству, имело большое значение для взаимоотношений народов.

Сражение казаков с войском Кучума

И подошли под улус Карачи, был же Карача советником царя. И здесь бой был немалый, но улус Карачи взяли, и добычу большую захватили, и уложили в струги¹ свои, и прошли до реки Иртыша. Неверные же подошли к берегу, одни конные, другие пешие, а казаки, высадившись на берег, начали битву; погибло же неверных множество, а остальные отступили.

Видя гибель своих, царь Кучум вышел с большим войском на самое высокое место, на гору, называемую Чувашево, а у засеки² остался с большим войском сын его Маметкул. Но казаки прошли по Иртышу вверх, и взяли крепость Атый-мурзы, и засели в ней. И всю ночь провели в раздумье, видя такое войско неверных, что одному казаку надо сражаться с десятью или с двадцатью неверными. И того ради многие испуганы были, собираясь бежать, а другие, Бога призвав на помощь, набрались смелости, вышли на бой.

Октября в 23 день снова все воссоединились, молясь и призывая Бога на помощь, подступили к засеке, и был тяжкий бой. Неверные же выпустили бесчисленные стрелы, и началась жестокая битва. Сражались врукопашную, но с Божьей помощью стали ослабевать неверные, казаки же гнались за ними вслед, нанося удары.

Летописи сибирские... С. 13–15.

Казаки – идеальные воины, идущие на битву с неверными, вопреки сомнениям, не знающие внутренних конфликтов, интриг и раздоров. Залог успеха – профессиональное военное мастерство в соединении с инициативой и любовью к отечеству. Ермак в летописце – патриот Русской земли, верно служащий государю, обладающий волей и талантом военачальника. Ему сопутствует военная удача, благодаря которой Ермак превращает далекую страну в частицу русского государства.

¹ Струг – парусно-гребное плоскодонное судно с отвесными бортами.

² Засека – оборонительное сооружение из поваленных деревьев.

Речь Кучума

Стоя на высокой горе и видя тяжкое поражение своих, царь Кучум приказал своим абызам возглашать богопротивную их молитву и просить милости у своих богов, но ничего не свершилось. Остяцкие же князьки все бежали со своими людьми восвояси. А царь Кучум, видя, что лишается собственного царства, обратился к приближенным: «Бежим немедля, ибо видим сами, что мужественные наши потеряли надежду, а смелые перебиты. О мука! О горе мне! Увы! Что делать буду и куда денусь? Покрыт позором род мой!» И, сильно укоряя себя, прибежал в город, и взял кое-что из сокровищ своих, и поспешно отступил со своими, а город Сибирь покинул. <...>

Летописи сибирские... С. 15.

Летопись показывает непрочность войска хана, которого покидают все союзники, автор заставляет Кучума говорить речь, в которой тот признается в своей слабости как предводителя войска. И бежит, предвидя не только свой позор, но и всего рода.

Взятие казаками города Сибирь и посольство в Москву

Назавтра [казаки] безбоязненно подошли к городу Сибири. И когда приблизились к городу, то из города не услышали ни единого звука. Думая, будто что-то замышляют неверные и ради обмана спрятались, казаки надежду возложили на Бога, пошли в город октября в 26 день 1581 года, а войдя, не нашли ни единого татарина. И восславили Бога, даровавшего им победу.

После взятия Сибири на 4 день пришел в город князек остяцкий Бояр с другими остяками и принес Ермаку и казакам разные дары. После того и многие из татар возвратились с женами и детьми и стали жить в прежних своих жилищах. <...>

В том же году послал Ермак с посольством в Москву атамана и казаков к государю, что-де его царским счастьем Сибирское царство взяли. Когда же казаки пришли в Москву и сообщено было о них государю, то приказал государь грамоту у них принять и прочитать перед собой. И, услышав обо всем, восславил Бога. И одарил государь казаков деньгами и сукнами, в Сибирь Ермаку и казакам послал милостивое слово. <...>

Летописи сибирские... С. 15.

Предательство Карачи

В Сибири в том же году [1584] пришли от Карачи к Ермаку послы просить людей для защиты от Казачьей орды. И поклялись, как поло-

жено по их вере, что никакого зла им, казакам, не причинят. И, поверя их клятве, дал им [Ермак] атамана да 40 казаков. А когда те пришли к нему в крепость, то все были перебиты им. И прошел слух до Сибири об этом избиении казаков, и оплакивали их Ермак и остальные.

Летописи сибирские... С. 21.

Контрастом поведению казаков, «побивавших» противника в честном бою, служит изображение предательства Карачи, который убил атамана и 40 поверивших его слову казаков, пригласив к себе в городок.

Гибель Ермака

И вот казаки тайно пошли из города к лагерю Карачи в Саускане, и напали на неверных, и сражались с ними жестоко до полудня. И отступили татары, а казаки вернулись в город. Видя, что не может одолеть казаков, Карача возвратился с позором восвояси.

После того пришли от бухарцев гонцы: царь-де Кучум не пропустит в Сибирь. Ермак же, взяв с собой атамана да 150 казаков, вышел навстречу по реке Иртышу в стругах. А дойдя до реки Вагай¹, бухарцев не нашел и прошел еще по Вагаю вверх до урочища, называемого Атбаш, но опять [их] не обнаружил и возвратился. Когда же ночь настала и казаки утомились от долгого пути, то вернулись к перекопу² и здесь заночевали: раскинули шатры, а караулы не поставили. Царь же Кучум узнал о них и в разные урочища разослал татар. В ту ночь был сильный дождь, но татары нашли их и сообщили царю. Тот же со множеством неверных среди ночи вышел на казаков, а казаки спали без всякого караула. Неверные же напали и перебили всех, только один казак убежал на корабль. Ермак же, видя, что войско его перебито, и помощи ни от кого не ожидая, бросился к стругу своему, но не смог добраться, поскольку одет был в железа, а струг отплыл от берега. Вот он и утонул. Это случилось 5 августа. Когда слышали оставшиеся в городе, что Ермак убит, плакали.

Летописи сибирские... С. 21.

Ермака убивают ночью, заманив ложным сообщением о приезде бухарских купцов. Уставшие казаки не поставили стражей и в бурную дождливую ночь не слышали подхода татар. В летописце появляются детали гибели Ермака, рисующие его воинскую доблесть и бесстрашие. Оставшись один, Ермак пытается уйти от преследователей, но «не може доитти» до спасительного струга, «понеже одеян бе железом» и тонет в

¹ Вагай – левый приток Иртыша, впадающий в него в 50 км от устья Тобола.

² Перекоп – запруда, плотина через реку.

реке. Река как граница мира мертвых и мира живых – непременный атрибут воинских сражений, описываемых в древнерусской литературе. Гибель героев на берегу реки или в самой реке (какой бы величины она ни была) восходит к древнейшим моментам погребального обряда, его использование оканчивается тем естественнее, чем меньше подробностей о реальном событии остается в исторической памяти. Воин, превосходящий своего противника в битвах, чаще всего гибнет либо от предательства, либо по оплошности. Смерть Ермака воплощена в подобный сюжет.

Вопросы и задания

- 1.** Какую информацию сообщают Сибирские летописи о Ермаке и появлении его дружины в Сибири?
- 2.** Какие версии о причинах похода дружины Ермака в Сибирь дают летописи?
- 3.** Сравните образы Ермака и хана Кучума, представленные в Сибирских летописях. Есть ли между ними что-либо общее?
- 4.** Какими чертами наделяет летописец казаков-участников похода в Сибирь?
- 5.** Проследите по тексту путь дружины Ермака. Составьте маршрут продвижения казаков по урало-сибирским рекам.

Урал в описаниях ученых-путешественников XVIII века

Канул в лету загадочный чудский народ, завершилась победой Российского государства борьба с Сибирским ханством, успешно проводилась христианизация коренных уральских народов, с XVII века началось активное промышленное освоение территорий Урала... Каким предстал он глазам европейских и русских ученых-путешественников, оказавшихся на Урале в XVIII веке?

Чтобы узнать это, выясним сначала, чем было вызвано появление ученых на уральских землях, а заодно вспомним, какие изменения происходили тогда в жизни всей страны, и на Урале в частности.

К началу XVIII века перед Россией стояла острая потребность быстрого развития отечественной промышленности: вспомним мероприятия правительства Петра I по подъему производства. Чтобы решать задачи промышленно-экономического развития, вести войны за выход к морям и за возвращение исконных русских земель, находить рынки сбыта и налаживать торговые связи с отдаленными странами Запада и Востока, необходимо было предварительное всестороннее изучение страны, ее возможностей. Следовало выявить дополнительные сырьевые источники, определить условия освоения и интенсивной эксплуатации новых районов.

Обширные территории Урала и Сибири были тогда еще очень мало изучены, они представлялись не только европейцам, но и русским людям почти как «терра инкогнита».

Помочь правительству в непростом деле исследования своей страны, состояния ее природных ресурсов и производительных сил должна была созданная в 1725 году Петербургская Академия наук. Ее открытие явилось событием большого государственного значения, завершившим преобразовательные реформы 1-й четверти XVIII века.

Самой популярной формой научной деятельности Академии наук в то время оказались экспедиции. Мы остановимся кратко на двух из них, организованных в разные периоды – первая при императрице Анне Иоанновне, вторая при Екатерине II, – но обе замечательных тем, что стали беспрецедент-

ными в то время не только в России, но и в мировой практике по масштабам задач и количеству участников.

Итак, первая комплексная экспедиция, перед которой помимо многоплановых исследовательских, а также практических и даже политических задач, были поставлены задачи исследовать огромные и практически неизвестные науке территории Урала, Сибири, Дальнего Востока и Камчатки в их историческом, экономическом и природо-ресурсном отношении, вошла в историю как *Вторая Камчатская экспедиция 1733–1743 годов*.¹

1
Другое название – Великая Северная.

Масштабное экспедиционное исследование огромных пространств России – дело весьма и весьма дорогостоящее. Финансовое и техническое обеспечение всей Камчатской экспедиции полностью взяло на себя государство. Именным указом Сената было предписано предоставить участникам экспедиции инструкции, программы, инструменты для работы и письма, книги, бумагу, краски, кисти и все необходимое в полевых условиях. Промышленное и техническое обеспечение экспедиции (изготовление артиллерийских пушек и ядер к ним, железных котлов, молотов, якорей) возлагалось на уральские, в частности Каменский, заводы, и находилось в ведении Сибирского обербергамта во главе с В. де Генниным.

Представители местных администраций в силу специального указа обязаны были оказывать полное содействие участникам экспедиции: предоставлять им средства передвижения по воде и суше, жилье, обеспечивать своевременно смену лошадей, охрану на всем протяжении пути, снабжать продовольствием, всячески помогать их научным изысканиям.

Экспедиция состояла из нескольких отрядов, при этом общее количество участников составляло свыше двух тысяч (с учетом привлекаемого для перевозок и строительных работ местного населения) человек². Сухопутный Академический отряд возглавлял историк Г. Ф. Миллер, кроме него в отряд входили приехавшие в Россию астроном де ла Кройер, натуралист И. Г. Гмелин, а также адъютанты Г. В. Стеллер и И. Э. Фишер. В составе отряда были геодезисты, живописцы, студенты (в том числе будущий академик С. П. Крашенинников), переводчики, копиисты, а также солдаты, рабочие, ремесленники.

2
В составе экспедиции имелись несколько морских (они должны были решить вопрос о существовании пролива между Россией и Америкой) и сухопутных отрядов под общим руководством В. Беринга.

Маршруты всех участников Камчатской экспедиции, естественно, пролегли через территории Урала, которые они пересекали как минимум дважды, они побывали на многих уральских заводах, как казенных, так и частных. Один только Миллер, по его собственным подсчетам, проехал за экспедиционное время более 33 тыс. верст. Он посетил практически все уральские и сибирские уезды.

Экспедиция представляла собой внушительный караван из 5 спальных колясок и 62 подвод, на которые были нагружены книги, научные приборы, инвентарь. Само путешествие

было очень тяжелым, изматывающим силы его участников. Последние постоянно сталкивались со сложными климатическими, экономическими и бытовыми условиями, порой с необходимостью преодолевать огромные расстояния в условиях бездорожья и непогоды, переплывать через бурные реки, переносить лишения и болезни. Для некоторых участников экспедиция закончилась трагически: Делиль де да Кройер умер от цинги на Камчатке, Г.В. Стеллер – в Тюмени.

Трудности экспедиции компенсировались сделанными ее участниками научными открытиями, осознанием их первоходства, новизны и творческого поиска, что придавало им самоотверженности, силы и мужества.

Вот как описывал сам Миллер, будучи уже в преклонном возрасте, свое участие в экспедиции: «Сибирское мое путешествие, в коем я все страны сего обширного государства, в длину и ширину, до Нерчинска и до Якуцка объездил, продолжалось почти 10 лет. Отправился я туда 8 августа 1733-го, а возвратился 14 февраля 1743 г. Каким образом я сие время проводил, о том доказывают присланные от меня в Правительствующий сенат и в Академию наук рапорты, равно и сочинения мои, отчасти напечатанные, а отчасти и непечатанные. Всему путешествию сочинил я точное описание. Все дороги, коими я ездил, описал обстоятельно; некоторые дороги описаны и приданными мне студентами; о городах и их уездах, в рассуждении гражданского правления, истории и географии, собирал я потребные к тому известия; пересмотрел и в порядок привел архивы во всех сибирских городах, так же и города Чердына, и нужное описал, которые списки составляют больше 40 больших книг в десть; остатки древностей я описал и велел изобразить в лицах; нравы, употребления, законы и пр. тамошних народов описал же; новые ландкарты отчасти сам делал, отчасти же геодезистов, при мне бывших, делать заставлял; канцелярские и секретарские дела путешествующего академического общества все отправлял я и господину Гмелину помогал в набирании натуральных редкостей...»³

Из Камчатской экспедиции Миллер вернулся, по словам С.В. Бахрушина, «...уже выдающимся специалистом не только в области истории, но и географии и этнографии. Десять лет непосредственной работы в архивах и наблюдений на месте дали ему не только обширные и всесторонние познания, широте которых поражался Шлецер. За эти годы выработались его научные методы, его приемы работы над источниками, его принципиальные взгляды на задачи и приемы исторического исследования... Десять лет Камчатской экспедиции создали Миллера как ученого европейского масштаба»⁴. Он первый приступил к систематическому обследованию архивных фондов, просмотрел в общей сложности до 20 сибирских и уральских архивов. Проводимые им архивные разыскания в Тобольске, Пельме, Соликамске, Чердыни и других горо-

Миллер Герард Фридрих (1705–1783) – историк, археолог. По происхождению немец. Закончил Лейпцигский университет со степенью бакалавра. В 1725 г. при открытии Петербургской Академии наук был вызван в Россию и зачислен адъюнктом. С 1731 г. – профессор истории. С 1732 г. являлся редактором издаваемого по его предложению первого русского исторического журнала на немецком языке «Собрание российских историй». В журнале печатались источники и статьи по русской истории, как отечественные, так и иностранные.

Основной научный труд – «История Сибири» (доведена до 60-х годов XVII в., опубликована в 1750 г. под названием «Описание Сибирского царства»). Для ее написания Миллер привлёк широкий круг источников и один из первых в русской историографии подверг их внутренней и внешней критике и проверке, стремясь установить достоверность фактов. Судя по отзывам специалистов, труд Миллера по истории Сибири до сих пор не утратил своего научного значения как для историков и этнографов, так и для лингвистов.

В 1749 г. подготовил диссертацию «Происхождение народа и имени российского», в которой в духе норманистов излагал историю России, что вызвало резкую критику со стороны членов Академии наук.

С 1755 г. Миллер был редактором разработанно-

3 Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. – М., 1999. Т. 1. – С. 151–152.

4 Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. – М., 1999. Т. 1. – С. 28–29.

го им же научно-литературного журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», в котором поместил множество своих работ по русской истории, географии и этнографии. В целом журнально-издательская деятельность ученого имела чрезвычайно важное значение. Именно через его журналы результаты исторических исследований, проводившихся в России, становились достоянием как образованного русского общества, так и западного научного мира.

Велики заслуги Миллера и в его многолетней археографической работе. Уже говорилось о том, что он выявил и спас для науки несметное количество источников. С 1765 г. он работал в московском архиве Коллегии иностранных дел, составил план систематизации архива, предотвратил гибель значительного числа документов.

Плодотворной была издательская деятельность Миллера. Он опубликовал: «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова (СПб., 1755), «Судебник» Ивана Грозного с примечаниями В.Н. Татищева (М., 1768), три первые части «Истории Российской» Татищева (1768, 1773, 1774) и др. Миллер участвовал в издании русских дипломатических документов в «Собрании русской дипломатики», в подготовке документов к публикации в «Древней российской вивлиофике» Н.И. Новикова.

Все сказанное позволяет судить о том, сколь значителен был след, оставленный Миллером в русской исторической науке.

дах, до него никем не велись, он стал их первооткрывателем. У Миллера постепенно сложился и свой метод работы с архивами: сначала он просматривал все документы, раскладывая их в хронологическом порядке, систематизировал, отмечая и откладывая наиболее интересные для снятия копии. При этом надо представить, в каких тяжелых условиях ему пришлось работать: архивы лежали неразобранными в сырых, темных, неотапливаемых помещениях, многие столбцы прогнили (поскользку хранились неразвернутыми), были повреждены мышами и насекомыми.

В результате этих трудов было составлено до 8 тысяч копийных документов, ставших бесценным комплексом источников по истории Урала и Сибири XVI – XVIII веков еще и потому, что большая часть этих архивов позднее погибла, остались только «миллеровские» копии. Среди важнейших научных открытий в области истории и источниковедения, сделанных Миллером, укажем найденные им Есиповскую, Кунгурскую и Ремезовскую летописи. Лишь незначительная часть собранных документов нашла отражение в главном труде Миллера – «Истории Сибири». Большая же их часть, составившая так называемые «портфели Миллера», осталась неопубликованной. Известно, что незадолго до смерти Миллер продал свое собрание рукописей и библиотеку государству и они хранились по указу Екатерины II в архиве Коллегии иностранных дел. Сегодня личный архив Миллера, с рядом неизданных и неизученных его трудов, является неисчерпаемой «кладовой» для ученых.

Миллер собрал также обширные данные по географии, археологии, этнографии и экономике Сибири.

Изучение растительного и животного мира Сибири во Второй Камчатской экспедиции было основным занятием Гмелина, и главным итогом его многолетнего путешествия стало издание на латинском языке «Флоры сибирской» (четыре тома из пяти написанных). Этот труд явился наиболее полным и фундаментальным ботанико-географическим обзором растительности Сибири. Всего в нем было описано 1178 видов растений, из которых более 500 – впервые.

Не забывали участники экспедиции о выполнении такой важной задачи, как изучение природных ресурсов и производительных сил обследуемых территорий. Отметим в связи с этим написанный Миллером в январе 1734 года неопубликованный до сих пор немецкоязычный труд «Сведения о нынешнем состоянии горных промыслов в Сибири и Великой Перми», в котором автор, предварительно проанализировав состояние горнорудного и металлургического производства Урала и Сибири, пришел к выводу о недостатке в Сибири крупного производства железа. Позднее он выступил с проектом строительства в Кузнецком уезде мощной базы черной металлургии.

Итоги Второй Камчатской экспедиции оказались столь

значительными, что до сих пор ее материалы привлекают внимание не только историков науки, но и этнографов, ботаников, зоологов, минералогов, для которых ценными остаются сведения о неразрушенной цивилизацией природе, о прежнем быте коренных народов, о жизни горнозаводского Урала.

Другим предприятием, ставшим, как и Вторая Камчатская экспедиция, беспрецедентным по масштабу и значимости результатов комплексного научного изучения России, признаны *Академические экспедиции 1768 – 1774 годов*. Екатерина II не жалела средств на их проведение. Один из отрядов Оренбургской экспедиции возглавлял профессор естественной истории П. С. Паллас, незадолго до этого приглашенный в Россию из Германии, – ученый-энциклопедист, несмотря на свою молодость пользовавшийся европейской известностью. Другой отряд, маршрут которого пролегал на Волгу, Урал и Север Европейской России, возглавлял 28-летний адъютант по ботанике и натуральной истории И.И. Лепехин.

О задачах академических экспедиций 1768–1774 годов лучше всего дает представление специально разработанная в Академии наук общая для всех отрядов инструкция, во вступительной части которой составители определили главную цель предпринятых мероприятий как «пользу общую государства и распространение наук». Всем членам экспедиций предписывалось вести «обстоятельный журнал», который следовало «каждую зиму» высылать в Академию, а ежемесячно – «известия» и «репорты», т. е. отчеты. В инструкции подробно были указаны все «предметы», до которых «изыскания и наблюдения разъезжающих испытателей природы касаться должны»: описания «земель и вод», условий хлебопашества, растениеводства, виноградарства, скотоводства, рыболовства и пр., описание болезней скота и способы его лечения местным крестьянством, виды хозяйственного инвентаря, полезных ископаемых и промышленности. «Сверх того, – говорилось далее, – Академия надеется, что путешествующие прилежно примечать будут все, что может служить к объяснению общей и к поправлению частной географии, также погоды, тепло и стужу, а особливо в таких местах, где пробудут несколько времени, описывать нравы, светские и духовные обряды, древние повести народов, обитающих в той стране, которую проезжать будут, причем примечать встречающиеся древности, осматривать развалины и остатки древних мест»⁶.

Основным в Оренбургской экспедиции считался отряд, возглавляемый П.С. Палласом. За время шестилетнего путешествия ученому и его спутникам удалось выполнить огромный объем работ, собрать различные коллекции растений, животных, минералов, предметов этнографии и археологии, делать их описания, при этом регулярно высылать все материалы в Академию наук, несмотря на бесконечные транспортные проблемы. Многие из этих коллекций до сих пор хранят-

Паллас Петр Симон (1741–1811) – ученый-энциклопедист и естествоиспытатель, академик Петербургской Академии наук. Родился в Берлине, где учился в Медико-хирургическом коллегииуме. Учился также в университетах Галле и Геттингене, в 1760 г. окончил Лейденский университет в Голландии. В 1766 г. приглашен в Россию, работал в Петербургской Академии наук, заслужил мировое признание как зоолог, ботаник и палеонтолог. Внес также крупный вклад в геологию, минералогию и горное дело.

Паллас руководил крупными академическими экспедициями (1768–1774, 1793–1794), изучавшими природные богатства Центральной России, Поволжья, Калмыкии, Прикаспия, Урала, Сибири, Предкавказья и Крыма. Наиболее значительной была Первая Оренбургская физическая экспедиция (1768–1773), охватившая треть территории России. Планы дальнейших академических экспедиций Палласа были не осуществлены большей частью из-за участвовавших крестьянских восстаний в Заволжье и на Урале (1774–1775).

6 Инструкция для отправленных от Императорской Академии наук в Россию физических экспедиций // Фрадкин Н.Г. Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. – М., 1950. – С. 205.

Автор «Путешествия по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1773–1788. Ч.1–3), а также ряда оригинальных работ: «Наблюдения над образованием гор...» (1778) и др. Им дано первое научное описание нефтепроявлений и серных месторождений в Поволжье, Баскунчакских и Илецких соляных промыслов, золотых, медных, железорудных и других месторождений Урала (Березовского, Кыштымского, Гумешевского, Тагильского и др.), а также Барабинских соленых озер, медных и полиметаллических месторождений Рудного Алтая.

Паллас описал условия залегания коренных пород в ряде местностей. Положил начало метеоритике в России, описав и доставив в Петербург обнаруженный в районе Красноярска метеорит, известный под названием «Палласово железо» (метеориты такого типа получили общее наименование палласитов).

В 1781 г. Паллас основал журнал «Новые Северные примечания» для публикации материалов о природе России, который издавался в течение 12 лет.

В 2001 г. имя Палласа присвоено одной из вершин Уральских гор.

ся в различных музеях Российской Академии наук. Все участники вели дневники своего путешествия, часть из которых стала публиковаться еще во время экспедиции. Среди студентов его отряда особенно выделялись способностями и трудолюбием Василий Зуев и Никита Соколов (оба – будущие академики), которым Паллас поручал совершать отдельные маршруты, вести корреспонденцию, составлять описания. Многолетние исследования обширных территорий России необычайно расширили научный кругозор Палласа, а собранные им во время путешествия научные материалы он разрабатывал до конца жизни. Ученый написал целый ряд замечательных работ по зоологии и ботанике, геологии и биологии, был одним из первых организаторов фенологических наблюдений в России, оставил ценные этнографические характеристики отдельных народов, описание древних памятников. Все это свидетельствовало об огромной научной эрудиции Палласа, которого как ученого отличала «исключительная точность наблюдений, сочетающаяся с умением делать глубокие выводы из наблюдаемого»⁷.

В 1773–1788 годы Академия наук издала три тома экспедиционных исследований Палласа, до этого вышедших на немецком языке, – «Путешествие по разным провинциям Российской империи». Издание представляло собой дневниковые записи, уже здесь Палласом были опубликованы данные о 150 видах животных, обитавших на территории России. Будучи первоклассным ботаником, ученый создал одну из первых и наиболее значительных сводок по флоре России – «Описание растений Российского государства с их изображениями...» (СПб., 1786, в переводе В.Ф. Зуева), где был описан 281 вид на латинском языке. Помимо детальной систематической и морфологической характеристики растений, большое внимание здесь было уделено вопросам хозяйственного использования каждого вида. К сожалению, из-за недостатка средств не все ботанические материалы Палласа удалось тогда издать.

Изучая природу Среднего и Южного Урала от Оренбурга до Денежкина камня (район нынешнего г. Североуральска), а также Зауралья, Паллас, в частности, открыл месторождение железных руд на горе Качканар, провел «анализ химического состава вод уральских озер (преимущественно в Челябинском, Троицком и Шадринском уездах) с целью выявления его воздействия на жизнь рыб», изучал соленые озера и солончаки. Все это позволило В.В. Литовскому сделать вывод о том, что именно «П.С. Палласу принадлежит идея существования на Урале древнего моря и приоритетные исследования по выявлению влияния химического состава воды в водоемах на видовой состав их водной флоры и фауны»⁸.

Путешествие Палласа имело не только научное, но и огромное практическое значение. Благодаря ему русское правительство смогло лучше узнать природные богатства до это-

7

Окрокверцхова И.А. Путешествие Палласа по России. – Саратов, 1962. – С. 44.

8

Литовский В.В. Уральская ойкумена: эхо научных бурь. Естественно-историческое описание исследований окружающей среды на Урале. Персоналии. – Екатеринбург, 2002. – С. 77–78.

Стефан Пермский.
Икона первая половина XVII в.

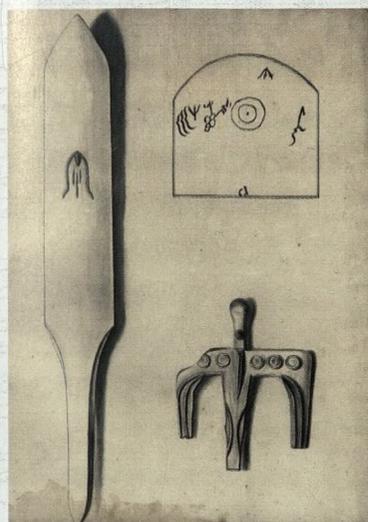

Рисунок вогульских древностей,
найденных Г.-Ф. Миллером возле
Верхотурья

Бермелеев. «Вид уральских гор
(с реки Хай-яги)». 1847—1850 гг.

Бермелеев. «Уральский хребет и долина реки
Вангырея (с горы Паре-ко)». 1847—1850 гг.

го недостаточно изведанных регионов Урала, Сибири, Алтая, Кавказа, проблемы и нужды проживающих там народов.

Экспедиция Оренбургского отряда под руководством И.И. Лепехина была рассчитана на четыре года. Маршрут первых трех лет путешествия соответствовал экспедиционному плану, разработанному в Академии наук, и должен был заканчиваться в г. Тобольске, но Лепехин, перезимовав в Тюмени вместо Тобольска, добился от Академии наук разрешения исследовать Русский Север. В составе отряда также находились студенты, наиболее способным и наблюдательным помощником из которых был, несомненно, Николай Озерецковский (впоследствии академик). Путешественники преодолевали все препятствия, встречавшиеся на их пути, стойко переносили тяготы кочевой жизни, подробно описывая все, что встречалось им любопытного и вызывающего научный интерес: богатство природы, полезные ископаемые, земледельческие культуры, домашних и диких животных. За годы путешествия И.И. Лепехин много знакомился с бытом, традициями, хозяйством народов России, которым дал подробное этнографическое описание. Ему представлялось чрезвычайно интересным определить «что всем сим народам есть общее» и «чем они наиболее друг от друга разнятся»⁹.

На Урале путешественники провели около двух лет, посетив «почти все заводы на Южном Урале» и 33 завода на Среднем Урале, при этом подробно заносил в дневник сведения о том, «где построен и как оборудован описываемый завод, откуда привозится к нему руда и сколько он выплавляет в год чугуна или меди»¹⁰. Лепехину и его спутникам удалось осмотреть свыше десятка пещер, в том числе Кунгурскую, обширные пещеры Южного Урала – в горах Муйнак-таш и Байслан-таш, знаменитую Каповую. Они совершили восхождение на Конжаковский Камень. Это трудное, но интересное событие произвело сильное впечатление на Лепехина, он так его описал: «С хребта Конжаковского Камня во все стороны оказывалась дикая и ужасная пустыня, только к зверскому пристанищу удобная. Глубокие доли, пропасти, представляющие темнами, наполнены были лесами, окружающие гор верхи везде бесплодную и суровую изъевляли землю... Всякой горы северный бок покрыт был седыми снегами, а полуденный – цветами украшенную представлял весну»¹¹.

Путешествуя по Уралу, Лепехин особое внимание уделял месторождениям полезных ископаемых, подробно описывая те места, где были видны признаки залегания руд. Так, на правом берегу реки Белой он нашел асфальт, каменный уголь и нефтяной ключ, а на реке Таулы – залежи слюды. Из Екатеринбурга Лепехин отправил в Академию наук «образцы золотых, медных, железных руд, кристаллы кварца, образцы розовой мыльной глины и слюды, собранные им в уральских горах»¹². Подводя итоги экспедиции И. Лепехина, исследова-

Лепехин Иван Иванович (1740–1802) – русский путешественник, член (с 1771 г.) Академии наук, заведовал Ботаническим садом Академии наук, был непрременным секретарем Российской Академии, 16 лет возглавлял Академическую гимназию. В 1768–1772 гг. руководил академической экспедицией. Главный труд И. Лепехина – описание путешествий по России и географические исследования Поволжья и Прикаспия, Урала, Архангельского края и Белого моря – «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» (Ч.1–3. – СПб., 1771–1780; Ч.4. – Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 г. – СПб., 1805) стал классическим географическим сочинением.

Сведения, сообщаемые в «Дневных записках», весьма разнообразны, в них дано комплексное описание природы: многие, в том числе теперь утраченные, виды растений, животные, птицы, рыбы, леса, подробная характеристика множества заводов и фабрик, рудников.

9 Козлов С.А. Русский путешественник эпохи просвещения. – СПб., 2003. Т.1. – С. 49.

10 Фрадкин Н.Г. Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. – М., 1950. – С. 78.

11 Цит. по: Фрадкин Н.Г. Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. – М., 1950. – С. 84.

Лепехин подробно описал хозяйства, населения посещенных территорий, привел богатые фактические материалы по этнографии народов Поволжья, Урала, Севера, сделал подробные описания промыслов, способов земледелия.

Лепехин предвидел будущее развитие сырьевых ресурсов Урала, при этом с тревогой писал о хищнической эксплуатации уральских лесов, частых пожарах, рекомендовал делать лесные посадки на свободных местах.

И. Лепехин являлся одним из составителей «Словаря Академии Российской», был членом комиссии по изданию трудов М.В. Ломоносова.

Потомки отметили вклад Лепехина в изучение природы Урала. Когда в 1950-е годы учеными Института географии Академии наук СССР на Полярном Урале, в истоках р. Усы был открыт горный ледник, его назвали именем И.И. Лепехина.

12

Лукина Т.А. Экспедиции академика Лепехина в XVIII в. // Тр. Ин-та истории естествознания и техники. – М.; Л., 1961. – Т. 41. Вып. 10. Из истории биологических наук. – С. 334–335.

13

Там же. С. 346.

ть Т.А. Лукина писала: «...нельзя не отметить, что он блестяще выполнил все те многообразные и сложные задания, которые были поставлены перед молодым ученым Академией в 1768 г.: изучил природные богатства Поволжья, Урала, Сибири и Крайнего Севера Европейской России; подробно описал состояние промышленности, сельского хозяйства, охоты, рыболовства в посещенных им районах; в горных местностях повсюду произвел геологические разведки, исследовал пещеры и карстовые формы рельефа; уточнил и проверил географические карты, имевшие в то время немало белых пятен, привез богатейшие зоологические и ботанические коллекции, описал множество новых видов животных и растений; собрал ценные материалы по зоогеографии, истории, экономике, этнографии, фольклору, народной медицине и ветеринарии»¹³.

Проведением многолетних комплексных обследований обширных районов Российской империи был завершен грандиозный проект Петербургской Академии наук. На результатах научных исследований не отразилось даже то, что академические экспедиции пришлось на годы тяжелых испытаний для России, вызванных войной с Турцией и пугачевской «смутой». Ценность научных открытий, полученных в ходе экспедиций, была несомненной: это и огромное количество собранных материалов в виде образцов руд и минералов, археологических и исторических памятников, а также отчетов, рапортов, описаний путешествий участников экспедиции. По мере того как результаты академических исследований издавались на русском и немецком языках, они получали восторженные отклики со стороны европейских научных обществ и отдельных ученых.

Одним из результатов академических экспедиций 1768–1774 годов стали составленные на основе полученных сведений «Генеральная карта Российской империи, по новейшим наблюдениям и известиям сочиненная» (1776), «Новая карта Российской империи, разделенная на наместничества» (1786) и «Атлас Российской империи» (1796). Именно со времени работ этих экспедиций в обиход вошло ставшее затем традиционным деление Урала на Северный, Средний и Южный.

В данной книге приводятся отрывки из сочинения Г.Ф. Миллера «История Сибири», рассказывающие о начале строительства ряда уральских городов, приводятся некоторые из собранных им исторических документов, а также статья «О Сибирских надписях». Материалы Академических экспедиций 1768–1774 годов представлены фрагментами из опубликованных тогда дневниковых записей и описаний путешествий, сделанных ее главными участниками – учеными Палласом и Лепехиным.

Тексты даны в орфографии того времени.

Документы, собранные Миллером

1

Из «Грамоты царя Федора Ивановича в Верхотурье Василию Головину и Ивану Воейкову о строении города и острога на реке Туре»

1597 г., декабря 15

От царя и великого князя Фейдора Ивановича всея Руси на Туру, на Верхотурье, Василью Петровичю Головину да Ивану Васильевичю Воейкову. В нынешнем 106-м году декабря в 10 день писали есте к нам ис Перми, что велено вам быть на нашей службе на новой на Сибирской на Верхотурской дороге, на старом на чюцком городище на Неромкуре поставить город, а на городовое и на острожное дело велено вам взять в Перми Великой у Сарыча у Шестакова денег 300 рублей, что в Пермь присланы с Москвы, а на те деньги велено нам наняти посошных людей, пеших и конных и плотников со всякою посошною плотничьею снастью, по договору, по чему наймутца, и поруки по них взять крепкие з записьми, что им город и острог делати, а не отделався от городового и от острожного дела не збежати; а будет тех денег 300 рублей мало, и вам велено взять в Перми у Сарыча у Шестакова из земских и с кабатских денег 100 рублей или сколько будет по смете надобет; да о том велено вам отписать к нам к Москве.

И вы приехали в Пермь Великую ноября в 11 день, и велели тотчас бирючю того ж дни кликать в Перми, в Чердыни, да в уезде по погостам и к Соли Камской тотчас розослали для того, чтобы шли охочие люди наймоватца к нашему к городовому делу; и роспись городской и осторожной смете у Сарыча у Шестакова взяли, сколько надобе на город и на башни лесу и сколько башен. И вы де, примерясь к той росписи, смечали и людей наймовали с Сарычом вместе, сколько надобно к нашему к городовому строению делу посошных людей, пеших и конных и плотников, колькими людьми мочно город и острог поставить для поспешенья вскорее.

И надобно по вашей смете посошных, пеших и конных людей и плотников, кому лес ронить и возить, и город и острог ставить 550 человек. И пешие де люди посоха договорились по полутора рубли на месяц человеку, а просят денег вдруг на 3 месяцы, а на полтора и на 2 месяца не возьмут, а говорят, что место дальнее и пустое, без запаса итти не мочно; а конные последнее договорились на месяц по 2 рубли и по 26 алтын по 4 деньги; а плотники просят по 2 рубли на месяц, а денег просят на 3 ж месяцы <...>

А с Москвы денег прислано только 300 рублей да в Перми велено взять у Сарыча у Шестакова из кабатских денег 100 рублей или сколь-

ко по смете надобе. И вы, де, у Сарыча и у земских людей денег просили, и Сарычь, де, и земские люди отказали, что у них денег кабацких нет, дать нечево, а правити ему Сарычю на земских людех тех денег не велено<...> И они на нашу службу не идут, потому что место новое и пустое и дальнее, без запаса идти не мочно, помереть с голоду; ино надобеть и по меньшей мере денег пешим и конным людем и плотником 160 человеком 930 рублей, и доведетца у Сарыча взятии в Перми в Великой к тем 300 рублем, которые присланы с Москвы, 630 рублей. И вы, де, у Сарыча денег просите, и Сарычь, де, вам денег не дает, а сказывает, что у Чердынского старосты, у Ивана у Клементьева с товарыщи, он, Сарычь, денег просит, и они ей хотят денег дать, а дни вам не скажут, как деньги дадут. А вы ей в Перми живете ноября с 11 числа до ноября ж по 18 число, а мешкаете за тем, что вам пермичи и Сарычь денег не дадут, а без денег ей посошные и записей на себя не дадут. И нам бы вам велети о посошных людех, и о плотниках, и о деньгах указ свой учинить. И вы то делаете негораздо, что посошных людей, конных и пеших, и плотников, приговорили дорого: от Соли Камской до Верхотурья всего 200 верст. И как к вам ся наша грамота придет, а вы будет до сей нашей грамоты ис Перми на Верхотурье для нашего городского дела не пошли, денег вам пермичи на наем не дали, и вы б тотчас у них деньги взяли. А дали бы есте посошным людем найму на 3 месяцы, конным 50 человеком по 40 алтын, а плотником по рублю, а пешим посошным людем по 30 алтын на месяц. А будет посошные люди, конные и пешие и плотники, денег у вас по тому указному найму не возьмут, и вы б тех посошных людей, конных и пеших и плотников, доправили на Сарыче и на пермичах со всей Пермской земли тотчас. А отдавали б есте посошным людем найму конным 50 человеком по 40 алтын, а плотником по рублю, а пешим посошным людем по 30 алтын на месяц. И шли на Верхотурье по нашему по прежнему указу. А посылали б пермичи тех посошных людей и плотников на Верхотурье переменяя. А будет вы у пермичь деньги взяли и дали посошным наем по договору, по чему уговаривались: конным по 2 рубли по 26 алтын по 4 деньги, а пешим по полутора рубли, а плотником по 2 рубли, и вы б на тех посошных людех и на их порутчикех те лишние деньги велели доправити назад и отдали те деньги пермичам. А однолично б есте нашим городовым делом промышляли вскоре, чтоб вам к весне на Верхотурье город и острог поставити. Писан на Москве лета 7106-го году декабря в 15 день.

За крепой дьяка Ивана Вахромеева.

Г.Ф. Миллер. История Сибири. Прилож. 26. — С. 375—377.

«Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье воеводе Василию Головину о починке новой дороги между Соликамском и Верхотурьем»
1599 г., апреля 22

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси в новой город на Верхотурье, Василью Петровичю Головину да голове Иваке Васильевичю Воейкову. В прошлом в 105-м году по нашему указу посыланы из Перми с вожом, с Ортюшкою с Бабиновым, 2 целовальника, а с ними посошных людей 40 человек новые Сибирские дороги чистить и мостов мостить; и те целовальники с пашенными людьми Сибирскую дорогу чистили и мосты мостили худо, для того, чтоб вперед той новой Сибирской дороге не быти, и вожа Ортюшки Бабинова те пермские целовальники и посошные люди не слушали. И с тое с новые дороги вож Ортюшка Бабинов к нам на тех пермских целовальников писал, что они нашим делом не радеют и посошными людьми не нарежают, а пермские целовальники к нам писали на вожа на Ортюшку, что, де, им вож Ортюшка велит дороги чистить уско и мосты мостить худые. А сколько целовальники посошными людьми новые дороги от Соли от Камские до нового города до Верхотурья чистили и мостов мостили, и тому прислали к нам роспись, а в росписи написано: от Соли от Камские до нового города до Верхотурья 263 версты, а мостов мостили, от Соли от Камские через речки, и через бояраки, и через грязные места до Верхотурья поперечных 7 мостов, длинных 30 мостов, а на поперечных мостех 56 сажен и на длинных мостех 135 сажен. А которые ездят с Москвы в Сибирь и из Сибири к Москве воеводы, и головы, и дети боярские и всякие служилые люди, и про ту, про новую, про Сибирскую дорогу нам сказывают, что та новая дорога чищена и мосты мощены худо, пенье ссечено не из коренья, и заломы по дороге великие, и чищена дорога уско, и мосты, которые бы мощены на речках и на ручьях и в бояраках, вешнею водою поносило, а на грязех и на болотах мосты испроломались, и выбои по той дороге великие, и только, де, тое новые дороги с весны летнею порою не чистить и мостов не мостить, и вперед тою новою дорогою зимнею и летнею порою сибирских хлебных запасов в сибирские казны спровадити будет не мочно, и ездити тою новою дорогою служилым людям нужна великая. И мы ныне писали в Пермь Великую к Григорью к Иевлеву и к старостам и к целовальником, а велели им, взяв с Пермские земли дву целовальников да посошных людей, сколько человек пригоже, послать тое новые дороги изнова чистить и мосты мостить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас послали с Верхотурья сына боярского добра да с ним вожа Ортюшку Бабинова, а велели им с пермскими с посошными людьми тое новую дорогу от Соли от Камские до Верхотурья чистити и мосты мостить. И то б есте

сыну боярскому, котораго пошлете, и вою Ортюшке приказали на-
крепко, чтоб дорогу чистили старово лутче и шире, и пенья не было, и
мосты б мостили хороши, чтоб та дорога была не уска, и мосты были
хороши, и пенье бы чистили ис коренья, и заломов бы на той дороге не
было, чтоб наши сибирские хлебные запасы и всякая наша казна было
провадить тою дорогою мочно, и служивым бы всяким людем, езда тою
дорогою, в грязех и в недомостех нужи не было. А как тое дорогу вычи-
стят и мосты намостят, и вы б о том отписали к нам к Москве и велели
отписку отдать в Казанском и в Мещерском дворце дьяком нашим
Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову, чтоб нам было ведомо. Писан
на Москве лета 7107-го году апреля в 22 день.

Г.Ф. Миллер. История Сибири. Прилож. 29. – С. 378–380.

3

**«Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье воеводе князю
Ивану Вяземскому об ясаке с лялинских вогулов»**

1599 г., апреля 28

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в новой
город на Верхотурье воеводе нашему князю Ивану Михайловичю
Вяземскому да голове Гаврилу Самойловичю Салманову. Били нам
челом Верхотурского уезда ясачные вагуличи, пятидесятник Нергей
Комкичев и во всех лялинских вагуличь 30 человек место а сказали:
ездят, де, и от нас с Москвы в сибирские города воеводы, и головы, и
дети боярские и всякие служивые люди и из Сибири к нам к Москве с
нашею с ясачною казною и з грамотами, а они, де, дают под них и под
нашу казну с Ляли подводы до Усолья до Камсково и до сибирских
городов, до Тюмени и до Пельми, против Перми Великой; а всех, де, и
их лялинских вагулечь 30 человек; а которые, де, они лошади покупа-
ют для своих нуж ести, и они те лошади держат у себя летом, а как
осень придет, и они те лошади бьют для запаса; а которые, де, Верхо-
турсково ж уезда наши ясачные вагуличи живут на реке на Сосве, и
на Лозве, и на Удоли, и на Вишере, и на Печоре, и на Ульсьи, и те, де,
вагуличи лошадей не держат и от Верхотурья живут далече, и ближ-
ние, де, и, кроме их, от Верхотурья сосвинские вагуличи, и до них, де,
ходу зимою на лыжах 10 ден, а дороги, де, и к ним ни летом, ни зимою
конные нет, только зимою на лыжах и на нартах, и те, де, вагуличи под
наших гонцов, и подо всяких служилых людей, и под казну, опричь их
лялинских вагуличь, подвод не дают. И в нынешном, де, во 107-м году
ходило их, лялинских вагульских подвод и наемных лошадей до Соли
до Камской, и до Тюмени, и до Пельми, и под нашими служилыми
людьми по великое говение 320 лошадей, и тех, де, подвод не дошло
до них 7 лошадей; а Тюменского, де, и Пельмского уезду вагуличи

только дают подводы зимою, а летом, де, и у них подвод не емлют, потому что на Тюмень и на Пелым водяной путь; а они, де, дают и летом и зимою, потому что путь сухой; а которые, де, и они седла и узды дают на подводах нашим служивым людем, и те, де, седла и узды к ним назад не возят. И в том, де, им нужа и убытки и от служивых обиды великие. Да с них же, де, емлют в нашу казну ясак: соболи, и лисицы, и бобры, и белку. И нам бы их пожаловать, велети с них ясаку убавить и велети бы их от наших служивых и ото всяких людей и от обид и от насильства беречи. И будет так, как нам Верхотурского уезду ясачные вагуличи Нергей Комкичев и во всех лялинских вагуличь место бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б с верхотурских вагуличь, с Нергея с товарищи, нашего ясаку убавили, смотря по тамошнему делу, чтоб их не розогнати, и ото всяких жилецких людей от обид, и от продаж, и от насильства берегли, чтоб им ни от кого насильства и продажи никоторые не было. Писан на Москве лета 7107-го апреля в 28 день.

За крепою дьяка Нечая Федорова.

Г.Ф. Миллер. История Сибири. Прилож. 30. – С. 380-381.

4

**Из «Грамоты царя Бориса Федоровича в Верхотурье
об освобождении сибирских ясачных людей от уплаты ясака
на 7108-й год»**

1599 г., июня 25

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в новой город на Верхотурье воеводе нашему князю Ивану Михайловичю Вяземскому да голове Гаврилу Самойловичю Салманову. Пожаловали есмя для своего царского венца и многолетново здравия и для сына своего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии многолетново здравия всех сибирских людей: вперед на 108-й год ясаку с них: соболей, и куниц, и лисиц, и бобров, и белки, имать не велели. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели у себя быти верхотурским вагуличам и остяком из волостей и лутчим людем, по сколько человек пригоже, а сами б есте были в съезжей избе в цветном платье, и дети б боярские, и литва, и казаки, и стрельцы в те поры были при вас в цветном же платье. И сказали б есте им наше царское жаловальное слово, что мы своим царским осмотреньем, для своего царского венца и многолетново здравия и для сына своего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии многолетнего здравия, во всем нашем государстве всяких людей пожаловали. А их всеа сибирские земли князей, и мурз, и татар, и остяков, и вагулич, и всяких ясачных людей

своим царским жалованьем пожаловали есмь: наперед ясаку с них: соболей, и куниц, и белки, и горностаев и всякого ясаку, имать не велели, и велели им жити во льготе, чтоб сибирским людям ни в чем нужи не было. И они б, сибирские князи, и мурзы, и татарове, и остяки, и вогуличи и всякие люди, жили в нашем царском жалованье во всем в обলেখченье, и в покое, и в тишине безо всякого сумнения, и промыслы всякими промышляли, и торговали повольно, и нам, великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Русии самодержцу, и сыну нашему, царевичю князю Федору Борисовичю всеа Русии, служили и прямили во всем по своей шерти, на чом нам, великому государю шерть дали, и над воры воровства, и шатости, и всяково лихово умышления смотрили и берегли накрепко, и детей своих, и братью, и дядьи, и племянников отовсюду призывали и сказывали им наше царское жалованье, что мы их пожаловали, ясаку с них имати не велели и велели им жити безоброчно, и в городех бы юрты и в уездех волости полнили. А в которых будет людях почаяют шатости и воровства, и они б воров не укрывали и не таили, тем бы нам службу свою и правду показали, и тех воров, которых почаяют шатость и воровство, сказывали и, имая их, приводили к вам <...>

Г.Ф. Миллер. История Сибири. Прилож. 31. – С. 381–382.

5

Из «Грамоты царя Бориса Федоровича в Верхотурье голове Гавриле Салманову о поплинах с торговых людей и с товаров, взимаемых на гостином дворе в Верхотурье»

1600 г., ноябрь 26

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в новой город на Верхотурье голове Гаврилу Самойловичю Салманову. В нынешнем в 109-м году сентября в 25 день писал еси к нам, что велено тебе по нашему указу на Верхотурье гостиной двор зделати, и ты на Верхотурье гостиной двор зделал, и поставил на гостине дворе 4 избы да 20 анбаров, да ты ж зделал на татарском дворе, татаром и остяком на приезд, избу да анбар и конюшню, и огородил и покрыл; а по чему тебе вперед наших пошлин и постоялово и с анбаров и со всяких товаров у торговых людей на нашем на гостине дворе имати, и о том к тебе наш указ не бывал; и нам бы тебе вперед о том велети указ свой уинить. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед или по тебе иные наши воеводы и головы на Верхотурье будут, велели быть на гостине дворе по годоу детем боярским, да к ним выбирали бы есте в прибавку из верхотурских из жилецких людей в целовальники, по кольку человек доведетца, и приводили их к нашему х крестному целованью на том, что им, будучи на гостине дворе, наши всякие пошлыны збирать в правду по нашему крестному целованью, а нашею

казною не корыстоватись. Да которые торговые люди верховских городов учнут приезжать на Верхотурье з запасы и со всякими товарами, и ты б у них те запасы и товары велел осматривати по нашим проезжим грамотам сыну боярскому да целовальником, которые у тебя выбраны будут на гостин двор, и оцеля таможенною и приворотною и с меновною товару пошлин з денег и вещи с меду, и с хмелю, и с сала, и с масла, и со всяково вещево товару пудовую пошлину, и с анбару оброк и с ызб тепловую пошлину с русских людей велел збирати потому ж, почему збирают всякие пошлины с русских людей в Перми, или как будет доведетца, чтоб нашей казне было прибыльнее, а приедем бы всяким людем в том большие нужи не было. А збирал бы сын боярской и целовальник всякую пошлину в ящик за твоею печатью и приносили деньги по месяцем в съезжую избу и записывали в приходные книги. А с судных дел с верховских людей имал бы еси пошлин против Московского вполю. А которые торговые люди учнут приезжать на Верхотурье с товары, и ты б у тех людей и те их товары переписывая, отдавал им назад, опричь заповедных товаров, а заповедные товары отписывал бы еси на нас и держал в нашей казне по прежнему нашему указу <...>

Г.Ф. Миллер. История Сибири. Прилож. 38. – С. 389–390.

6

«Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье князю Матвею Львову о рассылке по церквам посланных из Москвы церковных книг и предметов и об отправке колокола в Пелым»

1601 г., июня 2

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси в Верхотурье князю Матвею Даниловичю Львову да голове Угрюму Васильевичю Новосильцову. Писал к нам с Верхотурья голова Гаврило Салманов, что на Верхотурье у Живоначальной троицы и у Федора Стратилата нет книг: трефоля, миней месячные, да евангелия толкового, да пролога, и господским, де, праздником и владычным, и всем святым во весь год пети не по чему. И по нашему указу послано с Москвы в Казань и ис Казани в Пермь, а ис Перми Григорию Иевлеву, велено послать вам на Верхотурье церковного строенья: деисус, а в нем 9 икон, двери царские, столб да с сенью, образ пречистая запрестольная, образ Стефана Пермского чудотворца, да 20 аршин выбойки, да колокол, а в нем весу полшеста пуда, да книга минея общая печатная. И как к вам ся наша грамота придет, а из Перми Григорей Иевлев и старосты и целовальники то церковное строенье на Верхотурье пришлют, и вы б книгу минею общую дали на Верхотурье к церкви, к Живоначальной троице, да к Федору Стратилату, а церковное строенье послали б есте в Тобольской, а колокол послали на

Пелым. А как то церковное строенье и колокол привезут, и хто имянем, и в котором числе в Тобольской и на Пелым пошлете, и вы б о том отписали к нам к Москве с ыными нашими делы. Писан на Москве лета 7109-го июня в 2 день.

Г.Ф. Миллер. История Сибири. Прилож. 46. – С. 404–405.

7

«Грамота царя Бориса Федоровича в Туринск голове Федору Фофанову о новой дороге в Верхотурье»

1602 г., января 29

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в новой Туринской острог, голове Федору Константиновичу Фофанову. Били нам челом Туринского острогу ямские охотники Семейка Якимов Кривошея да Фефилко Григорьев и во всех товарищей своих место 50 человек а сказали: гоняют, де, они на Тагильское устье, и та, де, дорога крива и летом водяна и грязна, и рек по ней много, и возятся, де, и летом Туру реку трожды, а бродят двжды, а в осень лошади плавают, и гоняти, де, тою дорогою немочно, лошади с воды и з грязи озябают. А слухом, де, они слышали, говорил, де, и Епанчинского юрта татарин Дуващ Чей, да Коза, да Оргунчей, да Сеил, да Ивас, да староста татарской Курдум, да Байгара, да Байтерек, да Кунманчей ис усть Тагила, что они знают прямую дорогу к Верхотурью от Туринского острогу до Тагильского устья, и рек, сказывают, нет. И нам бы их пожаловати, велети тем татаром тое прямую дорогу, куды они знают, им ямским охотником указать, чтоб им гоняти к Верхотурью ближе и легче. И будет так, как нам Туринского острогу ямские охотники Семейка Кривошея и в товарищей своих место бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тем татаром, которые в сей нашей грамоте имяны писаны, велел быти в остроге и сказал им наше жаловальное слово, чтоб они нам послужили, от Туринского острогу до Тагильского устья дорогу розыскали и указали, куды ближе, и прямее, и суше ездити к Верхотурью, а мы их за то пожалуем своим жалованьем. А как они про тое прямую дорогу скажут, и ты б с ними послал ямщиков да стрельцов человек дву или трех да с ними дьячка и велел им тое прямые дороги досмотрити и урочища написать на роспись, сколько по той дороге рек, и грязей, и сухих ровных мест и сколько от которова места до которова урочища верст. Да будет та дорога к Верхотурью пряма, и суха, и гладка, и впредь прибыльна, и ты б послал из служилых людей, из стрельцов, и ис казаков, и ямщиков, и волостных татар, сколько человек пригоже, а велел им, в которых будет местех на грязех, и на болотах, и на малых речках надобе, мосты намостить. И велел тою новою дорогою ямщиком к Верхотурью гоняти. А как тое дорогу татаровя укажут и вычистят, и

ты бо о том отписал и роспись той новой дороге прислал к нам, к Москве и велел отписку и роспись отдать в приказе. Казансково и Мещерсково дворца дьяком нашим Офонасью Власьеву де Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7110-го генваря в 29 день.

Г.Ф. Миллер. История Сибири. Прилож. 49. – С. 408–409.

8

**«Грамота «с прочетом» царя Михаила Федоровича в Соликамск воеводе Богдану Лупандину об освобождении от податей вотчину «вожа» Сибирской дороги Артемия Бабинова в Соликамском уезде»
1617 г., января 9**

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси к Соли Камской воеводе нашему Богдану Поликарповичю Лупандину. Бил нам челом Сибирской дороги вож Ортемка Софонов сын Бабинов, а сказал: по указу блаженные памяти царя и великаго князя Федора Ивановича всея Руси велено ему, Ортюшке, проведывать прямые дороги от Соли Камской в Сибирь на Верхотурье сухим путем; и он, де, Ортюшка, проведав тое дорогу от Соли Камской в Сибирь на Верхотурье, пермичи посадскими и уездными людьми прочистил; а прежде тово в Сибирь была дорога окольная: от Соли Камской мимо Чердынъ водяным путем, Вишерою рекою, вверх, да через Камень в Лозву реку, да Лозвою вниз в Тавду реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки, а Тоболом вверх до усть Туры реки, а Турою вверх до Тюменскаго города; и тою, де, дорогою хаживала наша денежная и соболиная казна и хлебные запасы по смете с 2000 верст; а тою де дорогою сухим путем, что он, Ортюшка, прочистил от Соли Камской до Верхотурья, верст с полтретьяста, а от Верхотурья до Тюмени верст с 700, и тою де дорогою ходит наша соболиная и денежная казна и хлебные запасы; и за тое де службу блаженные памяти царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси пожаловал ево, Ортюшку, велел ему дати свою государеву жалованную грамоту, что с ево деревнишка и с двора, что на посаде у Соли Камской, в Сибирские запасы и оброков никаких с него имати не велел, и велел его во всяких податех обольготить, и велел ему на той же новочистой Сибирской дороге жити на Ейве реке на льготе, и слободу устроить для проезду воевод наших и служилых и всяких людей, и нашее соболиные и денежные казны и хлебных запасов; и ныне, де, на том месте жильцов всего 6 человек, а больше, де, того на такую пустошь никто ни откуда нейдет, что место пустое, пашни нет, а кормятся привозным хлебом; и в прошлом, де, во 124-м году воздвигнули они наше богомолие, храм во имя Введения пречистые богородицы, и ныне, де, в его вотчине у того храма служба повседневная; и по той, де, по прежней блаженные памяти царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Руси жало-

ванной грамоте даны ему на ту вотчину грамоты при царе Борисе и при царе Василье, а велено, де, ему по тем жалованным грамотам владети по Ейве реке вверх от Сибирской дороги 20 верст да до Чикмана речки, и по Чикману вверх до взвоза Сибирской же дороги, до креста, а вниз по Ейве реке 15 верст до Ика реки пашнею и санными покосы и всякими угоды за его службу, что он в Сибирь прямую дорогу протравил и прочистил; и ныне, де, Соли Камские посацкие и уездные люди тех прежних грамот не слушают, и ево, Ортюшку, во всякие подати воротят с собою вместе, и платит, де, он, Ортюшка, с ними по их насильству всякие подати 6 лет рядом и по сию пору. И нам бы его, Ортюшку, за его службу пожаловать, велети ему тою вотчиною по старым межам владети попрежнему пашнею, и санными покосы, и всякими угоды, и податей с ево двора на посад и с его деревнишка для ево службы некоторых имати не велети, чтоб ему с тое прямые дороги для податей не съехать. И будет так, как нам Сибирской дороги вож Ортюшка Бабинов бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, а при царе Федоре будет ему такова грамота на Ейву реку на ту вотчину была дана, и за ту службу податей с него некоторых имати не велено, и ты 6 по прежней царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии жалованной грамоте с ево, Ортюшкина двора на посад и с ево деревнишка за его службу податей некоторых с него имати не велел, а велел ему, Ортюшке, тою вотчиною по Ейве реке вверх и по Чикману вверх до взвозу, до креста, и вниз по Ейве реке, по реке Ик пашнею, и санными покосы, и всякими угоды владети попрежнему. И прочет сию нашу грамоту и, списав с ней противень слово в слово отдал ее назад Ортюшке Бабинову, и он ее держит у себя для иных наших воевод и приказных людей. Писан на Москве лета 7125-го генваря в 9 день.

Подлинная грамота за крепкою дьяка Федора Опраксина.

Г.Ф. Миллер. История Сибири. Прилож. 93. – С.449–451.

С XVI века начинается колонизация Урала и освоение восточного склона Урала. Переселение русских людей на Урал сдерживалось тогда постоянно существовавшей угрозой нападения со стороны сибирских татар. Удачные походы Ермака, взятие в 1582 году столицы Сибирского ханства г. Кашлык (Сибирь) способствовали в дальнейшем проведению политики правительства Ивана IV, направленной на мирное проникновение русских на Урал.

В 80-х годах XVI века создаются русские города в Сибири и на восточном склоне Урала. В 1586 году на реке Туре был заложен город **Тюмень**, недалеко от места нахождения полулегендарной татарской крепости Чимги-Тура, находившейся на древней караванной дороге из Средней Азии в Поволжье. Основатели Тюмени, воеводы Василий Сукин и Иван Мясной,

выбрали для крепости просторный мыс, ограниченный с запада оврагами и речкой Тюменкой, а с восточной стороны – крутым берегом Туры. В приведенном отрывке из книги Миллера «История Сибири» подробно описываются природные условия выбранного под строительство нового города-ostroга места, приводятся существовавшие версии происхождения его названия.

История **Тобольска** началась через несколько месяцев после основания Тюмени, когда русские служилые люди во главе с Данилой Чулковым, спустившись на ладьях по Туре и Тоболу, поставили из ладейного дерева небольшой град. Сначала город находился под началом Тюмени, но в 1590 году столица Сибири переносится в Тобольск. Как пишет Миллер, «благодаря... удобному короткому и прямому пути с Тобола на Иртыш», т. е. как более удачно расположенного на Сибирском тракте. Город становится опорой продвижения вглубь Сибири. Служилые тоболяки проводят разведку новых земель, ставят городки и остроги, облагают ясаком сибирские народы, отправляя в Москву ценную пушнину.

В то же время продолжали использоваться как опорные пункты на пути в Сибирь и временные военные лагеря, основанные еще дружиною Ермака и шедшими вслед за ней русскими отрядами. Строились и новые. Так, в 1588 году при впадении реки Ивдель в Лозьву создается главная перевалочная база – **Лозьвинский городок**. «Частые отправки в Сибирь и обратно, – пишет Миллер, – а также стремление к дальнейшему расширению русских владений в Сибири делали этот городок крайне нужным». Постепенно городок становится центром нового обширного уезда, укрепляется острогом и сторожевыми башнями, в нем находился небольшой гарнизон из стрельцов и казаков. Городок стал центром сбора ясака с окрестного вогульского населения.

Освоение Зауралья и Сибири сдерживалось трудностями передвижения по водным путям, проходившим в малодоступных северных районах Урала. Если военные дружины Ермака могли преодолеть эти трудности, то для крестьянского населения они оказывались непреодолимой преградой. Необходимость поиска новой дороги становилась очевидной. И такую дорогу – прямой сухопутный путь от Соликамска до верховьев Туры – разведать житель деревни Верхняя Усолка Соликамского уезда Артемий Сафонович Бабинов, за что он и его потомки были освобождены от податей (см. док. 8). В 1597 году началось ее строительство, чему способствовало наличие вокруг строевого леса. Эта дорога протяженностью в 263 версты в 7 раз сократила путь в Сибирь. С верховьев Туры шел удобный и короткий водный путь к основным сибирским городам – Тюмени и Тобольску. Дорога быстро и надолго стала основным путем, связывавшим Сибирь с центром Русского государства, по ней не прекращался как поток русских переселенцев, служилых и торговых людей, так и нескончаемый

поток грузов. Активная эксплуатация *Бабиновской дороги* приводила к ее разрушению и требовала постоянного поддержания и ремонта. Об этом подробно рассказывают найденные Миллером и приведенные им в приложении к «Истории Сибири» документы (см. док. 2, 7).

Одновременно со строительством дороги началось строительство нового города *Верхотурья*, для которого было выбрано место, пишет Миллер, «на высоком утесе, который со стороны реки очень крут, ...поставлен внутренний острог», укрепления деревянного кремля. Здесь разместилась главная таможня. Как видно из приведенных документов, попытки правительства набрать рабочую силу при строительстве города в глухом, пустынном месте («место новое и пустое и дальнее, без запаса идти не мочно, помереть с голоду...») вольным наймом не удалось. Отпущенные на строительство средства были настолько малы, что в Перми Великой не нашлось желающих работать за скудную плату. В конце концов пришлось прибегнуть к принудительному найму по расценкам вдвое меньшим, чем требовали нанимавшиеся, а также к труду служилых людей и татарских пленников, взятых в Казанском ханстве (см. док. 1).

Город Верхотурье стал военно-административным и экономическим центром нового уезда, а также центром ремесла и торговли. Здесь был построен гостиный двор, церкви и монастырь. Сюда был переведен гарнизон из ставшего ненужным Лозьвинского городка. Местное вогульское население было обязано теперь платить ясак верхотурскому воеводе. При этом правительство, стремясь «снискать себе расположение народа», время от времени «милостиво» освобождало его от этой подати (см. док. 4).

Отрывки из книги Г.Ф. Миллера «История Сибири»

О строении городов Тюмени, Тобольска и Лозвы

§ 3. <...> Прежние походы были направлены прямо на Иртыш и к городу Сибири¹, воевода же Сукин занял место при реке Туре, там, где когда-то стоял старый татарский город Чимги. Он прибыл туда 29 июня 7094 [1586] г. и начал строить город, получивший позднее татарское название Тюмень.

§ 4. Этот город расположен на правом, или южном, берегу Туры, на высоком и ровном месте, где берег поднимается на 10 сажений выше уровня реки. Ни одна их сибирских местностей не обладает, кажется, такими природными преимуществами. Место, занимаемое городом, тянется во все стороны на равной высоте и покрыто плодородней-

¹ «Город Сибирь» – Кашлык (Искер), столица Сибирского татарского ханства

шей пахотной землей. Левый же, или северный, берег реки низкий и весьма лесистый. И татары, и русские поступали поэтому правильно, когда здесь строили свои первые города. Земля в том месте очень рыхлая, и с незапамятных времен образовались тут буераки¹, которые настолько глубоки, что доходят иногда до уровня реки Туры, а в других местах уходят дальше в глубь земли. Между такими буераками и не на самом берегу реки находился старый татарский город, от которого и сейчас еще остались следы в виде земляного вала и рва, проведенных от буерака до буерака. Однако Сукин при выборе места для Тюмени не последовал примеру татар. Размеры татарского городища были недостаточны даже для маленького городка, не говоря уже о целом городе, на будущий рост которого можно было возлагать большие надежды. Сукин, наоборот, построил город на берегу реки ниже того места, где буераки сходятся общим устьем к реке Туре.

§ 5. Это общее устье и один из буераков, который идет параллельно реке Туре и окружает город с нагорной стороны, называются по-русски Тюменкой, татары же не имеют тому месту особого названия. Другой буерак, идущий отсюда прямо в глубь страны, называется Делиловым. Третий от этого, идущий по одной линии с Тюменкой, получил от растущих там диких вишен название Вишневого буерака. Теперешний город Тюмень расположен между Тюменкой и рекой Турой; старый же татарский городок Чимги, или Цимги, находился между Тюменкой и Вишневым буераком. Оба места были укреплены от природы с трех сторон частью высоким и обрывистым берегом реки Туры, частью непроходимыми буеракам. Таким образом, укрепления требовала только сторона, расположенная вниз по течению реки Туры. Это и было сделано при построении города Тюмени, когда кроме небольшого внутреннего городка с четырех стенах, который стоит вблизи Тюменки, вокруг находившихся вне его жилых домов был поставлен тын, или острог, от берега реки Туры до Тюменки. Ремезовская летопись добавляет, что в одно время с острогом построена была в Тюмени церковь во имя всемилостивого спаса, которая была первой церковью во всей Сибири.

§ 6. О происхождения названия Тюмени татары рассказывают двояким образом. Это слово на их языке обозначает десять тысяч. Одни из них уверяют, что в древние времена там жил могущественный татарский князь, имевший до 10 000 подданных или имевший возможность собрать войско такой численности. Другие же рассказывают, что татарский князь, живший здесь, приказал однажды заполнить все овраги Тюменки своим собственным скотом. Это было сделано, и при счете оказалось 10 000 голов скота. По первому объяснению можно судить о силе татар, по второму — об их богатстве.

¹ Буерак — овраг, рывина; горная впадина.

Возможно, что то и другое выдуманно. Названия Тюмени не первое, которое основано на басне. То же самое название встречается на Каспийском море, где приток реки Терека известен под названием Тюменки; на нем был расположен татарский или черкасский город, названный Тюменским городком. Это тот же город, который впоследствии получил название Терки. Князь этого города подчинился в 1559 г. русской власти, о чем свидетельствуют степенные книги. Разрядные книги часто упоминают о двух сыновьях этого князя, Романе и Василии Агишевичих Тюменских, и сообщают, что с 1575 г. до конца столетия они служили Российскому государству воеводами во многих походах. Что же касается происхождения названия сибирского города Тюмени, то во время строения города оно, вероятно, было в употреблении у татар, теперь же они им больше не пользуются, а называют город старым именем Чимгитура.

§ 7. Само собой разумеется, что воеводы нового города занялись покорением живших в тех местах татар и принуждали их к уплате ясака. Последнее произошло без особых затруднений, почему устные предания и летописи очень мало говорят об этом. У татар не было тогда собственных начальников, которые могли бы защитить их от русских. Живя оседло в своих юртах, они имели свои земли и занимались земледелием и скотоводством и должны были бы всего этого лишиться, если бы добровольно не подчинились русским. Местности по рекам Пышме, Исети, Тавде и Тоболу, почти до его устья, входили тогда в состав Тюменского уезда. В дальнейшем, когда число городов увеличилось, границы этого уезда заметно уменьшились, так как каждый из новых городов получил из Тюменского уезда лежавшие вблизи земли, которыми сама Тюмень не могла управлять за дальность расстояния <...>

§ 9. Так было положено начало главному городу Сибири – Тобольску, который первоначально состоял из небольшого деревянного укрепления и нескольких построек для служилых людей. Вскоре после своего основания Тобольск стал местом пребывания главных воевод и позже – губернаторов всей Сибири, откуда посылались распоряжения всем остальным постепенно возникавшим и подчиненным ему городам и местечкам Сибири. В этих распоряжениях указывалось, между прочим, как надо с пользой для государства управлять покоренными народами и как, смотря по обстоятельствам, лаской или принуждением, подчинять еще непокорных. При основании Тобольска туда был назначен только письменный голова, человек невысокого ранга, очевидно, потому, что не могли сразу учесть то значение, которое было связано с созданием этого города. Чулков со своими людьми отправился в путь из Тюмени водою сразу же по получении приказа, т. е. летом того же 7095 (1587) г. Город был построен им на высоком восточном берегу реки Иртыша, против устья реки Тобола, без малейших препятствий со стороны живущих там татар.

§ 10. Согласно устных рассказов, город был заложен в том месте, где теперь находится архиерейский дом с принадлежащими к нему дворовыми постройками. По Ремезовской летописи, Чулков построил тогда же Троицкую церковь и за городом, под прямым взвозом, другую церковь Всемиловитового спаса. В последующее время с городом и с церквями происходили частые перемены, о чем будет сказано в своем месте.

§ 11. Таким образом, вместо города Сибири, в той же местности, в центре бывшего Татарского царства, появился теперь другой город, который, благодаря своей близости к Тюмени и удобному короткому и прямому пути с Тобола на Иртыш, являлся надежной пристанью, откуда можно было подниматься и спускаться по Иртышу, в чем он имел большие преимущества перед городом Сибирью. Но все это имело бы небольшое значение, если бы упорный враг, которому простой народ в окрестных деревнях был безусловно предан, оставался бы по-прежнему поблизости. Вероятно, Чулков не имел распоряжения из Москвы применить против него силу или сам на это не решался. Наоборот, он больше старался о том, чтобы наладить хорошие отношения с живущим там народом и, заручившись его доверием, впоследствии легче, без особых потерь для себя, овладеть наиболее видными людьми из их среды и, таким образом, навсегда подчинить остальных Русскому государству <...>

§ 16. В то время было решено построить город на реке Лозве, впадающей в Тавду, в том месте, где Лозва становится судоходной. Его называли Лозвинским городком, или городком на Лозве. Частые отправки в Сибирь и обратно, а также стремление к дальнейшему расширению русских владений в Сибири делали этот городок крайне нужным. Так как в это время обычный путь в Сибирь шел через Чердынь вверх по реке Вишере, а оттуда через горы к реке Лозве, впадающей в Тавду, и далее вниз по Тавде до Тобола и Иртыша, то в том месте, где Лозва начинает быть судоходной, необходимо было иметь пристань, чтобы в весеннее время строить там суда и держать в безопасности продовольственные и иные запасы, которые по окончании ледохода можно было бы отправлять дальше. К этому нужно прибавить, что с живущих в тех местах вогулов, подчиненных до тех пор городу Чердыни, можно было теперь получать ясак с большей исправностью и правильностью, и в то же время представлялась большая возможность покорить других вогулов, живших поблизости. Однако обо всем этом ничего не говорится в сибирских летописях, а в сибирских архивах от этих лет не сохранилось никаких дел. От Лозвинского городка через несколько лет не осталось никаких следов. Трудно надеяться, что о построении его найдутся в дальнейшем более подробные сведения. Единственно, что остается, это определить приблизительно время его возникновения.

§ 17. В архиве города Пелыма нашел я известие 7102 г., из которого видно, что городок при реке Лозве существовал уже в 7098 (1590) г. и что воеводой в нем был тогда Иван Григорьев сын Нагово. В этом же известии говорится, что в указанном году с Лозвы ушли несколько человек казаков, которых приказано было разыскать. Сверх того, в наказе первому Пелымскому воеводе князю Петру Ивановичу Горчакову о строении города Пелыма 7100 (1592) г. Лозвинский городок называется «новым городом» и опять упоминается в нем тот же воевода Иван Нагой. Так как в те времена не было обыкновения оставлять одного и того же воеводу более двух или трех лет на одном месте, то можно думать, что Нагой был назначен воеводой не ранее 7098 г. По этому обстоятельству и по добавлению к названию Лозвинского городка слова «новый», которое он сохранял еще в 7100 г., можно думать, что он был основан только за несколько лет перед тем. Из всего сказанного следует, что городок на Лозве был построен около 7098 (1590) г., по всей вероятности, воеводою Иваном Григорьевым сыном Нагово.

§ 18. Вогулы¹ Верхотурского и Пелымского уездов, живущие при реке Лозве, показывают еще и теперь то место, где когда-то стоял Лозвинский городок. Об этом говорят остатки бывших здесь укреплений и домов. С юго-западной стороны в Лозву впадает речка Иивдиль или Иивля: по словам вогулов, при устье этой речки будто бы стоял прежний городок. Немного дальше, выше этого места, находится теперь вогульская деревня Верхотурского уезда, получившая от той речки свое название Иивль-пауль. От речки Иивли вниз по реке Лозве можно было беспрепятственно плыть во всякое время года если не на груженных дощанниках, то, во всяком случае, на больших лодках. Дальше вверх река становится мелководной и на ней имеются пороги, так как она близко подходит к горам, но вниз по течению русло реки состоит частью из песка, а по большей части из ила, и течение ее не особенно быстрое. Указывают при этом, что так как берега повсюду сильно поросли лесом, то на них нет даже узкого бечевника, отчего происходило большое промедление при ходе вверх по реке, так как почти везде при этом суда приходилось тянуть бечевою или итти завозом, что сильно задерживало движение и делало путь по Тавде очень трудным. Это, очевидно, и явилось причиной, что в дальнейшем стали искать более удобных сообщений <...>

Г.Ф. Миллер. История Сибири. – С. 272–277.

¹ Вогулы – устарелое наименование народа манси.

О строении города Верхотурья

<...> § 15. Теперь на некоторое время мы должны вернуться к местности по реке Туре, чтобы упомянуть о двух городах, которые были вновь построены на ней. Первый из них был Верхотурье, который получил свое название по своему положению, как построенный в верховьях реки Туры. Второй город, для которого не нашли другого более подходящего названия, был назван по той же реке Туринском.

§ 16. Поводом к построению города Верхотурья послужила трудная и далекая дорога через Чердынь к Лозвинскому городку. Вместо этой дороги на верховья реки Туры в 7105 г. неким Артемием, или Артюшкой, Бабиновым была указана другая более близкая и удобная дорога через Соликамск¹. Эта дорога была тщательно вымощена. Потомки этого Бабинова живут поныне в деревне Чикмане в Верхотурских горах на большой дороге. Они очень гордятся заслугами своего предка и хранят у себя жалованную грамоту царя Михаила Федоровича² данную Бабинову за то, что он указал эту дорогу и сделал ее удобной для проезда.

§ 17. У конца этой дороги, там, где она подошла к реке Туре, было признано необходимо иметь укрепленное место, подобно тому, которое было на Лозве. Но это делало Лозвинский городок ненужным. Около него было очень редкое вогульское население, поэтому было излишним тратить средства на содержание этого городка, так как вогулами можно было удобно управлять и держать в подчинении частью из Пелыма, частью из нового города Верхотурья. Лозвинский городок был срыт, а служилые люди из него были использованы при построении и заселении города Верхотурья.

§ 18. На том месте, которое было избрано для нового города, находился в древности вогульский городок, который на пермском или зырянском языке называли Нером-карра. <...> Не заслуживает доверия сообщение Страленберга о том, что будто бы Ермак по прибытии своем в Сибирь построил тут первый город. Старое пермское название этого места сохранилось в наименовании небольшой речки Неромки, которая впадает в Туру в двух верстах ниже города. Город стоит на высоком утесе, который со стороны реки очень крут; здесь, как говорят, находился старый вогульский городок, и на этом же месте был поставлен внутренний острог. В одной из царских грамот, которая находится в верхотурском архиве, найдено мною описание этой местности до построения города. Крутой утес возвышался на 12 и более саженей над поверхностью реки, в длину же по реке он был равен 60 большим сажням. К этому нужно еще прибавить, что река отделяется от остальной местности двумя буераками, по которым протекают небольшие речки, берега же реки здесь довольно крутые.

¹ См. док. 2.

² См. док. 8.

§ 19. Хотя по своему естественному положению это место казалось удобным для построения города, но все же его нельзя признать подходящим для этого. Не говоря уже о неровности земли, которая происходит от буераков, самая почва здесь слишком камениста и болотиста, так что не везде она пригодна под пашню. Река там недостаточно глубока, большие нагруженные суда могут ходить по ней только ранней весной, а лежащие вокруг местности слишком лесисты, чтобы прокормить большое сельское население. Однако, цель, которую имели в виду при построении города, была достигнута. Если город не имел возможности сильно расти, все же по своей величине он был не из последних. Для улучшения судоходства в реке стали грузить суда не в городе, а несколько ниже, в 40 верстах от него.

§ 20. Наблюдение за строением города было поручено воеводе Василию Петрову, сыну Головину и голове Ивану Васильеву, сыну Воейкову. Людей, нужных для построения города, они должны были набрать в Перми, отчего их отправление затянулось. Время построения города, указанное в грамотах¹ и в летописях, — 7106 (1598) г. примечательно тем, что в этом году умер царь Федор Иванович и вступил на престол царь Борис Федорович Годунов. Тогда же была построена в Верхотурье соборная Троицкая церковь², которая существует там до сих пор, хотя прежняя была деревянная.

§ 21. Верхотурский уезд был тогда очень большой. По реке Туре он граничил с Тюменским уездом, на севере к нему были приписаны все вогулы, которые прежде зависели от Лозвинского городка, за исключением, впрочем, тех, которые жили ближе к Пелыму и отошли к этому городу. К югу он простирался до реки Чусовой и Сылвы. Вогулы, жившие здесь, были до того времени в ведении города Чердыни, но так как они были слишком удалены от него, к тому же часто жаловались на притеснения пермских сборщиков ясака, то состоялся царский указ о прописке их к Верхотурскому уезду. Ясак, собранный в Верхотурье в первый год, состоял из 30 сороков соболей, кроме mnogой другой мягкой рухляди, а именно куниц, бобров, выдры, лисиц и белок. О приеме в Москве ясашной казны в следующем 7107 (1599) г. сохранилась в Верхотурье соответствующая грамота.

§ 22. При построении Верхотурья имелось, несомненно, в виду, что в нем, ближайшем к России сибирском городе, через который ввозились и вывозились товары, должна быть учреждена таможня и должен быть тщательный досмотр всех проезжающих. В виду этого в 7108 (1600) г. в Верхотурье был построен для поклажи товаров большой гостиный двор, причем был издан строгий указ, чтобы торги во всем Верхотурском уезде производились только на гостином дворе в Верхотурье³.

¹ См. док. 1.

² См. док. 6.

³ См. док. 5.

§ 23. Построение города Верхотурья было одним из первых дел царя Бориса, касавшихся Сибири; в последующие годы он продолжал заботиться об увеличении доходов государства и строении новых городов в Сибири и введении там лучшего управления. Примечательное обстоятельство, принадлежащее не столько к сибирской, как к общей русской истории, заключается в том, как царь Борис, получивший царский престол путем убийства царевича и наследника престола Димитрия Ивановича, старался ласками и милостями снискать себе расположение народа. В архивах Верхотурья, Пельма, Тюмени и Тары сохранились его указы¹, в которых говорится, что ради восшествия его на всероссийский престол и коронования его на царство, а также многолетнего здравия наследника его Федора Борисовича все сибирские татары и прочие сибирские народы милостиво освобождаются от обычного ясака на 7108 год. По другому же указу, который ссылается на предшествующий, предписывается, наоборот, чтобы в 7109 г. был возобновлен снова сбор ясака. В этом указе имеются различные дополнительные распоряжения, имеющие целью предупредить всякие злоупотребления по сбору ясака. Они сохраняют свою силу до сих пор, и повторение их не является лишним.

§ 24. Легко представить себе все те трудности, которые приходилось испытывать из-за подвод всем приезжавшим по государевым делам в Сибирь, тогда еще слабо населенную русскими. Вся тяжесть подводной повинности падала исключительно на туземцев, а те часто не имели возможности дать столько подвод, сколько требовалось. Горькие жалобы вогулов, живших по большой дороге Верхотурского уезда, поданные ими по этому поводу² в 1599 г., по всей вероятности, дали повод к поселению в разных местах Сибири ямщиков. Они обязаны были ставить даром подводы, но зато получали значительные пашенные земли, с которых не должны были платить податей <...>

Г.Ф. Миллер. История Сибири. – С. 305–307.

Из статьи «О Сибирских надписях»

Думаю, всеми признано, что древняя история получила много от изучения старинных письменных памятников, надписей и монет <...>

Изображения людей и животных и иные непонятные рисунки <...> можно видеть в довольно многих местах Сибири, по берегам рек, на крутых скалах. Писаны они красками или вырезаны на камнях; отсюда среди русских общеупотребительное название для них «писанный камень».

Большой писанный камень на реке Ирбите, в 80 верстах от впаде-

¹ См. док. 4.

² См. док. 3.

ния его в реку Ницу, описывает Витзен¹, слова которого я приведу здесь в переводе, так как книга его имеется у немногих: «В Сибири, недалеко от города Верхотурья, на одном утесе найдено несколько изображений, которые принимаются за неизвестный нам род письма или за клейма, означающие определенные вещи. О возрасте их самые старые жители этого места утверждают, что эти изображения существовали еще до прихода русских в этот край, т. е. более ста лет назад. Когда же именно и кем они сделаны, никому неизвестно. Цвет их, как сообщают, буро-желтый; они имеют семь пядей вышины, шесть в ширину, — находятся на горе, на гладком камне, который возвышается над рекой на 1 1/2 сажени. Здесь в былое время вогулы и другие народы, жившие по соседству, имели обыкновение приносить жертвы богам. Вся скала имеет в ширину 7 сажений, в высоту 18. Река, протекающая рядом, Ирбит, ближайшая деревня — Писанец, равным образом и скала носит то же название <...>»

Когда я находился около Ирбита, мне показалось стоящим делом съездить к писаной скале для того, чтобы выяснить истинное состояние ее и чтобы дать рисунок ее, исполненный более исправно и искусно, чем прежние. Имя этой скалы — Писанец Камень, что иначе означает, как я указывал раньше, писанный. Она находится на левом, или западном, берегу реки Ирбит, выступая к реке в виде обрыва с несколькими более выдающимися частями и возвышаясь над поверхностью воды, вопреки сообщению Страленберга², не более шести сажений. Я не наблюдал, чтобы скала выступала в реку тремя сторонами. Она выступает, конечно, но только в виде некоторой округлости, около которой река делает поворот. Изображения на беловатой известковой скале писаны, но не выжжены, как говорит Страленберг, красной краской неумело, грубо и беспорядочно, как обыкновенно делается самыми неискусными рисовальщиками. Можно даже сказать, что они сделаны пальцем, потому что почти равняются ему по толщине. Многие стерлись, благодаря действию воздуха <...> Я не колеблюсь сравнить их с рисунками детей или произведениями праздных людей, неопытных в искусстве письма и живописи, когда они делают на бумаге или пишут на песке разные беспорядочные изображения. Я не наблюдал там ничего, что было бы похоже на связный ряд изображений. Здесь изображения людей, там — животных, ничем органически не связанные <...>

Я хочу добавить кое-что в связи с описанием Ирбитской скалы. Упомянутых Страленбергом могильных холмов я не нашел ни одного и не могу понять, что послужило поводом к сложению басни о

¹ Витсен Николаас Корнелий — голландский путешественник. Побывал в России в 60-х гг. XVII в.; его книга представляет собой собрание географических, этнографических и др. сведений о России, изобилует фактическими ошибками.

² Страленберг (Табберт) Филипп-Иоганн — пленный швед, участник экспедиции Мессершмидта 1719—1727 гг.

них. В том же, что мы читаем у него о пещере, сделанной людьми или природою, где курганы якобы укрываются под кровлею, имеется какая-то путаница в рассказе: пещеры, расположенные с северной стороны скалы, приблизительно на половине высоты скалы, довольно несообразно соединяются с фиктивными курганами. Кто и когда наблюдал могильные курганы в пещере? И кто ответит для них место там, когда размеры входа в пещеру не превышают пол-локтя? В горах, состоящих из известкового камня и алебаstra, находятся многочисленные пещеры. Такую же природа устроила здесь; она внутри больших размеров, чем это представляется извне. Чтобы основательнее ее исследовать, я велел войти в нее мальчику из соседней деревни, который вполз туда не без затруднения; внутри же он стал прямо и, щупая пальцами, не заметил ничего, что казалось бы достойным примечания. Страленберг не отметил, что на вершине горы заметны следы земляного вала, опоясанного рвом, полукруглой формы, края которого касаются крутого бока горы, противостоящего реке. Отсюда очевидно, что это место служило прежним обитателям для обеспечения безопасности против вражеских набегов. Страна во многих местах гориста и покрыта болотами и очень густыми лесами; но кое-где видны также и поля, единственные по своему плодородию и дающие земледельцам обильнейшую жатву. Ближайшая деревня, расположенная в одной версте ниже скалы на том же берегу реки, называется по имени скалы.

То, что Витзен писал о пришествии русских в эти земли за сто с лишком лет, надо отнести к началу занятия Сибири донскими казаками, совершившемуся в конце XVI в. Через довольно короткий промежуток времени река Ирбит начала заселяться русскими. Ирбитская слобода, расположенная при устье реки, основана в [1633] году. Белослудская слобода, стоящая на правом берегу Ирбита в 40 верстах от Ирбитской и в стольких же верстах от писаного камня, поставлена в [1644] году. Вогулов, которые до прихода русских населяли эти земли, в наше время там нет ни одного. И я не мог разузнать, верно ли то, что Витзен говорит о камне: «Вогулы и другие соседние народы имели обыкновение в его соседстве приносить жертвы богам». Русские, живущие в окрестностях, говорили мне, что они ничего этого не помнят. Между тем это известие Витзена вполне правдоподобно, потому что у вогулов есть обычай особо почитать некоторые горы, именуемые на их языке «елпингкаеве», приносить им жертвы, или, точнее сказать, главным божествам тех мест совершать возлияния, обернувшись лицом к горе. Вы хотите узнать значение этого слова? Оно означает «священная, или божественная, гора»; словом, «елпинг» они обозначают также некоторые почитаемые реки и ручьи. Русские переводят его «шайтанский», т. е. дьявольский, что вполне правильно, если религию этих народов рассматривать, как дьявольскую <...>

Известны покрытые фигурами скалы по рекам Томи и Енисею <...> Мне лично эти скалы не пришлось видеть <...> Однако по моей просьбе <...> [их] описал мой спутник по путешествию и друг мой Гмелин, который позаботился также, чтобы были сделаны тщательные рисунки их.

Скала, которая по высеченным на ней фигурам называется русскими Писаным Камнем, расположена на восточном берегу реки Томи, в 16 верстах ниже Верхне-Томского острога; очень близко от нее в Томь впадает речка, при устье которой стоит деревня, не обитаемая русскими; обе (и речка, и деревня) имеют от скалы название Писаных.

Река Томь, которая большею частью своей течет на север и на северо-запад, здесь почти поворачивает на запад. Скала, на которой изображены фигуры, вышиною около десяти саженей, обращена лицом к реке. Она состоит из какого-то ломкого камня тальковой породы, внутри зеленоватой, снаружи грязноватой, которую многократно пересекают поперечные жилы другого, более мягкого пластующегося камня из талька и кварца. Самая нижняя часть скалы, покрытая изображениями, возвышается над поверхностью реки приблизительно на две сажени и имеет внизу некоторый выступ, соприкасающийся с рекой, взобравшись на который не без труда, можно прекрасно видеть главную часть фигур. Фигуры выступают как бы на одной доске вверх сажени на три, причем среднее пространство занимает одна из вышеназванных жилок, идущая горизонтально. Вблизи направо, на таком же расстоянии от реки, видна другая группа фигур, имеющая только треть вышины предыдущих и вместе с ними простирающаяся на семь саженей в ширину. Отсюда по трещинам между обеими передними частями писаной скалы есть очень трудный проход к более отдаленному углу верхней части, который совершенно таким же образом, как и передние места, украшен фигурами и обращен также к югу. Фигуры иссечены каким-то резцом так, что внутренняя зеленоватая окраска камня совершенно ясно обрисовывает их очертания. Большая часть представляет оленей, серн, козлов, лосей, лошадей и других животных этих мест; некоторые же дают изображения людей, но все они даны только наружными очертаниями и довольно грубо. Более других замечательна на правой нижней части фигура человека, у которого голова окружена лучами; на верхней передней части — два человека держащие друг друга за руки; в более отдаленном углу — человек со стадом животных, привязанных одно к другому; в одном месте фигура рыбы, какой нигде больше не удавалось встречать. В нижней части многие фигуры, вследствие чьей-то шалости, сильно обезображены, нередко к старым фигурам прибавлены новые. В верхней же части и в упомянутом дальнем углу, куда никто не мог проникнуть или по трудности пути лишь немногие отваживались пробраться, все уцелело и не осквернено.

Художник старался воспроизвести только древние очертания фигур, которые легко отличить от более новых.

Скалу на Енисее Гмелин описывает так: украшенная фигурами скала, известная под именем Писаного Камня, лежит приблизительно верстах в восьми ниже устья реки Бирюсы и в сорока верстах выше города Красноярска, на восточном берегу реки Енисея; высота ее от нижней части у реки до вершины пять саженей, ширина около десяти. Нижняя часть скалы выдается несколько больше, она в выпину с сажень и устроена так, каковы бывают скалы от природы. Остальная часть, поднимающаяся в высоту до трех саженей, издали кажется покрытой повсюду белой краской и гладкой, хотя во многих местах очень шероховатой; если всмотреться более внимательно, на белом фоне выявляются фигуры, начертанные красной краской. Между ними одна, занимающая самое возвышенное место, представляет человека верхом на лошади, другая – двух человек, из которых каждый держит руку за пазухой. Остальные фигуры издали видны неясно, и в зависимости от воображения рассматривающих одному кажутся крестами, другому – идолами, третьему – иными предметами. Гмелин, чтобы подробнее все рассмотреть, велел приставить к скале лестницу и, близко разглядев фигуры, внизу представляющиеся неясными, заметил, что они в общем представляют то же самое, как и те фигуры, которые издали можно было видеть отчетливо; он заметил также, что не вся верхняя скала, а только та часть, которая покрыта изображениями и простирается в высоту на одну сажень, а в ширину на два с половиной аршина, отличается белым цветом, остальная же скала там и сям украшена белыми жилками или пятнами и похожа на искусственный мрамор. Поверхность скалы, противоположная реке, смотрит в сторону западо-юго-севера. Сперва художник дал общий вид скалы, затем отдельное изображение фигур, видимых вблизи, и всех жилок на скале, наконец оба рисунка соединил в один так, чтобы все появилось в естественном своем виде. Белая краска, покрывающая гладкую часть скалы, легко стирается, и гипс, которым скала слегка покрыта, служит фоном изображенных на ней фигур, цвет которых похож на жженую охру. Впрочем, вся скала состоит снаружи из грязноватого, внутри красноватого камня, снаружи сильно испещренного черными точками и мелкими белыми частичками <...>

Но, опровергая мнения и предположения других, считаю справедливым попытаться высказать свой собственный взгляд на происхождение писаных камней.

По всей Сибири, в местностях, весьма далеко отстоящих одна от другой, встречаются почти такого же рода памятники. Следует ли, однако же, из этого вывести заключение, что все они происхождения своим обязаны одному и тому же народу? Где мы отыщем такой многочисленный народ, владевший всей Сибирью и повсюду по ней

проходивший? Пришлось бы остановиться на монголах и татарах, которые в начале XIII века христианского летосчисления возвысились при Чингис-хане и до перенесения Кубилаем столицы в Китай владели всей южной Сибирью. Но они уже имели свои письмены и были знакомы с разными искусствами, так что трудно понять, почему они тут вздумали прибегнуть к столь грубому изображению фигур. Не отрицаю, что настоящие надписи, <...> встречающиеся в степях южной Сибири, должны быть приписаны этому народу, но они-то вследствие крайнего несходства их с другими памятниками древности и убеждают меня, что изображения на писаных камнях обязаны своим происхождением иным народам. Если их приписать грубому народу, преданному охоте, то, право, не знаю, почему их приурочивать к столь отдаленному времени. В самих произведениях нет никакого признака древности, и потому я не вижу причины, почему они должны быть приписаны первым обладателям этого края, а не нынешним обитателям ее.

Вспомним рассказ Витзена о том, что вогулы и другие язычники около Ирбитской скалы приносили богам жертвы. Я основываю на нем следующее предположение, правдоподобие которого предоставляю оспаривать другим. Языческая религия некогда во всей Сибири была одна и та же. Грубый и невежественный народ обыкновенно почитает волшебников, от которых, по его мнению, зависит всяческое счастье и несчастье. Их указаниям следуют вожди народа, предпринимая какое-нибудь важное дело; больные советуются с ними при более серьезных болезнях своих и при содействии волшебников приносят подземным богам жертвы за здоровье свое. Прегрешения народа, по мнению их, могут быть искуплены, если священнослужители будут содействовать этому своей службой или, скорей, своим искусством. Когда предстоит надобность в предсказании будущего, к кому удобнее всего обратиться, как не к тому, кто находится в постоянных сношениях с надземными и подземными богами? Чтоб снискать себе больше уважения или подкрепить свои предсказания, кудесники нередко творят чудеса; такими, конечно, последние кажутся невежественному народу, для меня же, который часто присутствовал при этом, они являлись пошлыми и жалкими и никак не могут быть приравнены даже к штукам, ежедневно продельваемым нашими странствующими фокусниками. Этих священнослужителей своих татары называют камами, тунгусы — шаманами, монголы и буряты — бэ, а другие народы еще иначе. Русские усвоили себе тунгусское название; вследствие этого некоторые писатели стали думать, что людей такого рода остяки, самоеды и др. также называют шаманами, и сравнивают последних с саманеянами Индии, которых, говорят, изгнали и истребили брамины.

Нужно сознаться, что между сибирскими шаманами, отличающи-

мися полнейшим невежеством в делах божеских и человеческих, и индийскими саманеями, славившимися своими знаниями и любовью к искусству, слишком большая разница <...>

Шеффер <...> сообщил, как известно, сведения о лапландских волшебных бубнах (им изданы и рисунки с некоторых из них), украшенных разными чертами и фигурами, которые немногим отличаются от наших. У сибирских народов я видел волшебные бубны точно такого же рода <...> Если, следовательно, рассказ Витзена о вогулах, имевших обыкновение приносить жертвы у Ирбитской скалы, верен, то мы, может быть, не ошибемся, приняв изображения на ней и на других подобных скалах за волшебные. Но нас не должно вводить в обман это слово: оно относится к известному сокровенному значению фигур, а никак не к разуму язычников, потому что не может совмещаться с тупостью их духа. В бубнах нет ничего волшебного, а они употребляются только для волшебных жестикуляций, и фигуры на них сочинены еще более тупыми людьми и грубейшими идолопоклонниками для обманывания простого народа и притом не по соображениям искусства и не по тщательном обсуждении, почему лучше было нарисовать такую, а не иную фигуру, но совершенно случайно, как что пришло в голову. Я убежден, пока мне не представят лучшего довода, что то же самое должно сказать о писаных камнях. Правда, что встречаются писаные камни и там, где не происходит священнодействия, и что есть священные скалы без изображений; но, может быть, у самих язычников исчезла память о некоторых священных скалах, которые в древности пользовались почетом. Как волшебные бубны не все украшены фигурами, так и священная скала может быть без изображений. Где суеверие пустило такие глубоки корни, там немудрено, что постоянно отыскиваются новые предметы поклонения, когда прежние забываются и, как устаревшие, теряют свое значение.

Г.Ф. Миллер. История Сибири. – С. 526–540.

Отрывки из «Путешествия...» П.С. Палласа

«Описание Исетской провинции и степи»

Июня первого на десять [11 июня 1770 г.] дня выехал я из Челябинска. Предметом сего моего путешествия было описание ниже Екатеринбургских находящихся горных заводов <...> Поехал я туда чрез Иткульскую крепость. По дороге встретилась мне изрядная и небездревесная степь, тучными травами изпещренная, между коими некоторые одной только Сибири свойственны. Чрез всю Исетскую степь безпокойствием служит ужасное множество больших желтых

комаров, которые от обыкновенных только величиною и бледно-желтым цветом разнятся; больше всего от них терпят лошади, а по близу ручьев и озер воздух ими весь почти наполнен; особливо в жаркие дни и когда на небе громовые облака бывают.

Осьмь верст от Челябинска по правую сторону дороги лежит озеро, которое с другим далее к западу лежащим от башкирцев *Ирентиккуль**, а от россиян общим именем *Горькие озера* нарицаются. В нем прежде, сказывают, была пресная вода. Между их идет от Челябинска в *Уйскую крепость*¹ почтовая дорога.

При озере, ближе к иткульской дороге лежащем, построена казачья деревня, *Сухомессова Заимка* именуемая. По берегам сих озер растет довольно тростнику, в коем, как и по другим большим Исетских провинции озерам, водится множество редких уток, на внутренних российских водах невидимых. Между оными находится изобильно черных, как уголь, больших *турпанов*, также достопамятны маленькия серенькия утки с голубыми носиками, которыя на плову всю заднюю часть в воде скрывают, весьма ловки нырять, к летанию тяжелы, а ходить совсем неспособны. По голосу называются они савки <...>

Версты с четыре отсель влево имеется еще одно озеро, козаками *Камышенное* называемое. В оном, так как и в отлежащем еще в двух верстах *Половинном* озере, вода горькая, однако водятся в их караси и лини. По здешним степным урочищам видны многия соляныя пошвы, но на сих не было ныне никаких соловодных произрастений.

За дватцать четыре версты от Челябинска подъехали мы к маленькой, иткульскими козаками обитаемой деревушке при ручье *Чумляк*, которой отчасти глубок и топок, а отчасти тростником зарос и почти вовсе не течет. Нам великаго стоило труда, чтобы здесь переменить от сегодняшнаго зною утомленные лошади. Отсель начинаются бугроватыя, лесом богатые и пещаныя места даже до Иткульской, козаками обитаемой, крепости, которая стоит на высоком берегу озера *Иткуль*, или *Иткуль*, и имеет около двух сот дворов и одну церковь, обнесена деревянною стеною, рогатками и надолбами. Число в сей крепости служащих козаков простирается до трех сот, и оными управляет атаман, имея под собою есаула и пр. В Иткуле вода пресна, но дно болотисто, и для того в нем кроме карасей другой рыбы мало, а сих довольно изобильно и хорошаго вкусу. При чем то примечания достойно, что оне в озере троякаго роду: одне обыкновенные серые, другие черноватые, а третии совсем желтаго цвета.

* Здесь и далее сохранен курсив авторского текста.

¹ Уйская крепость — крепость, заложенная в 1742 г. в излучине р. Уй (приток Тобола) для хозяйственного и военного обслуживания хлебных обозов из Исетского края в Оренбург; казаки крепости привлекались для обслуживания Уйской (Оренбургской) пограничной линии. Крепость играла важную роль в обороне Южного Урала от набегов кочевников.

Озеро сие имеет небольшой изток в другое, *Хохловатым* называемое. Берега *Чебаркула* по большей части изобилуют строевым лесом, на тиноватом от озера заливе цвел *болотный песочник**, имея от верху к низу ровные листочки.

Ночью отправился я из Еткулска к *Кичигинску* песковатыми рошицами прерывающимся урочищем, где повсюду цвели: *синей руйшиес зверобой, запья трава, лесной шалфей, пуповник, сибирской кентаврий* или *порезна*, и *благовонная гулявина*. Около половины дороги по левую сторону лежит озеро *Малый Сариккуль* именуемое, а далее еще два: одно из оных направо *Великий Сариккуль*, а другое налево *Даванкуль* называются. Первое гораздо больше Чебаркуля и имеет верст тридцать в окружности, но так мелко, что повсюду бродить можно, в следствие чего оно зимой почти все вымерзает и кроме немногих линей и карасей никакой другой рыбы не имеет. Напротив того, кичигинские козаки, коим сие озеро принадлежит, доказывают, что оно прежде было гораздо глубже и что в нем пядени в три шириною чебаки водились, но ныне совсем вывелись. Дно в озере по большей части пещано. С северо-западной стороны вливается в его небольшой ручей *Яманзилга*, над коим кичигинские и иткулские козаки сего лета населили новую деревушку, укрепив и назвав оную по имени сего ручья.

Об озере Даванкуле повествуют, что при заложении города Кичигина, и даже до 1760 года, будто его не было, а на том месте была, де, мокрая долина, чрез которую и дорога лежала, но в одно дождливое лето, либо по причине землеобрушения, либо за открывшимися новыми источниками, она превратилась в озеро, ныне инде на целую сажень глубины имеющее. Посредством уток и других водных птиц населялось сие озеро и рыбою, но как за семь лет вода в оном зделалась горькою, то и рыба перевелася. В Исетской провинции есть и больше таких озер, кои доказательством сих перемен служить могут.

Кичигинская крепость, заложенная еткульскими козаками и названа по имени своего заводчика, которой был козак. Она лежит внутри весьма пространнаго Еткульского уезда на левом высоком берегу речки *Увелки*, которая весною изрядную составляет речку, а теперь в некоторых местах очень мелко и почти без течения, в других же глубока, но стояча, так как и многия степные реки. Прежде населения сего урочища, сказывают, водилось здесь много бобров, но ныне едва и рыбы для пропитания довольно в ней сыскать можно. В крепости находится более ста дворов, из коих в некоторой части обитают отставные солдаты. Служивых же козаков под предводительством сотника считается только сто человек, понеже уволенных от службы, хотя и способных еще к оной, так как и по всем

* Здесь и далее опущены латинские названия растений

Исетским крепостям, здесь великое число находится. К западу стоит деревянная церковь, а на Увелке худаго состояния мельница. Берег, по коему крепость выстроена и которой далее гораздо выше и круче, состоит из сераго, отчасти меловатаго мергеля и глины, и повсюду иссякают из его родники. Выше крепости места по Увелке взгористы и не безрудны, а особливо на втекающем справа ручье *Кабанка* чинены уже разныя откровения, но еще никакой горной работы не учреждено.

На левой стороне *Увелки* открывается во первых взлогистой, но пространной холм, исполненный безчисленными древними курганами. Подалье следует другой бугор, *Таушкан* имянуемый, которой к Увелке составляет каменистой берег. По оному в различных местах копано, и по причине оказавшейся немногой медной зелени пробиты в некоторых местах на несколько сажен ширфы¹, однако настоящих жил нигде не сыскалось. Иногда являются в роговой стланцовой породе мелкие кварцовые прожилки, показывающия в себе бурую золотистую обметку или охру.

Вторагонадесят числа* по утру рано выехал я из Кичигина и продолжал путь мой вдоль по Увелке песковатую, несколькими раздольями и многими березовыми рошицами перемежающуюся дорогою до *Нижнеувельской слободы*. Сие весьма изрядное село имеет полтора ста дворов, размежевано на правильныя улицы, обнесено обыкновенным укреплением, снабдено несколькими пушками и обитаемо богатыми земледельцами. Последовавшее осьмаго числа от киргизцев по *Уйской линии* на степную, отсель не далее шестидесяти верст отстоящую крепость нападение встревожило было всю сию окрестность, принудило иметь здесь безпрестанной караул и быть на всякой час в готовности. Я осведомился от здешних жителей, что сия киргизская шайка так же и находившихся при *Санарском руднике* в должности делопроизводителей устарила, что все собранныя работники уже два дни как распущены и что горные служители вчерашнего дня разъехались. Однако ж, будучи так близко, не хотел я миновать сего рудника, и как сей путь весьма опасным мне представляли, то для прикрытия взял я с собою несколько вооруженных мужиков и сверх того послал еще в *Санарскую крепость* для испрошения другой команды, которая бы меня возле рудника ожидала. За всем тем после довольно уведал, что сия предосторожность могла бы быть оставлена.

Дорога лежала чрез Увелку сперва открытою травянистою степью, мало по малу далее кустами заростающею, потом чрез лес, во многих местах каменистой. Зной сего дня был несносен, и в полдень дели-

¹ Шурф (нем. Schurf) – вертикальная или наклонная горная выработка, имеющая выход на поверхность, небольшое сечение и глубина; служит для разведки полезных ископаемых, в данном случае – медной руды.

* Вторагонадесятъ числа. т.е. 12-го числа.

лев¹ термомер подымался от 100 до 105 градусов. Переехав около 36 верст, нашли мы уже высохший, но инде еще лужи имеющей ручей, по руски *Чесноковка* нарицаемый. После сего прибыли мы к высокому бугроватому месту, на коем повсюду белые кварцовые камни являются в стоячих по полуденной черте простирающихся слоях, — и сия страна кажется быть небезрудною, как самыя признаки в кварцах местами доказывают. Версты четыре подалее течет другой ручей, побольше прежняго, и во многих местах на сажень глубиною, *Каменной* называемый. Берега онаго по обеим сторонам состоят из белаго, наподобие слепленных крупинок кварцоваго камню, кои на воздухе в крупной хрящ распадаются. Между маленькими водяными камышками сыскиваются серебрянаго блеску признаки, которые, как думать можно, вода не издалека сюда привлскает. Над сим ручьем растет по камням прекрасный род *журавлинаго гороху*, по открытым горам при *Санарке*, *Уе* и *Верхнем Урале (Яике)* обыкновенное произрастение. Еще версты три оставалось нам до *Санарскаго рудника*, у коего стояли присланные из ближней крепости козаки. При подошве холмов, где рудник находится, течет маленькой ручей, не повсюду воду, а только инде лужины имеющий, и хотя течение его неприметно, однако зимою никогда не замерзает и потому от козаков называется *теплою речкою*. Она одна только и есть подле рудника, которой самой лежит на небольшой, мало по малу к ручью *Санарке*, а на той стороне, вверх по реке *Ую* возвышающейся горе, на изволоке, издали сосновым бором окруженном, а по близу открытом, и только по некоторым раздольям березовыми перелесками украшенном.

Первой к здешней работе повод дали отрывки твердой медной зелени, или малахиты, которые один татарин совсем поверх земли лежащие нашед в 1761 году, показал троицкому таможенному директору и советнику Якову Тоузакову. Резвость, каковую сей любопытный муж в Исетской провинции о изыскании полезных минералов прилагает, побудила его того ж году ширфовать на месте того откровения и начать порядочную горную работу. При вынимании каменье вскоре оказались блестящие следы и куски стекшагося свинцоваго лоска. Хозяин, объявив сие главному екатеринбургскому горному начальству, старался в продолжении работы изходатайствовать позволения на таковом основании, чтобы он, какая в сем руднике отделится сребровидная руда, в казенныя доставлял заводы. Дальнейшее о сем происшествие и решительное окончание мне неизвестны, но в том же 1761 году к оному руднику посланы из Екатеринбурга горные люди, и работа на государевом иждивении продолжалась даже до изхода 1765 года со всяким тщанием. Смерть рудниками управлявша-

¹ Делиль Жозеф Никола — академик, основатель Петербургской астрономической и геофизической школы, в 1740 г. был командирован Академией наук в Сибирь (Березов) для астрономических и метеорологических наблюдений.

го оберштейгера Бахмана и другия мне несведомыя причины пресекли тогда сию работу, и с того времени строение остановилось и все перепортилось, так что ныне вскоре почти совсем вновь его застраивать надобно. Выше сего упомянутые к возобновлению работы сюда присланные горные люди прожили только несколько дней и ничего не сделали, кроме [того], что нарубили для строения несколько лесу и собрали на поверхности земли в грудах лежащую руду¹ <...>

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям
Российского государства. Ч. 2. Кн. 1. 1770 год. – С.130–139.

Описание Кыштымских и Каслинских заводов

Пятнадцатого числа [июня 1770 г.] поворотил я к *Екатеринбургу*. Обыкновенная дорога, которою караваны с медью и деньгами из оренбургских заводов ходят, лежит, во-первых, чрез одну чебаркульскими козаками населенную деревушку *Карассы*. От крепости за пять верст, в продолжающемся березовом лесу, вправо, находится озеро Великой Месяш, которой поперег версты на две имеет низкие и тиноватые берега, небольшую глубину и посредством маленького ручья течет в Мияс. Мы к оному съехали с дороги в сторону с версту, дабы осмотреть на северном берегу находящиеся глиняные копани, из коих достают чебаркульскую фарфоровую землю.

С начала заведения вышеописанной глинопромывальни, что будет уже более семнадцати лет, доставали всегда в сем урочище оную глину, которая здесь на аршин глубиною лежит под черною и несколько солоноватую болотную землю гнездами <...>

Комары и оводы не позволяли нам здесь мешкать: мы поспешили к настоящей дороге, по коей и ехали все редким березовым лесом. Версты за четыре имели мы влево несколькими островами покрытое озеро *Сунукуль*, которое к юго-западу в Великой *Киссегац* изливается. Здесь по дороге вправо находились различные копани или ширфы, и в оных видна была белая листовенная глина, которая местами красновата и вглубь продолжается. Для сей одной фарфоровой земли здесь копали, но видя, что белая глина очень смешена, работу оставили. Мне кажется, что надобно бы здесь копать глубже, может быть, дорылись бы до скрытой медной руды. Ибо в глине сыскивают многия куски шпатового белаго камня, который разпещрен красным и зеленым цветом, доказывающим иловатые руды так, как в <...> Гумешевском руднике добывают в белой глине самые изрядные и богатейшие руды.

¹ Верхне- и Нижне-Троицкий медеплавильные заводы были основаны в 1754 и 1760 гг. И.Г. Осокиным на рр. Кидяш и Усень; во время Крестьянской войны 1773–75 гг. были разрушены и возобновили работу в 1777 г.

В. Суриков. «Покорение Сибири Ермаком». 1895 г.

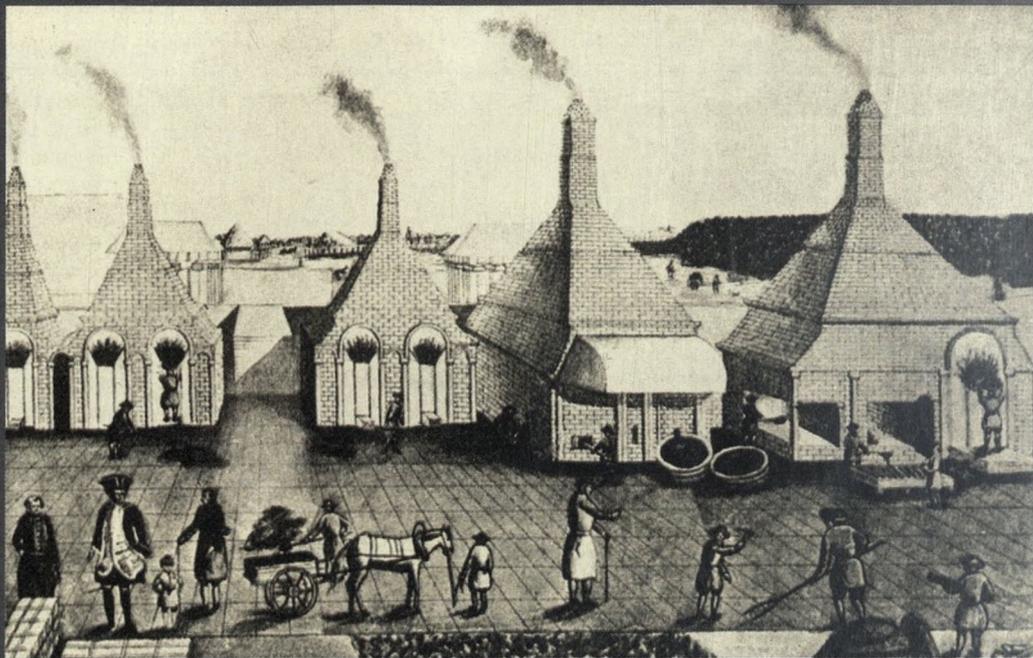

Видъ города Туринска.

X

Vue de la ville de TOURINSK.

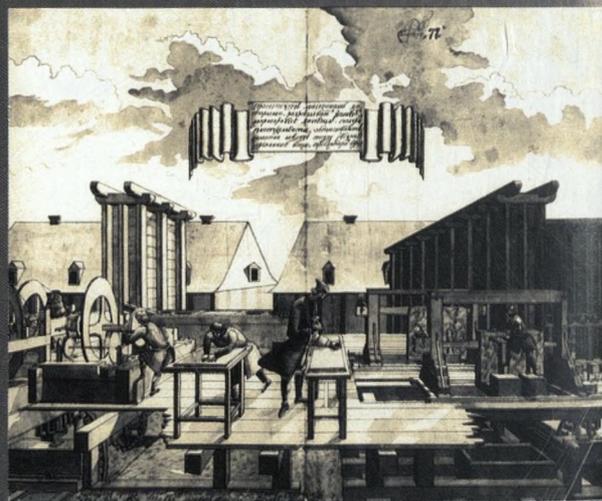
Общий вид Туринска. 1769 г.

Медеплавильные печи Полевского завода. XVIII в.

Чертеж Гумешек. XIX в.

Ф. Санников. Екатеринбургская гранильная фабрика. XIX в.

Деревня *Карасси*, или *Карассу*, о пятнадцати дворах лежит над болотистым ручьем того ж имени, соединяющим отдаленное *Большое Мясское* озеро с рекою Мясом и имеющим на себе мельницу. Я, переменяв гут лошадей, переехал оный, а потом и другие три ручья <...>

Наконец <...> приехал я к реке Мяссу. Чрез реку Мяс мосту нет, ибо она всегда почти так мелка, что бродом ее переезжать можно. Но ныне безпрестанная ненастья и дожди, особливо до сих горных мест, так возвысили в реке воду, что она из берегов своих выступала и до полуторы сажени глубиною стала и текла весьма быстро.

Итак, мы принуждены были ехать в башкирскую деревню и там к приуготовлению плота искать годного дерева, понеже поблизости лесу не было. Развалившаяся башкирская юрта, стоящая на излучине реки, в сем случае нам весьма пригодилась, и плот изготовили мы еще перед вечером. Но как сильной дождь, противулежащий берег затопив, везде причинил топкости, то я и решился сию ночь препроводить лучше в деревне, нежели на болоте.

Целая башкирская деревня со всеми домовыми и пахотными припасами была оставлена в пуге, все было за замком, а жители со своими стадами убралась в прохладнейшие горы, и так мы могли избирать квартиры сами, какия нам поглянулись. Окрестности деревенские, которые по причине содержащегося зимою около жильев скота, весьма тучны, засеяны коноплями и рожью и обещают башкирцам при возвращении их домой к осени богатые плоды. Почти в каждом доме были маленькие, круглые, в земле выкладенные, с открытым по середке сводом печи, имеющие по сторонам горизонтальные, в полтора аршина длиною трубы, над коих отверстием поставлено стоймя выдолбленное сосновое в сажень длиною дупло. Оные служат башкирцам для копчения в кислом молоке вымоченных овчин и яловичных кож, кои они на шубы себе употребляют, и сим средством делаются они к дождю и всякой мокроте не только терпеливее, но и на войной стороне от дыму получают изрядной желтой цвет. Они вешают сии кожи в сем дымнике на поперечинах, а на шестке содержат из сосновых ветвей и гнилаго дерева курение до тех пор, пока кожи надлежащим образом закопятся, и, перевешивая нижние наверх, а верхние вниз, уравнивают их выделку <...>

В деревне и по окрестностям росло великое множество травы (*bunias*), коея круглый продолговатый корень подобен редьке. Высушенный на поверхность земли ея корень здешние мужики едят сырой. Они называли сию траву *гоноцами* (*acer varia*), которой душистые стебли лупят и едят *гранаткою*.

На разсвете шестнадцатаго июня переправили мы с довольною скоростью повозки свои через реку. Затопленный на той стороне кочковатой берег причинствовал, что повозки наши более полутора ста сажень людми тащить надлежало, но не имея их довольно, бились

мы в сем упражнении более двух часов. Река Мияс немного повыше сего урочища истекает из обширнаго, несколькими островами покрытаго озера *Аргази*, в коем течение ея подле севернаго берега легко приметить можно <...>

Между сей реки Мияса излучиною и между близлежащими к западу реки *Уфы* вершинами, из особой горы истекающими, проходит славный тот Уральский хребет, коего вышина в сем месте еще не так чрезвычайна. По ту сторону Мияса места становятся гористее прежних, каменистее, и все лесом покрыты, начиная сперва чистым березовым лесом, потом далее по большей части смоляной смешанный из соснягу, ельника, лиственничника и ясени, при том везде гораздо мокро. В сих лесах и по всем подобным тому между Миясом и Пижмою лежащим урочищам цвели в сие время: *собирской цветополог*, *нагорной трилистник* и *пятилистник*, оба последние с белыми, а иногда с красными цветами: *кокушкины слезы* пестрая, двулистные и широколистные, и *белой колосник*. Кони последние по всем почти северным сибирским лесам обыкновенны, так как и большие красные, и маленькие белопестрые *марьины башмачки*, *пелопонесский левистник*, два рода *борща* и некоторыя другия по всей Сибири весьма многочисленныя, а в других местах редкия или и совсем неизвестныя растения.

Недалеко от Мияса переезжали мы с восточной стороны в реку впадающий болотистой ручей, а после, перебравшись чрез несколько каменистых возвышений, впервые увидели небольшие озера, между коими нам до самих *Киштимских заводов* ехать должно. Чаше и долее всех, видимо, бывает в леве превеличайшее, лесами окруженное озеро *Увелди*, или, по-башкирски, *Уелдекуль*, от коего к пруду Киштимскаго завода зделано сообщение. По скаскам здешних обывателей, окружности сего озера от пятидесяти до шестидесяти, длина от дватцати, а ширина до двенатцати верст простирается, число ж островов до семидесяти семи. По крайней мере, то очевидно, что все озеро преизполнено множеством островов, из коих все почти большими чашами или, по крайней мере, перелесками покрыты.

Все острова, берега и дно сего озера каменисты. Изливается оно в *Малое Ирдяги*, находящееся от его в леве, которое совокупным, ныне гораздо широко разлившимся истоком течет в большое *Иердяги*, а большое Ирдяги изливают ручей, впадающий в *Тешу* <...>

По ту сторону озер, в которых местах леса перемежались, можно было видеть мало-помалу возвышающийся Уральской хребет, и мы тем ближе к ему приближались, чем скорее, оставляя прямую каслинскую дорогу, на запад к Киштимским заводам подъезжали. На оные приехали уже мы на разсвете следущаго утра, по причине, что лошади наши весьма устали и мы нигде переменить их не могли, а дорога была везде гориста и камениста. Зимую по озерам прямо она гораздо

ближе, но и тогда от Чебаркулска до Киштимского завода считают восемьдесят, а летом около ста верст <...>

Киштимский завод заведен в 1755¹ году нынешним владельцем, господином статским советником *Никитой Никитичем Демидовым* и назван по протекающему здесь немалому ручью *Киштим*. Позады пруда возвышается немалая гора *Сугомок* и видны верхи проходящего тут главного уральского хребта. Пруд сей чрезвычайной величины, не происходит от одного только ручья Киштима, которой рождается отсель верст за двенадцать из глиммероватой² песочной горы *Малгуян таш* и с полуденной стороны в его впадает, но принимает в себя так же с запада ручей *Сугоман* и проведенные от юго-востока из вышеупомянутых озер каналы, которые все немалое пруду делают приращение. Дома построены на северо-восточном берегу пруда безпорядку, и число оных до трех сот простирается. Воздвигнутая подле пруда далее к востоку новая, высокою башнею украшенная двухрамная каменная церковь от жильев стоит отдаленно. Для хозяина при заводе построен также большой каменной дом лицом на пруд, но в нем никого не живет. Плотина длиною будет пятьдесят сажен, шириною пятнадцать, а вышиною тринадцать аршин, при взводе обыкновенными огорожена сваями, а с другую сторону каменную укреплена стеною.

Все заводския строения после бывшего пожара выстроены из кирпичу и белым железом покрыты. Находятся между оными две чугуноплавныя высокия домны, кои в одни сутки от осьми до девяти сот пуд чугуна плавят; три молотовыя, каждая о трех молотах, из коих один праздным остается, одна якорная кузница о четырех горнах, одна печь с многими трубами (наподобие укладной печи или сталовни), где железо вновь разжигают, и одна обыкновенная сталовня. Молоты льют здесь из чугуна, и сие не только причиною, что их часто новыми переменять надлежит, но нередко и то случается, что мастеровые и работники либо жизнь отшибившимися от молотов иверьями³ теряют, либо членов лишаются. И таковая безпрестанная опасность препятствует им в произведении порядочной работы. На работу, кроме крепостных крестьян и здешних жителей, коих до семи сот душ считается, употребляют еще и приписных, которые в силу высочайшего указа вместо подушного оклада на заводе работать обязаны. Таковых при Киштимском и после упоминаемом Каслинском заводах считается четыре тысячи шесть сот тридцать осем душ, за коих за всех подушныя деньги в казну платит сам хозяин.

Окружность лесов, Киштимским заводам принадлежащих, весьма велика и изкуплена от башкирцев *Мекотинской* и *Бекатинской* волости.

¹ Кыштымские заводы (Верхний доменный и Нижний железодельный) основаны Н.Н. Демидовым в 1757 г.

² Глиммероватый – от слова глиммер (глимер) – минеральная слюда.

³ Иверень – осколок, кусок чего-либо.

Железных руд здесь преизобильно: весь Урал оными наполнен, но понеже руды онаго кровавиковаты и к плавленью тверды, то выбирают оную только из близлежащих между озерами *Иртяш* и *Наннаг* рудников <...>

Зимую до оных рудников не более десяти верст, и они не надежно, чтоб когда оскудели. Руда выдает железа в половину, а иногда и больше, примеси к оной кладут только шестую часть извести, которой по всем над прудом к востоку лежащим холмам довольно. Один только песочник камень надобно возить издалека, а именно из ломальней, лежащих за Екатеринбургом на *Тоцильной горе*.

По таковому учреждению сии заводы с принадлежащими к оным Нижними Киштимскими молотовыми и Каслинскими заводами выставляют ежегодно от ста пятидесяти до двух сот тысяч пуд полоснаго железа, которое перевезши зимой чрез Урал на реку Уфу, спускают по оной в высокую воду на дватцати и более коломинках¹ даже до Волги. Для удобнейшаго водою перевозу учреждена ближе на Уфе верст тритцать от Киштима *Озерская пристань*, где строят суда и имеется мельница. Но в разсуждении узкости и быстроты реки в сем месте грузят на суда только до четырех тысяч пуд, а верст семдесят отсель, а от завода во ста верстах, в *Сорокинской пристани* прибавляют еще по четыре тысячи пуд, и сим полной на суда груз окончивают.

Окрестности Киштимскаго завода по притчине соседственных лесистых гор, многих озер, болот и ключей, — холодны и мокры, от чего сие место для жителей не здорово, и земли для пахоты, о коей и не стараются, не способны. Сверх того ежегодно почти случается между рогатым скотом и овцами падеж, окончивающийся внутренним жаром. Ко излечению онаго не без пользы начали употреблять для окуривания листвянишную смолу. Сей клей или гумми² <...> можно весьма много собирать в сем лиственницами наполненном месте. Что же при том бывает, сведал я ныне подлиннее.

Каждая лиственница, естли оной кору или внешнее дерево надрубят или другим каким образом попортят, изпускает из того места светлую желтоватую вязкую смолу, которая, когда свежая, и самому венецианскому терпентину³ ни в чем не уступает и внутри государства для всех аптек на таковыя же употребления могла бы быть собираема по всем гористым лесам в Сибири. Сия смола наполняет кору и все молодое лиственничное дерево столько и делает его так легко от огня загараемым, что во всех здешних лесах мало найдется старых лиственниц, которые бы больше или меньше с которой-нибудь стороны не подгорели или от огня, которым башкирцы обыкновенно дуга

¹ Коломинка — небольшое судно, поднимающее от 7 до 12 тысяч пудов груза.

² Гумми, гумма, гумий — клейкий сок некоторых растений, камедь, а также камедеподобные растительные смолы.

³ Терпентин — смолистый сок, выделяющийся при ранении хвойных деревьев; является сырьем для получения скипидара и канифоли.

свои выпаливают, или от того, которой оне на пастбищах не затуша оставляют, или и от другого какого нечаянного случая. На таковых-то деревьях родится она в воде растворяющаяся, смуглая, арапской и сенегальской весьма подобная листовничная камедь¹, которую за несколько лет в России знали под именем оренбургской камеди. Она не что иное, как во внутреннем древесном сердце вязкой сок, текущий возвратно, которой на пнях, до сердца выгоревших, сверху каплет и в выгорелом месте, разнообразно стекая, производит настоящую гумми. Цвет онаго чем старее, тем смуглее становится, но всегда довольно прозрачен. Сверх того на деревьях, на коих вышепомянутым образом из внутренняго сердца гумми изтекает, находится при внешних зарубках или закраинах коры, другое смоляное вещество или терпентин в немалом количестве. Из чего видеть можно, что листовница в своих сочных трубочках два, совсем один от другого разнствующие, производит сока. Так равным образом в перерубленных свежих листовницах примечено, что вязкая смола течет только между внешними дерева кругами, а внутреннее старое дерево, по коему камедной сок возходит, остается сухо и хрупко. Здешние жители собирают камеди столько, сколько им для домашних лекарств потребно. Да и слабительной листовничной жагры², употребляемой в аптеках и находящейся по лесам изобильно, так же берут мало. Однако ж слышал я, что сие сильное лекарство здесь в простом народе употребляется в лихорадках вместо рвотнаго и в сильных и продолжительных бели течениях вместо слабительнаго.

С Киштимскаго завода поехал я на *Каслинской*. Дорога идет от Киштима к востоку так, что нижнокыштимская молотовая остается вдали на левой стороне. За заводом начинаются тотчас каменистыя возвышения, отчасти из твердаго известняка, а отчасти из опоки³ впрямь стоящими слоями и мало к западу склоняющимися. Все ж оне покрыты лесами. *Серая вероника* здесь растет везде, но не видно на оной теперь обыкновеннаго сераго шертистаго моху. По турфовой пошве являлись *багульник* и два рода *злостной травы*, т. е. чашечная и востролистная.

Проехав верст семь находится железной небольшой рудник, а за оным равные поля, в которых на правой стороне начинается странное излучистое озеро, *Малой Нянняг* или *Нялляг* называемое. Немного подалее виден становится, и на левой стороне *Большой Нянняг*, посредством коего *Киштим* в озеро *Иртяш* изливается. На южном плоском открытом сего озера береге верст восемь от Киштимскаго завода виден небольшой взгористой курган тем достопамят-

¹ Камедь — густой сок из коры деревьев: древесный клей.

² Жагра — древесная губка, употребляемая как трут.

³ Опока — здесь: плотная горная порода, богатая кремнеземом.

ный, что около онаго примечательно весьма древнее урпление, от жителей по сибирскому обыкновению чюдским¹ называемое.

Курган сей имеет высоты около десяти, а окружности около полтараста сажень. На северной стороне по причине крутого утесу, а больше для того, что от востока примкнулся сюда озерной залив, от коего по северной кургана стороне глубокая простирается долина, не видно никакого укрепления. Протчая окружность укреплена почти по середине кургана вырытым рвом, из коего земля к кургану бросана. Ров кажется быть весьма древний и совсем зарослый, коего глубина теперь не более сажени. Длиною оный шестьдесят сажен, обведен вокруг кургана наподобие венка, на западной стороне пресечен небольшим проездом, а на восточной, где ров кончится, над самым заливом насыпан поперечный широкий взезд. По кургану нигде не видно следов человеческих жительство, но сурковых нор и других мелких животных находится множество <...>

Два самые большие рудника заложены близь озера Няллага, и возле онаго находится та копань, из коей брали прежде всего на завод крепкой известняк, коего после нашли над киштимским заводским прудом целые холмы. На бугре на самом верху находятся один большой и многие другие малые по разным местам рудники, при коих имеется избушка для надзирателя. Далее к северу, к Иртяшу, лежит еще рудник, из коего добывают самую лучшую руду, в Каслинской завод доставляемую. Во всех сих рудниках лежит железняк в пестрой глине непорядочными ярусами и великими гнездами. Сей смуглый крепкий, иногда из трестков и черепов состоящий, иногда ж перегорелым кажущийся железняк проседает мягкими, вохроватыми², но хорошими рудами, кои легко добываются, и показывает между оными иногда белую глину, глиммероватые или и известные камни. Руду здесь добывают и носят в кучи работниковы жены и дети, коим платится по урокам, а после уже в больших кучах пережигают оную при рудниках.

В *Каслинской завод* с сих рудников дорога идет в низ по небольшим пригоркам, изредка соснягом покрытым, до самой речки *Течи*, чрез которую в том месте, где она выходит из пространного озера Иртяша, сделан мост. Теша в сем месте уже составляет немалую речку и течет по болотистой, от части соснами обросшей низменности в озеро *Кисилташ*, верстах шести или осьми отсель на полдень лежащее, а из онаго под собственным своим именем продолжается далее. Ибо от озера Иртяша до Кисилтяша именуют ее башкирцы *Карагайтамал*. На восточном мысу, между сим истоком и Кисилташем, видны еще и ныне остатки порядочнаго землянаго укрепления, которое во время

¹ Чудь — народный этноним, закрепившийся преимущественно за финноязычными племенами.

² Вохроватый — от слова *охра*, глинистая или иная земля, окрашенная окисью металла, особенно железа.

последняго башкирскаго возмущения для усмирения на высоте живущих башкирцов и прикрытия екатеринбургских заводов зделано было лет за тритцать тому назад господином тайным советником *Татищевым* под именем *Киссилташской крепости*¹ и чрез целое лето военными снарядами и людьми было содержимо. Ныне же вовсе оставлено. Теперь в ней никто не живет, кроме одного человека, который по праздничным дням во все окрестныя демидовские железные заводы доставляет горячие напитки по причине, что по заводам питейным домам быть не позволено и он, живучи один в крепостце, над шинком² своим вывесил и цаловальничей³ флаг.

Озеро Иртяш, коего длина более дватцати, а ширина по крайней мере до десяти верст простирается, намыло здесь на берег будто запруду или плотину, из крупнаго хрящу и голышнику состоящую, по которому множество цвело *вайды*, или *летняка*. Между голышами иные были кварцовые с признаками слюды, каковые, сказывают, находятся большими звеньями около сего озера.

В *Каслинской завод*⁴ приехал я в хорошую пору. Он заведен в 1746 году однем тулянином Коробковым, а после уступлен владельцу Киштимскаго завода по заложении онаго. Он уже гораздо обветшал, в худом состоянии, и с самага начала быть дурно построен. Пруд здесь составляет озеро *Касли*, в которое по порядку текут озера *Карете*, *Усунь* и *Силань*, впадающие одно в другое, и в верхнее из оных впадает из гор нарочитая речка. Касли своим истоком, *Кургулак* называемым, изливается в Иртяш, и на сем истоке перепружено плотиною. Заводское строение составляет, во-первых, домна выпшиною в четыре сажени, которая в сутки не много более трех сот пятидесяти пуд чугуна выплавливает, девять полосных молотов, три молотовые составляющие и медиплавильня с двумя горнами, которые однако ж за недостатком хорошей медной руды стоят без действия. На плотине лесопильная мельница о двух станах. Все прочия заводския строения деревянные: церковь, развалившийся щетной дом и около двух сот простых домов. Число жителей, кои крепостные и по большей части из ромадановских деревнь на демидовские заводы переведенные, простирается в сем заводе до шести сот душ мужескаго полу. Железо отсель возят к верхней пристани, что на реке Уфе верст за сорок пять. Удобности сего завода, равно как и в Киштимском: довольно хорошаго лесу, но о приращении онаго никто не старается <...>

Паллас П. С. Путешествие... – С. 154–172.

¹ Кизильская (?) крепость – основана в 1743 г. в устье р. Кизил как военное поселение, входила в состав Верхнеяицкой линии крепостей

² Шинок – небольшое питейное заведение.

³ Целовальничий флаг – разрешение торговать спиртным.

⁴ Каслинский чугунно-литейный завод основан в 1747 г. купцом Я.Р. Коробковым; с 1752 г. перешел в собственность Демидовых. Расположен в 138 км от Челябинска среди озер Большие и Малые Касли, Иртяш, Сунгуль и Киреты.

О Екатеринбурге и Березовских рудниках

<...> К вечеру [в 20-х числах июня 1770 г. я] прибыл в *Екатеринбург*.

Не нахожу за нужно быть обширным в описании сего города, в коем ко управлению сибирских, пермских, казанских и оренбургских заводов учреждено Главное горных дел правление, и изчислять пространно по Исете лежащие казенные заводы, ибо после обстоятельного об оном от г. Гмелина описания весьма мало переменилось. Разве только [то], что различные частных людей изрядные дома прибавились и состороена каменная церковь. Бывшая тогда не в действии монетная фабрика ныне опять исправлена и, чинившийся под Екатеринбургом *Верхний Исетский железный завод*, уступлен его сиятельству графу Воронцову¹. А лучше стану описывать в близости Екатеринбурга недавно открывшиеся достойныя примечания золотыя руды, кои я 25-[го] и 26-[го] числ осматривал.

К отстоящему в пятнадцати верстах от Екатеринбурга золотопромывальному заводу, называемому Березовским, надлежит ехать влажною сосновою и березовою рощею, в которой ныне множество цело княжныцы. На половине дороги увидишь пространное озеро *Чертау*², которое с другим, того же имени, небольшим, к востоку лежащим озерком, говорят, будто общей имеет в Исеть исток. Над западным онаго берегом выстроена изрядная, более нежели сто дворов имеющая деревня, обитаемая раскольниками, которые большею частию в торговле упражняются и гораздо зажиточны. Дорога идет через сию деревню. По берегам сего озера настроены на сваях многие бревенчатые ящики, в коих жители сеют огурцы, которые кроме сего места нигде около Екатеринбурга по холодным и лесным урочищам не роятся.

На другой стороне озера открывается к *Пышме* склоняющаяся лесистая рудная гора, в коей золотыя лежат руды. Позадь оной верстах в семи находится *Березовской завод*³, пространно застроенный, по тому что все люди и служители, к заводу принадлежащие, имеют здесь свои дома. Ниже плотины заводской при *Березовке* стоят дома для обербергмейстера, шихтмейстера и двух оберстейгеров, кои тогда все были немцы, также для гиттенфервалтера⁴ и управителя, по чему сие многолюдное место снабдено и деревянною церковью.

¹ Верх-Исетский железоделательный завод, основанный казной в 1726 г. на р. Исеть, в 1758 г. был передан графу Р. Воронцову на правах посессионного владения; через несколько лет после путешествия Палласа (в 1774 г.) завод перейдет в собственность С. Яковлева.

² Шарташ – Шарташская слобода вблизи Екатеринбурга, являлась крупнейшим центром местного раскола (старообрядчества).

³ Березовский золотопромывальный завод – возведен в 1757 г. на р. Березовке (приток р. Пышмы), первый центр добычи золота в России; первоначально на месте открытого месторождения золота были построены Шарташский (1748) и Березовский (1752) рудники.

⁴ Обербергмейстер, шихтмейстер, оберстейгер, гиттенфервалтер – должности в горном ведомстве.

Промывальных лотков здесь числом до ста двадцати, две толчеи, каждая о девяти пестях, также и ручные промывальные лотки составляют два сарая. В постройке оных нет различия, а только лотки здесь деланы не из дощечек вдоль дерева пиленных, но из кусков толстых пней, поперег распиленных и сплоченных, чрез что они сами собою, будучи не ровны и шероховаты, не требуют, чтоб их от времени до времени щербинить, дабы золотой шлик удобно садился. По причине не всегдашняго достатку в ручье воды, работают в таком случае так, как ныне случилось, людьми, приставя к каждой перекладине промывальные лотки, соединяющей по одному человеку, которой движет ею взад и вперед, как надобно. Но при всем том, продолжая безнужно сию работу тридцатью шестью человеками, не более добывают в год, как до полтретья пуда золотого шлиху. А естли бы к разбору и разбиванью руд не столь много требовалось работников, то бы сей промысел можно было назвать весьма прибыточным. Заведенные в семи верстах отсель при Пышме промывальни вдвое прибыльнее здешних и уктуских, ибо хотя Пышма и не иное что, как небольшой ручей, однако ж в воде никогда недостатку нет.

Все разрабатываемые теперь золотые рудники имеют свое положение между сею речкою и ручьем Березовкою в разном от Березовскаго завода разстоянии <...>

Под названием Березовских рудников разумеются четыре близь ручья и завода того же имени лежащие, с 1752 году действующие. Больше всего и лучше в глубь обработанная богатая шахта означена под № 6, к коей еще принадлежат тринадцать шахт, в том числе водовыливальня об одном колесе. Но прошлой весны сие колесо чаятельно оплошностию развратных¹ работников совсем сгорело. Рудник под № 7 имеет десять, а под № 12 – шесть шахт. Под № 24, называемый Пердуновский, четыре шахты. Во всех сих рудниках работа продолжается весьма прилежно, и строение, идущее от пяти до пятнадцати и более сажен в глубь, делается везде порядочно и правильно. Шахты, проходные и спуски очень пространны, чисты и изрядно обстроены, а выламываемые проходными и штольнями² жилы и прожилки добываются по горному обыкновению и искусству. Вообще нет другаго уральскаго рудника, который бы толь порядочно и по правилам горнаго искусства был выстроен, как сей, и который бы яснее мнениям Гмелина, будто рудные горы в сей части света не порядочны, противоречил. Ибо хотя большая часть жил и проходов не очень далеко в глубь простираются, также Ключевских и Березовских ям ходы не глубже двадцати саженъ. Однако ж везде подают о себе

¹ Развратных работников – здесь: нерадивых.

² Штольня (нем. Stollen) – горизонтальная или наклонная подземная горная выработка, имеющая непосредственный выход на земную поверхность и предназначенная для обслуживания подземных работ.

надежду к глубшему продолжению, и вообще имеют весьма порядочное положение и склонение.

Вообще положение и свойство здешних золотых руд есть следующее: богатые руды по горе урочища исполнены малыми стоячими жилами и отжилками, которые почти все, имея одинакой лог от запада к востоку, отжилками склоняются в глубь от севера к полудню под углами 60 или 80 степеней. Хотя сыскиваются иногда жилы поперечные или накрест пересекающие. Однако ж большая часть из их лежат одинаким часом. Сии рудные жилы, состоящие из ямистаго и ноздреватаго кварцу, длиною и толщиною бывают весьма не равны: некоторые едва на вершок, а другие иногда и на две четверти и больше. Также примечено, что иногда тонкая жила после расширяется и толстеет, а иногда толстая уменьшается и слабеет. По логу бывают они обыкновенно от пяти до десяти сажен длиною. Один только рудник Ключевской превозходит в сем случае, ибо в нем жилы гораздо толще, а в водоливной шахте даже до семидесяти сажен стелются в гору, так что и в глубь надежно, что оне простираются на столько же.

Простые маленькие жилы в первых саженях золотом богаче, а чрез семь, восемь и десять сажен, хотя и продолжаются далее, однако беднее: примечание, по видимому, чрезвычайное! Где рудные жилы пресекаются, там матка их или разшибается в горныя стороны, или обращается в тонкие отжилки. Вообще усмотрено, что все по сей горе руды лежат в белой и желто-сероватой мягкой, нитистой и глиммероватой глине, которая от севера к югу лежит, ширины от пяти до десяти сажен. Глина сия способствует разделению и легкому добыванию жил. Часто, однако ж, около жил попадаетса крепкой, той же материи серой, краснопестрой орлец¹, от коего руда с великим трудом отделяется, и не иначе как бурением и стрельбою добывать надлежит. В сих породах жилы часто не более полуаршина, а иногда несколько аршин, иногда же и до пяти сажен отстоят одна от другой отделены. По сторонам и в глубине лежит глинистая жила, состоящая из изрядной, красноватой, белоизпещренной сухой глины, которую здесь обыкновенно хищником руд почитают и под именем *красика* употребляют на краску. Как скоро сии бесплодные глины появятся, то уже далее к рудным признакам и нет надежды. Равным образом и на глубине, естли серая глина попадетса или сия красная, то жил искать уже бенадежно <...>

Паллас П. С. Путешествие... – С. 206–213.

¹ Орлец – родонит, минерал вишнево-розового цвета.

О Невьянском, Черноисточинском и Нижне-Тагильском заводах

<...> Возвратившись и пробыв двадцать шестое число [июня 1770 г.] в Екатеринбурге, отправился я 27-го в *Невьянской завод*, сперва редкими, а после густыми березовыми и сосновыми по ровной каменной пошве родами до небольшой деревни *Пышмы*, на северном берегу того же имени речки стоящей. Пышма, уподобляясь здесь весьма небольшому ручью, течет по широкому болоту: жители сеют хлеб и пеньку, впахиваясь даже в самое болото. По лесу цвели разнолистной татарник, масляной дикой сафран, заячья кровля, бледной цветополог, коего далее к северу не видно, изрядная купальница, турецкая сарана, аптекарская ромашка, горный любимец, широколиственный горшек и прочее. При выкопе ледников в деревне открыли серыя и вохроватыя кварцовыя жилы, обещающия содержание в себе золота. Я сам видел то же во время копания новаго ледника.

Влево версты две от дороги лежит позади деревни железной рудник, из котораго на *Верхний Исетский*, его сиятельству графу *Воронцову* принадлежащий завод, обыкновенно *Верхнюю плотину* именуемой, доставляют изрядной железняк, ломаемой в толстых гласкоповых жилах, добывают оный из открытых ям и жгут в кучах.

На седьмой версте по дороге в болотистой пошве течет ручей *Балтым* из озера такого ж имени в реку Пышму, а на той стороне в Березовской роще столь грязно и болотно, что многия места, естли бы не мосты, непроездны. От Пышмы в четырнадцати верстах появляются опять местами поверх влажной и низменной земли кварцовыя жилы, а вскоре предлежит мост чрез болото, покрытое жаркою вохрою и по той причине *Красным болотом* нарицаемое. Оно водою, а паче в нынешнее мокрое лето, весьма изобильно: из его истекает сильной ручей *Адуи*, впадающий в Реж. Далее ж к западу есть еще другое озеро на сем болоте, которое оным имеет свой изток. За тридцать три версты от Екатеринбурга, а от сего болота за семь верст отстоит за небольшим, такого же имени, в Адуи впадающим болотистым ручьем деревня *Мостовая*. Она, составляя пятьдесят дворов, перенесена в сии болотистыя места для перемены подставы и, не имея никакого хлебопашества, питается одними, за извоз и посылки получаемыми, деньгами. Но года с четьре, как начали наниматься жители к добыванию руды в отлежащем отсель две версты верхняго Исетскаго завода железном руднике.

По причине бывшаго после обеда сильнаго с громом дождя, испортившаго вовсе дорогу, принужден я был здесь ночевать. А по утру 28-[го] числа поехал я далее. Не смотря на холмистое кустарником и молодыми лиственницами усеянное каменистое местоположение, дорога была весьма дурна и грязна. Верстах в семи от Мостовой по разным местам видны на ровных буграх кварцовыя жилы, к востоку и

западу клонящаяся. Не доезжая же версты четыре до ручья и деревни *Аять*, лежит вправо от дороги начатая шахта, которую выкопали в пророслом бурым желваками и железистыми жилами кварце и действительно на первых саженях небольшой золотовод приметили. Может быть, не бесполезно бы было здесь и во всей окрестности, а паче в тех местах, где кварц лежит, наруже сделать больше изысканий, копая глубже. По крайней мере надобно сии места заметить для переду, когда в случае нынешние заводы возчувствуют в рудах недостаток <...>

Холмы около Аята обросли густо молодыми березками. Деревушка над сим ручьем состоит токмо из пяти двориков, и отсель до большой, о сорок дворах, деревни *Шайдуриха*, над ручьем того ж имени лежащей, остается семь верст. Ручей *Шайдуриха* течет в близь лежащее озеро *Аять*. Взятая в *Мостовой* лошади переменил я здесь. Шесть верст отсель лежит небольшая демидовская деревня *Кондура* при ручье того ж имени. А в двенадцати оттоле верстах надлежит переезжать ручеек, *Горелой Мост* именуемый. Поворотя от дороги вправо за полверсты, обозрел я находящейся в лесу ужасно глубокой и широкой развал, из коего выкапывали между неправильных, но ровных положений сераго железняка, медную зелень. Да и ныне за недостатком лучших руд, намеревают ею же производить вновь работу. От сего рудника оставалось до Невьянска токмо шесть верст. И чем ближе мы к оному подъезжали, тем тучнее пошва железом казалась, изобилуя чрезвычайно железными рудами и по оной около заводов видно довольное количество ям, копаней и рытьвин.

29 и 30 чисел [июня] спешил я со всею возможностью, чтоб осмотреть древний и славный *Невьянской завод*, со всеми принадлежащими к оному достопамятностями и заводами, по чему и описание мое начну я с сего главного места. Безспорно, что между всеми сибирскими железными заводами Невьянской важнее и превосходнее прочих. По причине древности называется он просто *Старой завод*¹. Он первой заложен от предков Демидовых и, работая с 1701 года, находился безпрестанно в их владении, а наконец с окрестными – Верхним Тагильским, Шуралинским, Бынговским и некоторыми пермскими заводами – продан ассессору Савве Яковлеву.

Немалая речка *Нейва* для заводу перепружена и водою столь изобильна, что сей год широкий водяной спуск никогда не запирался. Посреди местечка на левой стороне реки лежит четвероугольная деревянная крепость с крытым ходом и семью башнями, из коих три – подъездные. Внутри оной кроме заводских строений находится хотя старинной, но величавой и обширной хозяйской каменной дом с двумя флигелями, канторою и прочими деревянными пристройками, старая деревянная

¹ Старый завод – Невьянский завод, основан в 1701 г. на р. Нейве; с 1702 г. передан Н. Демидову и вскоре стал крупнейшим в России по выплавке чугуна, железа, меди; выпускал металл под маркой «Соболь» («Старый соболь»); постепенно стал «столицей» империи Демидовых; был продан П.А. Демидовым С.Я. Собакину (Яковлеву).

церковь и противулежащая каменная колокольня двадцати семи сажень вышиною, с колокольною музыкою. Наконец, несколько жильев для заводских служителей, амбар для клажи, где медная и протчая здешняя работа продается, и множество лавок. Близь колокольни поставлен большой чугунной столб, который, как сказывают, назначен был для статуи г[осподина] статского советника *Акинфия Никитича Демидова*. Число жильев по обоим сторонам пруда, в окрестности двенадцати верст выстроенных, простирается ныне по крайней мере до тысячи двух сот, а жителей, по большей части расколыщиков и, как кажется, людей зажиточных, мужеска только полу – более четырех тысяч. Для бережения и хранения чистоты, для отвращения грязи, вырыты по улицам везде небольшие каналы с мосточками. Но от времени, когда самый заводосодержатель сего учреждения наблюдать не старался, умножилась и нечистота по дорогам. Если бы не было нужды смотреть за дорогами, в окрестные заводы ведущими, по причине той, что ежечасно туда ездить надобно, то, чаятельно, что и с сей бы стороны древния Демидовы учреждения остались без действия, ибо они уже вовсе не в таком хорошем состоянии, в каком были прежде, а протчие, не столь нужные, – вовсе разрушены. При жизни г[осподина] статского советника Акинфия Никитича Демидова, когда он сам над заводами надзирал, нигде в России лучших не было дорог, как в его заводах, хотя оныя и все большею частию по болотистым лесам проложены. По обеим сторонам рыты истоки, низкия места насыпаны, болота вымощены, чрез ручьи мосты деланы, и все в наилучшем было порядке. Но из всех сих заведений несколько токмо осталось в прежнем порядке – при Нижнем Тагильском заводе, коего описание следует ниже.

По улице, в Бынговской завод идущей, выстроена новая каменная кузница. И хотя в демидовских владениях продажа крепких напитков и запрещена была, однако ныне продают оныя в тех уже местах в полатках. Около жильев на несколько верст рощи вырублены, подчищены и бревенчатым оплотом обнесены для выгону и пастьбы скота (пастовники), а вдоль по Нейве таковым же образом сделан зверинец, в коем держивали оленей и других диких зверей.

Заводския здания ниже плотины тут же выстроены вместе, и все ныне действующия суть: две доменные, выше коих состроен железом покрытый дом с литейною, одна из сих доменных, вышиною в двадцать аршин, имеет две раздувальныя снасти о четырех мехах и в сутки до семи сот пуд чугуну выплавляет и, сколько мне известно, она в России из всех наибольшая; другая ж, которую про запас токмо держат, вышиною 15 аршин. При том находятся и два большие или мусарьные¹ молоты, коими железняк разбивая в кошах на очаг домен-

¹ Мусорный, от слова мусор (горн.) – смесь толченого древесного угля с глиной; для толчения мусора имелась специальная толчея с пестами и мусорный толчейщик.

ной вносят. Один из их лежит при доменной, а другой на плотине. Протчия же здания деревянные <...>

Один Нейвянской завод может в год выпустить до двух сот тысяч пуд полоснаго железа и множество другой железной рухляди. Но для умножения полоснаго железа выстроили недавно за 26 верст отсель вверх по Нейве небольшой завод, под именем *Нижний Нейвянской*, о четырех больших молотах и одна якорьяная кузница, и намеревают увеличить оной, снабдя еще доменной. Запасной при сем последнем заводе пруд имеет ужасную обширность: в длину до двенадцати и в ширину в некоторых местах до десяти верст. При том, имея с длинным и широким, до семи верст озером *Таватуй* сообщение, еще и больше усугубляется.

За всем тем между сибирским железом нейвянское – не самое лучшее. Руда, здесь плавимая, привозится от части из отлегающей в 50 верстах магнитной горы, а от части употребляют добываемой в окололежащих рудниках сошняной и не весьма твердой железняк <...>

Оставляя оной завод, не премину еще упомянуть о двух художествах, демидовские заводы, а паче Нейвянск и Нижний Тагилской, древле прославлявших. Первое суть – здешние коретники и колесники, весьма крепко делающие свою работу и большую часть Сибири оною снабдевающие. Ныне, за недостатком дубоваго лесу, нигде в Сибири не растущаго, употребляют к тому с успехом здоровое и твердое дерево полевой березы. Достопамятно и надобно при сем случае приметить, сколь полевая береза крепостию превосходит лесную березу. Я нарочито четверугольные обоих дерев одинаковой величины куски весил и нашел, что полевая береза тяжелее лесной. Обстоятельство, кое в руке приметить можно, когда начнешь подымать равной величины куски. Между полевыми березами выбирают обыкновенно кривые и у коих кора не гладка и расслася. Дерево сие по высушке не уступает дубовому.

Другое художество, в коем с немалою пользою здешние упражняются жители, есть лакирование. Оные наводят лак на медные и железные чайники, на деревянные чашки, стаканы, подносные доски и прочее. Бывают вещи, лаком наведенныя не много хуже китайских, а лучше французских, выключая живописи. Настоящее в сем искусство хранят жители в тайне и учеников без платежа не приемлют, но я заверно изведаль, что вся их тайна состоит в конопляном простом масле с свинцом, густо сваренным и сажею подмешанным. Масло держат они чрез долгое время в жаркой печи, чтоб с свинцовою известью лучше сварилось, и вещи помазывают раз восемь пальцами, за каждым разом высушивая оную в жаркой же печи. Чем чаще маслом помазывают, тем лучше и прочнее будет краска. Для помещения живописи вырезавают они ножом разныя украшения, картины, деревца, птицы и прот[чее], будучи многие из обывателей весьма к

сему искусны. Вырезанную бумагу положив на лак, помазывают золотом, обыкновенно для сего употребляемым, из чего желаемыя изображения представляются.

Вместо прямой из Нейвянска в Нижней Тагильский завод дороги поехал я в сторону, чтобы осмотреть Бынговский и Черноисточинский заводы. Дорога в Бынговской завод поисправлена, рощицы молодя прорубили и, расширив с обеих сторон, сделали ее суше. Простирается она вниз Нейвы, над левым берегом, мимо зверинца, сосновым бором. Во первых, приехали мы к пруду **Бынговскаго завода**¹, версты две в Нейву простирающемся, и, проехав часть жилья более пятидесяти сажен длинным мостом и рукав *Верхней Бынги*, прибыли и в самой завод. Из Верхней Бынги, которая при самом заводе с Нейвою составляет угол, в Нижнюю Бынгу проведен слюзами укрепленной канал, дабы весною во время наводнения посредством онаго спускать не вмещающуюся в плотине воду.

По обеим сторонам пруда в Бынговском заводе выстроенных жильев будет до 270. Церкви здесь нет, а для управителя и канторы дома и заводския здания деревянные, яко то: лесопильная мельница о двух рамах, якорная кузница, в ней два большие молота и два двойные горна, две молотовыя, каждая о двух молотах и столько ж двойных горнов. Третья молотовая о четырех молотах, двух двойных и двух одинаких горнах. Бывшая желтой меди фабрика с двумя обжигальными печами по недостатку меди, так как большею частию и протчие Нейвянския медедельни, оставлена без действия. На другой стороне выстроены две молотовыя, каждая о двух молотах и двух двойных горнах, одна молотовая о трех больших молотах и двух двойных горнах. При оной обжигальная печь, а ниже заводу состроена недавно из кирпича изрядная кузница о трех двойных горнах. Чугун привозят сюда из Нейвянска.

В полуторе версты отсель выстроен над Малою Бынгою кожевеной завод, и я, переехав вышеупомянутый, из большой в Малую Бынгу проведенный изток, прибыл и в оной. Возле кожевеннаго завода Нижняя Бынга перепружена и действует мучною мельницею о двух полах и мелницею для делания дубовой толчи о пяти толкачах. Плотина сей весны была прорвана. Близь оной лежит кожевня, надлежащие к оной ступники², сарай, анбар и двор для доделки юфтей³ на чисто. В выделывании юфтей, между коими мешают козлы и выростки, нет ничего отличнаго, кроме что для сбережения краски выдумали не сшивать по русскому обыкновению двух кож лицом вместо и, влив в таковой мех, краску болтать. Но они, повесив юфти

¹ Быньговский железодельный завод основан в 1718 г. Н. Демидовым к северовостоку от Невьянска, в устье р. Бынги при слиянии с р. Нейвой; в 1769 г. продан С.Я. Собакину (Яковлеву).

² Ступник — чан для дубления кожи.

³ Юфть — сорт выделанной кожи.

над большим корытом, поливают оныя краскою. Сие служит к тому, что краска и время к шивке напрасно не теряются, да и не нужно после обрезать проколотых концов. Я усмотрел здесь, что обыкновенно употребляют кожевники кору из ивы, коея на все ступники, по десяти кож считая, до полторы сажени полагают. Но и то справедливо, что к сему весьма способна и внутренняя березовая смуглая кора, которою, как я после в Верхотурье видел, и действительно во всей Сибири пользуются. Здесь же узнал я, что ветошной деготь приготавливают из белыя березовыя коры, которую сдирают с старых берез, отчасти на корне стоящих, отчасти на земле сгнивших так, что одна токмо верхняя белая берестина к тому употребляется. Деготь, которой сидят из свежих берест, от бугаго того вещества неочищенных, бывает нечист и смешан с сажею, а из одной белой бересты выходит чистой и для кож годной <...>

Прежде нежели переехали мы *Быngu*, или *Быngовку*, увидели мы в семи верстах от Нейвянска идущую в **Черноисточинской завод**¹ вовсе испорченную дорогу. По ту сторону оныя грязь так усугубилась, что мы шагом ехать принуждены были. Лошади едва перетасили нас чрез ручей Пачку, то мост обвалился. Далее был еще текущей между высоких берегов ручей Аника. Оба они имеют желтую болотную воду. Здесь дали мы лошадям отдохнуть. Земля была доселе взгориста, и пологие холмы наполнены орлецом, рощи по большей части вырублены и зарастают молодыми березами и соснами. По ту сторону Аники, где кончится округ нижнетагильскаго леса, стоит еще и теперь изрядной высокой сосновой бор, в коем попадаютя и ели. Но до Тагиля, кой мы переехали худым мостом, земля была еще взгориста. После въехали мы в болотистой черной лес, смешанный из ельника, пихтовника, сосняка, кедровика, ивника, топольника и разных кустарников. Самая негоднейшая здесь дорога, а более испорченная обломившимися и погрузшими бревнами, коими она вымощена, делала нам в пути великую остановку. Сие было причиною, что мы и переменяя свои усталыя лошади из повозки в повозку, приехали в завод уже на разсвете.

Завод проименован по Черному истоку, посредством котораго Черное озеро, протекая чрез речку Черную, вливается в *Тагил*. Сей исток запружен шестидесятисаженною плотиною, над коею выстроена железная молотовая, в 1702 году начатая и по смерти Акинфия Демидова по разделу в тагильской части оставшаяся. Жилой хозяйской дом состроен в 1735, а умножен пристройками в 1743 годах. Кроме онаго и канторы, разделено 255 жильев на пять улиц, коих жильев до шести сот будет.

Завод имеет три молотовыя, из коих одна о трех молотах и трех

¹ Черноисточинский передельный завод — основан в 1728 г. А.Н. Демидовым на р. Черной (приток р. Тагил) в 25 км к юго-западу от Нижнего Тагила; с 1758 г. принадлежал Н.А. Демидову, позднее — его наследникам.

тройных горнах, а две – каждая об одном молоте и трех колотушках. Делают на оных круглое осмо- и четвероугольное железо для аглицких подрядчиков. Находится здесь и обжигальная печь, в которой железо делают мягче. Здешнее, так как и всякое из руды магнитной горы приготовляемое железо, при ковке выдает стальные крепкие наросты, кои, под именем суши отрубивая, продают маленькими жезликами особо для насталки. В здешнем заводе на горнах зачали употреблять двойные раздувальные мехи, коих действие полагается против двух одинаких, и чаятельно, что после по всем тагильскаго правления заводам оные введены будут. Сырое железо привозят сюда из Нижнетагильскаго завода, а выделанное, коего в год до семидесяти тысяч пуд выходит, отвозят гужем за тридцать верст в *Висимо-шайтанской завод*¹, а оттоль по Чусовой судами.

Составляющее заводской пруд *Черное озеро* весьма обширно: к юго-западу или к Уралу простирается оно верст на десять. По оному разсеяны находятся прятные островки, из коих за пять верст от пруда на одном состроен был летний домик, перенесенной после в Нижнетагильской завод. Из гор, около озера лежащих, две суть достойныя применения: одна, называемая Дыроватик, верст с восемь к северо-востоку, в которой различные находятся гроты, и в одном месте, говорят, есть проломана большая дверь; другая – в юго-западную сторону к Уральскому хребту, по причине крутых известных слоев, именуется *Белой Камень*, которая и собирающимся около ея вершины туманом, и облаками обыкновенно предвозвещает дождь и мокрую погоду. Уральской хребет в сем месте узок и не весьма высок, а расстояние Чернаго озера от лежащих на той стороне к Чусовой ручьев *Висима* и *Шайтанки* столь не велико, что кажется, сие есть единое из всех способнейших мест, где бы возможность соединения сибирских рек с российскими испытать надлежало.

Сперва в Нижнетагильской завод ездили чрез крутую гору, но опасность спускаться вниз принудила искать другую дорогу между сея и *Липовой горы*. Мы, переехав реку *Черную*, следовали по ей вниз довольное расстояние. После пришел небольшой ручей *известной*, над коим в Тагильские заводы прежде известь ломали, потом, за три версты, ручей *Половинный*, за четыре – *Горбуновка*, а наконец – речка *Леба*, кои все в Нижнетагильской пруд истекают. От Лебы до Нижнетагильскаго завода осталось уже недалеко. Я опишу сей завод с окрестными его достопамятностями пространнее по тому, что он меж всеми частными сибирскими заводами совершеннее, порядочнее, важнее и прибыльнее железом, при том в нем находится и Главное правление над всеми протчими статскому советнику *Никите Акинфи-*

¹ Висимо-Шайтанский медеплавильный, передельный, доменный завод, основан А.Н. Демидовым в 1741 г. на р. Шайтанке (Межевая Утка – Чусовая) в 35 км к юго-западу от Нижнего Тагила: с 1758 г. принадлежал Н.А. Демидову, позднее – его наследникам.

евичу Демидову принадлежащими заводами: Салдинским, Вуйским, Верхним и Нижним Лайским, Черноисточинским и Висимошайтанским.

Река *Тагил* запружена плотиною ста четырех сажен длиною, 25 саж[ен] шириною и вышиною 5 сажен. Пруд длиною около шести верст, а шириною с версту и сверх выше упомянутых различных, с правой стороны вливающихся ручьев, при самом заводе умножается еще маленьким ручьем *Голянкою*. Воды в Тагиле столько, что довольно бы было и на большей завод, нежели каков сей. Ниже завода река так глубока, что суда ходить могут, что и в самом деле бывает: каждую весну отпускают несколько оных, железом нагруженных, в сибирские города <...>

На восточной стороне плотины построен в 1760–1763 годах каменной разсчетной дом, в котором приказная, судная и казенная избы с погребами для хранения денег. Близ онаго лежит деревянной дом, в коем рисовальная и много других комнат для приезжих. На большой площади стоял изрядной деревянной жилой господской дом, которой вознамерились выстроить каменной по нынешнему вкусу. Подалее от Тагиля, на бугре, коего каменная верхушка выровнена, сооружена нововоздвигнутая каменная церковь с пребогатым куполом и высокою башнею, в коей не только надлежащее количество колоколов, но и колокольную игру заводят. Покрыта она железом, разделена на летнюю и зимнюю, украшена великолепно и снабдена богатою утварью¹.

Между достопамятностями здешняго места принадлежат и престолы, в обоих алтарях находящиеся, сделанные из ужасных кубических магнитов. Один – пяти четвертей вышины, три с половиною длины и несколько меньше ширины, а другой – семи вышины, пяти толщины во все стороны, и густо покрыты ярью. Церковь сия начата еще в 1764 году, и покудова ея надлежаще не украсили, отправлялось богослужение в маленькой деревянной церкви.

Перевезенной из Черноисточинска и в верху пруда выстроенной деревянной дом определен 1766 года для воспитания приносных детей, в коем различныя до совершенных лет и воспитываются дети.

Протчих жильев дворы лежат по обеим сторонам Тагиля ниже плотины, а на западной стороне пруда живут в нескольких улицах ревностные староверцы или расколыщики, хотя и протчие жильцы большею частию сея же держатся секты. Числом жильев 1034, а жильцев до 2379 мужеска полу душ, из коих 121 – не крепостные. Между ими есть хорошие художники и заводские мастера, чего в прочих заводах не достает, и надобно признаться, что здешний народ отменно прилежен и зажиточен <...>

¹ Речь идет о Входа-Иерусалимском соборе, воздвигнутом в 1763–1777 годах, спроектирован архитектором К.И. Бланком, построен ярославскими мастерами, отличался монументальностью переходных от барокко к классицизму форм.

[Магнитная или **Высокая гора**]¹ <...> разделена теперь на три части, из коих самая лучшая *юго-западная* и *южная* достались в удел *Тагильским заводам*. Напротив того Ревдинской пользуется *северною* и *северо-восточною* частью, в коей большею частию глухой камень, а в *Нейвянск* добывают руду на *западной* и *юго-западной* части, так же и на узкокосе восточных стороны. Сначала здешних заводов выломали в Тагильском уделе несколько миллионов пуд сея руды и не малую объяли у подошвы горы обширность, но ныне продолжают сию работу уже порядком. По большей части собирают ныне около горы поверх лежащую руду и [так] как ее без трудности доставать можно, то и употребляют к сей работе детей мужеска и женска полу, с платою по три копейки на день. Душ до четырех сот стараются с охотою ежедневно быть в работе. Руду складывают по урокам в сажени в аршин вышиною, и, наклав большую кучу на поленицы, досками обставленные, зажигают в середине сквозь сделанную к сему нарочно продушину. Сие есть прямое обжигание руды. В таковой куче бывает до четырех сот пуд руды, которая едва в сорок дней обжигается, а после разве недель через десять простывает. Сим сильным зжением делается она несколько плавкою, а после уже молотками ее разбивают.

В протчем вся гора усеяна соснами и березками, а при подошве растут молодые кедры. Здесь около Тагиля их весьма берегут и для того обгораживают чистоколом. Кажется, что основание горы под железную рудую должно быть известково, которое во всей окружности над Тагилем является. Не далеко от плотины, над вливающимся в Тагил ручьем *Рудянкою*, видна известковая копань, где серой горной стоячими жилами ломается камень. А версты за две к Вуйскому заводу находится и другая известковая ж копань. Близь Магнитной горы, к югу, есть две ломальни, в коих для заводов добывают прозрачной, белой, почти из ядер слипшийся, мраморной видной известняк, выгодный для плавки руд и ломаемый толстыми неправильными слоями. Между ломальнями и между известною горою открывается почти ядроватой железняк, сложенной из маленьких угловатых частиц.

Подле сей же самой изветковой породы между заводских жильев добывались изрядныя медныя руды. В следствие чего вырыли две шахты, одну в верх по ручью, а другую близь жильев, и при последней сделали водоливную штолну. Но сие местоположение столь низко, пруд и ручей столь близки, что от воды никак спастись было не можно, по чему и работу сию оставили. В руднике, подле крутостоящей извести, ломали не только богатые медныя глины, но также изрядныя почки малахитов, которыя положением и глиною во всем подобны

¹ Гора Высокая (Магнитная) — месторождение высококачественного магнитного железняка в 4-х верстах западнее Нижнего Тагила, на базе которого разрабатывался высокогорский рудник — один из старых и наиболее крупных на Урале; руду добывали преимущественно открытым способом, вручную.

были богатым рудам Гумешевского рудника. Во время производства сея работы примечено, что руда в том месте, где известковый пояс крут, толще. Напротив того, где оный полог, там уже. Руда приносила от двух до десяти процентов, но ломка никогда не была велика и прибыльна. Работать здесь начали в 1762, а в 1768 перестали. После в том же году вознамерились рыть вновь по южным горам. Версты полторы от Нижнетагильска к Вуйскому заводу, а от Магнитной горы к северо-востоку с версту открылась маленькая медная жила, которая поверх земли между камней выкинулась. Тамошний город состоит из красноватаго шифера, а около жилы лежит иловатый черепичник, обрисованный дендритическими представлениями. И как я по многим копаням сей рудной горы приметил, то сие служит в черепичных горах изрядным признаком близко лежащей богатой руды.

После обеда втораго числа июля осматривал я протчие близ лежащие рудники. В первых, поехал я в *Вуйской*, близ Тагиля над ручьем *Вуйею*, в 1721 годе постороенный завод¹, имеющий небольшую доменную для плавления меди и молотовую, в коих ежегодно до 33 000 пуд полоснаго железа выдělывают. Жильев будет здесь до 250, а жильцев до 700 душ. По той стороне Вуйя, оставив в Лайской завод ведущую дорогу вправо, поехал я вверх по над Вуйским прудом сухим молодым сосновым бором и версты за три приехал к той горе, на которой рушившаяся ныне работа *вуйскаго рудника* производилась. Рудник сей достопримечателен тем, что в России был он первой, в котором начали рыть и плавить медную руду и коея медную доску на подобие большаго стола поднесь *Никита Демидов его императорскому величеству Петру Первому*. Хотя руда сия была столь маловажна, что изо ста пуд едва дватцать пять фунтов чистой меди выходило, однако ж долго на Вуйских заводах продолжали с ею работу. Сыскали ея в 1721, а перестали работать в 1736 году. Из старых копаней, водометов² и рвов, наполненных ныне водою, можно видеть, что здесь великое к работе прилагали старание. Вся гора, из коей ломали сию руду, содержит себе одну тонкую медную зелень и немного лазури, в диких железистых камнях сидящей <...>

Возвращаясь в **Нижней Тагильской завод**³ почел я за излишнее осматривать окололежащие протчие железные рудники, ибо в них нет ничего достопамятнаго, кроме [того], что ломаются маленькие и скудные магниты. Итак, имев причину ускорить мое путешествие, того ж вечера и выехал я оттоле. Но прежде нежели оставлю Нижнетагильской завод, должен я упомянуть, что в оном выдělывают ежегодно до 65 000 разнаго полоснаго и связнаго железа. Протчий же

¹ Вуйский медеплавильный, доменный, переделный завод, основан в 1721 г. на р. Вуйя (приток р. Тагил) рядом с Нижним Тагилом Н. Демидовым.

² Водомет — фонтан.

³ Нижнее-Тагильский железоделательный завод основан Демидовым в Нижнем Тагиле в 1725 г. В доменной плавке использовалась руда горы Высокой и древесный уголь.

чугун, коего здесь до пяти сот тысяч пуд в год выдѣлывают, отсылаются в подведомыя сему правлению молотовыя, из коих самая большая построена лет за десять при речке *Салде*. Вообще все здешнія молотовыя выдѣлывают ежегодно более двух сот восьмидесяти тысяч пуд разнаго рода железа, которое большею частию отпускается из государства в чужие краи. И для того, нагрузив оное в Висимошайтанском заводе на суда весною посредством разливающихся речек: *Утки*, *Межевой*, *Чусовой*, *Камы* и *Волги* отвозят в государственныя пристани.

Предприяв обозреть к северу лежащие заводы, отправился я к оным из Нижнетагильска в светлую изрядную ночь. Дорога лежит в низ по реке Тагилу чрез Вуйской завод, мимо деревни *Рагожиной* и *Вогульскаго поселища* в *Нижний Лайской* завод. На половине дороги переезжать надобно речку *Баранчу*, и версты за три перед рекою *Ланею* видна по ту сторону Тагиля лежащая островерхая и лесистая гора, камень *Медведь* называемая. И в сей стране, по сю сторону излучистаго Тагиля, во сѣ пятидесяти сажнях от небольшого источника, в Тагиль же вливающагося, лежит на крутом Тагиля берегу древнее укрепление и до сего дня нарицаемое *Ермаково городище*¹. По сказкам здешних старожилов, сие есть то место, где перьвой Сибири завоеватель *Ермак Тимофеев*, пришедши из Чусовой в *Серебрянку* и до ручья *Кокуй*, зимовал и для того несколько и зимовьев с укреплением построил. Видны и по ныне следы сих хижин и остатки вытасненных на берег судов. Перешедши же гору и достигши Тагиля, для препровождения остальных дней зимы и для сооружения себе новых судов, сделал он якобы на том месте другую крепостцу и несколько зимовьев. Но ныне на оном более ничего не видно, как прямоугольной ров в две сажени шириною, а несколько аршин глубиною. Он вырыт на отстоящем от Тагиля саженей на пять мысе таким образом, что четырнатцати саженная фланка к северу и десятосаженная к востоку проведена. Внутри рва выкопана четверугольная двусаженная яма полтора аршина глубиною. А две, кажется на подобие погребов или подземных жилищ, вырыты: одна близ самага рва, а другая сажнях в дватцати пяти от ручья *Медведки* и сажнях в сорока от Тагиля. Последняя – сажени три шириною и аршина три глубиною, конечно, кладовым погребом служила, в коем при отъезде прятали добычу и тяжелые припасы <...>

Паллас П. С. Путешествие... – С. 222–261.

¹ Ермаково городище – оборонительный пункт XVI в. дружины Ермака и других русских воинов на пути в Сибирь, в 12 км с северу от Ниж. Тагиля. Напротив городища на противоположном берегу р. Тагил поднимается гора Медведь-Камень.

Отрывки из «Дневных записок...» И.И. Лепехина

Экспедиция Оренбургского отряда, возглавляемая И. Лепехиным, началась 8 июня 1768 г. из Петербурга. Исследовав значительную часть Поволжья, отряд, обогнув северный берег Каспийского моря, направился берегом реки Яик (Урал) к Оренбургу. Отсюда и началось почти двухлетнее путешествие отряда Лепехина по Уралу.

Осмотрев Южный Урал и Оренбуржье, отряд *в мае 1770 г.* выехал из Табынска в Екатеринбург.

24–27 июля Лепехин провел в Екатеринбурге, откуда выехал в Кунгур, где пробыл 5 дней, осмотрел ледяную пещеру на горном берегу реки Сылвы.

Затем через Красноуфимскую крепость по р. Аю направился к Симским вершинам, от которых повернул снова на юг, к центру Оренбургского Урала, где поднялся на высочайшие хребты Урала.

Сделав таким образом огромную петлю, Лепехин осенью снова вернулся в Екатеринбург, откуда посетил Березовские золотые рудники.

В августе, осмотрев Верх-Исетский завод, отряд направился по Сибирскому тракту через Решеты, Талицу, Ревдинский завод, осмотрел Билимбаевские и Уткинские заводы.

14 сентября Лепехин с отрядом выехал из Екатеринбурга в Тюмень на зимовку, которая затянулась из-за неудачной погоды. Всю зиму ученый и его помощники занимались обработкой и описанием собранного материала, выправляли дневниковые записи и отчеты для Академии наук, время от времени совершая выезды в ближние и отдаленные окрестности.

Именно в это время Лепехиным были собраны сведения и сделано подробное описание Ирбитской ярмарки.

По первоначальному замыслу путешествие Лепехина должно было закончиться в Тобольске. Однако ученый, достигнув Тюмени, разработал новый маршрут и повернул на северо-запад к Верхотурью.

Приводимое здесь описание Тюмени из «Дневных записок» Лепехина интересно сравнить с описанием этого города, сделанное за 40 лет до этого Миллером.

Из Тюмени Лепехин выехал *20 мая 1771 г.* Весна в тот год проходила наредкость изменчиво и бурно. За несколько дней вышли из берегов вешние воды, затем выпал снег, а с конца мая беспрестанно лили дожди. Отряд Лепехина с обозом продвигался по скользким, размытым дождем дорогам вдоль берега реки Туры к г. Верхотурью.

В Верхотурье экспедиция прибыла только 6 июня и пробыла здесь три дня. От Верхотурья путь отряда лежал на реку Лялю и через Лялинский волок на реку Лобву. Отсюда вверх

по Лобве на лодках к ее верховьям, к Павде. В пути между Верхотурьем и Соликамском Лепехин часто делал остановки для подъема на вершины Уральских гор.

Мы приводим яркое описание уральского горного рельефа из «Дневных записок» Лепехина.

Самым трудным и интересным было восхождение на Конжаковский камень (это самая высокая вершина на территории нынешней Свердловской области). Во время пути по Уралу Лепехин с особым вниманием осматривал месторождения полезных ископаемых и подробно описывал те места, где были видны признаки залегания руд. В Конжаковских горах он нашел медную руду.

О заводах вокруг Екатеринбурга

От Екатеринбурга до Красноуфимской крепости.

Город Екатеринбург стоит на правом берегу реки Исети, верстах в 20 от ее истока. Когда он и на какой конец построен, пространно говорить нет нужды: довольно о сем в других изъяснено книгах, а особливо в «Дневных записках» покойного г[осподина] профессора Гмелина, но по числу лет приумножается его и обширность. Ныне в нем до 1426 домов считается. Он обнесен земляным валом, также и нарочито глубоким рвом, обставленным деревянными рогатками. Жителей его составляют разнаго звания заводские люди. Купечества в нем до 1370 душ. Строение в городе все деревянное, выключая фабрики и канцелярию, церквей четыре: две каменные и две деревянные.

В нем Главное правление сибирских, казанских, пермских и оренбургских металлургических заводов, которых число до 114 простирается. Из оных к Оренбургскому горному начальству принадлежат 27: медиплавильных 17 и железозаемаемых 10. К Пермскому горному начальству принадлежат 32 завода, из которых 26 медиплавильных, 8 медиплавильных и железозаемаемых и 1 железозаемаемый молотовый. Казанское горное начальство управляет только десятью заводами, между коими 8 медиплавильных и один железозаемаемый и медный один.

Собственно в Екатеринбургском ведомстве состоят сорок пять заводов как казенных, так и частных завододержателей. Казенные заводы составляют один медиплавильный завод, четыре железозаемаемые, четыре молотовые, четыре доменные и молотовые. В числе частных заводов три железозаемаемые и медиплавильные, два доменные, двенадцать молотовых железозаемаемых и дватцать доменных и молотовых <...>

Кроме Правления помянутых заводов, к Екатеринбургскому ведомству принадлежат и золотые промыслы, также и монетное дело.

Монетный двор построен в самом городе на реке Исети, управляетя особливою экспедициею и действует по большей части водою. Все

фабрики складены из кирпича и покрыты листовым железом. Деньги делают только медные, начиная от пятикопеешника до полушки <...>

Кроме монетной экспедиции, в екатеринбургском ведомстве состоят и золотые промыслы. Золото отделяется от посторонних частей толчением и промывкою. Таких промывальных заводов 4: один в самом городе Екатеринбурге, другой – при *Березовском* руднике, отстоящем от Екатеринбурга в 15 верстах, третий на реке Уктусе¹ в семи верстах от города, а четвертый на реке Пышме в 6 верстах от Березовского, по которой и *Пышминским* называется.

Наши золотые рудники требуют обширного и подробного описания, ибо в них между прочими находятся такие руды, которые минералогам еще мало известны. Примером ноздреватой и на подобие пемзы дырявой кварц, который по множеству ноздринок на воде плавает, попадаетея гнездами и более изобилует золотом. Другой род, принадлежащий к блейшпату, хотя чрез описание покойного надворного советника и профессора господина *Лемана* стал известен. Однако стоит труда, чтоб обстоятельнее оной испытать, ибо г. Леман по малому количеству точнаго ея состава определить не мог. Третий род руды принадлежит к железным рудам и имеет иногда кубическую, иногда продолговатую четвероугольную фигуру, цветом много на черноватой кровавик походит и, будучи разтерт, в желтой порошок претворяется. В переломе кажется слоист и блестящ. Наружная поверхность имеет мелкия в длину всего куба полоски, высунувшияся и вдавшияся. На сей железной руде наиболее примечается мелкое самородное золото. Но все сии роды руд, как и обстоятельное описание золотых рудников, наклонение жил, добыча оных и какая впредь от них надежда, с полным описанием можно читать в «Дневных записках» г[осподина] академика Палласа. И я в заключение только скажу, что до сего времени золотые наши промыслы в Екатеринбургском ведомстве не весьма важны, ибо при помощи 6428 приписных крестьян, не упоминая о других званиях, к золотым промыслам принадлежащих, в год золота не более 5 пуд добывается, потому что лучшаго отбора руда из 1 000 пуд по одному и редко свыше двух фунтов промытаго дает золота.

Цветных каменьев промыслы управляются особливою экспедициею и собственно состоят в ведении Кабинета. В Екатеринбурге шлифуются только мелкие каменья и пробы. На такой конец заведены три фабрики: в одной шлифуют небольшие мраморы без всяких машин, а в двух всякие цветные каменья шлифуют вододействуемыми машинами.

Оставя Екатеринбург продолжали наше путешествие на город *Кунгур*, отстоящий от Екатеринбурга в 264 верстах. Все сие простран-

¹ В тексте ошибочно «Уктусе».

ство наиболее занимают заводы разных заводосодержателей. Первый завод под Екатеринбургом называется Верх-Исетским, или просто Верхнею плотиною. Он стоит на самой реке Исети, в двух верстах от Екатеринбурга. Завод сей прежде принадлежал казне и построен в 1724 году по указу бывшего над заводами главного правителя генерал-порутчика и кавалера Геннина¹ на имя государыни императрицы Анны Иоанновны, по чему и Анненским прозывается. Ныне принадлежит его сиятельству графу Роману Ларионовичу Воронцову <...>

От сего завода много зависит действие монетнаго двора в Екатеринбурге, ибо между ими никакая река в Исеть не впадает, но единственно действует вода в Екатеринбурге, проходящая из фабрик Верх-Исетскаго завода. И хотя Верх-Исетской завод не редко принужден бывает уделять свою воду вешняками², однако дальних остатков претерпевать не может, ибо он пользуется весьма обширным прудом, который в межень в округе своей с лишком 13 верст составляет. По обширности пруда и плотина не мала: длиною во 160, шириною в 6 сажен, а вышиною в 12 аршин. Напротив того Екатеринбургская плотина длины имеет 103 сажени. И так будучи пруд стеснен между верх-исетскою и екатеринбургскою плотиною, почти одним действием Верх-Исетских фабрик наполняется.

Верх-Исетской завод не менее других заводов приволен. Близкие имеет рудники, и самый дальнейший отстоит в 18 верстах, а ближайший в 5. <...>

Железо сего завода отпускается водою по реке Чусовой. Сверх сего завод сей много снабждает чугунными припасами екатеринбургския фабрики не без малой своей выгоды.

С Верх-Исетскаго завода выехав на большую Московскую дорогу, продолжали наш путь до деревни, *Решота* прозываемой, отстоящей от Екатеринбурга в 20 верстах. По обе стороны дороги был густой сосновый лес, выросший на дровосеках. Состояние леса, наружный его вид и время, во сколько он взрос, грозит заводам будущей своею надобностию. Я осмелюся сказать, что заводы, которых содержание от сосноваго зависит леса, перее всех возчувствуют ценность лесов. Напротив того другие, где более мягких лесов находится, на твердейшем стоят основании. Порубленные сосны сколь великостию своею другия превышают дерева, столь и труден их подрост. Сверх сего в борах не можно надеяться более двух дровосеков: ибо искусством изведено, что сосновые леса более требуют к росту своему питательных соков, нежели другия дерева. Доказывает то тугой подрост сосны, что сие, впрочем огромное дерево, на изможенных местах бывает сурово, низко и тонко. И так те, которые ценность лесов

¹ Геннин де Вильгельм Георг (Вилим Иванович; 1676–1750), организатор горного и металлургического производства на Урале в 1722–34 гг., автор труда «Описание уральских и сибирских заводов (1735)», изданного в 1937 г.

² Вешняк (вешник) – отверстие с запором в плотине для спуска воды в весеннее половодье.

разумеют и предвидят ложное о безконечии наших лесов мнение, не преминут в своих дровосеках удобрять землю и воспятят пускание огня весною, особливо в борах.

Деревня Решоты, прозываемая по речке *Решоты*, выходящей из болотин и соединяющейся с Исетью, принадлежит к Екатеринбургскому ведомству. В ней живут государственные крестьяне, и служат единственно для приезжающих подводами.

В 24 верстах от сей деревни, а от Екатеринбурга в 44, от обыкновенной Московской дороги в сторону на речке *Ревде*, которая в 3 верстах от завода соединяется с рекою *Чусовою*, в 1734 году, по указу государственной Берг-коллегии, на покупной у башкирцов земле построен железоделаемый завод, принадлежащий дворянину *Петру Демидову*¹. На нем доменная с 2 домнами, молотовых фабрик 2, с 8 горнами и 6 молотами, из которых 5 действующие и 1 запасный, особливая фабрика с 2 молотами и 6 горнами, в которой на одном молоте малокричное куют железо, а на другом почиивают молоты, разрубают крицы и планки. Дощатая фабрика, в которой делают листовое кровельное железо: в ней два горна и два молота, один боевой, а другой гладильный. В оной же фабрике для плющения и разрезки железа две машины и 4 горна кузнечных. Две фабрики колотушечные с 2 горнами и 2 молотами для разковки граненаго железа: токарная вододействуемая фабрика для точения медной посуды; формовая, где делают формы для литья заводских припасов и чугунной посуды с 1 горном. Мельница о трех станах: лудильная каменная фабрика для лужения дощатаго железа с 1 горном; 4 кузницы с 26 горнами, 4 слесарные, из которых в трех делают весы, пилы и другие инструменты, а в четвертой медную посуду; кузница с двумя горнами дляковки и обжигания меди.

Сие было первое состояние сего завода, но бывший на нем в 1768 году пожар много повредил его действие, и ныне еще не совсем выстроен. При заводе сем мастеровых и работных людей 1367 душ, в том числе государственных 5, пришлых отданных по указам 66, незаконнорожденных и непомнящих родства 9, собственных покупателей 1080 да государственных приписных из *Аятской* и *Краснопольской* слободы с принадлежащими к ним деревнями 1820 душ.

Высокия горы, заводы окружающая, довольно лесисты и изобилуют сосною, лиственницею и березою, но совсем безрудны, почему руду на завод сей привозят с рудников, принадлежащих к Нижнетагильскому заводу, отстоящему верстах около полутора. Однако изобилие работных людей действию сего завода много способствует. На нем ежегодно в полном действии выплавляется чугуна до

¹ Ревдинский чугуноплавильный и железоделательный завод основан близ Екатеринбурга на западном склоне Уральских гор в 1734 г. А.Н. Демидовым. С 1763 по 1805 гг. принадлежал тайному советнику, заводовладельцу и обер-директору Коммерческого училища в С.-Петербурге Петру Григорьевичу Демидову (1740–1826).

200 000 пуд, а по числу молотов надлежит ежегодно полоснаго железа по меньшей мере выходить с завода 40 000 пуд. Железо и другия производства сего завода отпускаются по реке Чусовой.

В 12 верстах от *Ревдинскаго* завода, от Екатеринбурга в 42, а от *Верхотурья* в 355, на речке *Шайтанке*, на государственной порозжей земле находятся два железные завода, по речке *Шайтанскими* прозываются. Они весьма друг с другом близки и ныне принадлежат заводчикам *Ефиму* и *Сергею Шуряевым*.¹ Нижний построен в 1730, а Верхний в 1759 году, по указу государственной Берг-коллегии.

При нижнем доменная одна, молотовая с 3 действующими и одним запасным молотами, также пятью горнами, кузница с осмью горнами, меховая фабрика.

При верхнем Шайтанском молотовая дляковки железа с двумя молотами и четырьмя горнами. По близу сих заводов на речке *Ельничной* построена лесопильная мельница о двух рамах. При обоих заводах мастеров и работных людей вообще считается 466 душ, в числе коих пришлых, незаконнорожденных и непомнящих родства 173, собственных покупных 293 души. Чугуна в безостановочном заводе действии выплавлено быть может 200 000 пуд, а по числу молотов железа выковать по крайней мере надлежит на 5 молотов 40 000 пуд. Железо от завода сего отправляется по Чусовой <...>

Лепехин И. И. Дневные записки путешествия... Т. 4. С. 219–242.

О Кунгуре и Кунгурской пещере

Город Кунгур принадлежит к Казанской губернии и составляет главное место в Пермской провинции. К нему приписан Соликамск со своим уездом. Самый город Кунгур построен над рекою Сылвою и на левом берегу по ея течению. С другой стороны мимо города протекает река *Ирень*, которая отменную и на обыкновенныя употребления неспособную имеет воду, ибо в ней противный и затхлый вкус. Строение в городе все деревянное, выключая 6 каменных церквей и изрядно построенную каменную ратушу. Весь город, даже до реки Сылвы, обведен был земляным валом и полисадом с деревянными рублеными башнями, но ныне почти весь обвалился. Внутри города на горе построен кремль деревянной с башнями, который и до ныне стоит, хотя уже нарочито обветшал, и в котором простроена каменная соборная церковь, воеводской дом, канцелярия, денежный и питейный выход, также и острог.

Городское строение можно разделить на три части. Первою частию почитать должно на горе расположенное строение, другою по подго-

¹ Шуряевы — правильно: Ширяевы, владельцы Шайтанских заводов после продажи их Н. П. Демидовым.

рю к реке Сылве, а третью часть города составляет заречное строение за рекою Сылою. Купечества в городе почитается до 2000 душ, которое содержит многие и изрядные кожевенные и мыльные заводы, также и мельницы. Хлебной отпуском можно похвалить у них главнейшим промыслом, а некоторые из купечества и сами хлебопашцы. Большая часть купцов питается по заводам в наймах, отправляя должность прикащиков и надзирателей над рудниками.

Не без основания кто мне сказать может, что я толь примечания достойную провинцию, какова есть Пермская, в трех словах заключаю, когда и по слуху известно, что в ней многия бывали перемены и что город Кунгур от соседственных народов многия и разные претерпевал утеснения и раззорения и уже на третьем утвердился месте. Башкирские бунты и веденныя против их войны не последняго стоят примечания. Горные наши промыслы в Пермской провинции воспитаны и возвращены, почему и ныне в Кунгуре горное находится начальство. Но о всем сем с сожалением я заметить должен, что бывший в Кунгуре пожар истребил все канцелярския дела и известия, а утверждать на рассказах людских, а особливо до собственной нашей истории касающееся, почитаю не только за ненужное, но и за вредное дело, ибо в таком случае можно баснь похвалить за истинну, и погрешив сам, другим подать случай к ошибкам.

Пещера в ледяной горе под Кунгуром

В трех верстах от Кунгура, вверх по реке Сылве, на правом берегу по течению, целыя горы состоят из алебастрового камня, откуда алебастр во все окрестности развозится. В сих горах на самом речном берегу в горе, *Ледяная* прозываемой, находится та славная *пещера*, о которой г. Страленберг в своих сочинениях о России упоминает.

По приезде нашем к пещере нашли мы отверстие в оную весьма малое и тем слухам, какия о пещере носятся, совсем не соответствующее, которое заплыло толстым льдом, и совсем в пещеру проход сделало невозможным. Но чтоб совершенно увериться о достопамятностях пещеры, наняли мы работных людей, чтобы пробить отверстие, которое не прежде могло последовать, как на другой день. Между тем обходя горные хребты, везде видели великия в гору провалины на подобие обороченного конуса, глубиною сажень на десять. Сии провалины предвещали нам справедливость сказаннаго о пещере, в которую мы по пробитии отверстия взошли 11 августа.

Отверстие соответствовало полуденной стороне и лежало сначала не более как шага на три прямо на север; откуда, склоняясь на северо-восточную сторону, так узко шло, что на брюхе проползать надлежало. Но сей затруднительный проход не более как шагов на шесть занимал пространства.

Он выходит в палату весьма неровную и великими каменными

кабанами заваленную, от чего по ней также трудный проход. Шириною она 18 шагов, а длиною 20, вышиною сажени в полторы.

Из сей палаты нашли мы вниз идущий проход, который на разныя разделяся ущелья, с великим трудом и опасностию принуждал нас пролазить сажень до 20. Однако из всех сих ущельев никуды не могли мы найти выхода <...>

За сею палатою следовал переулоч, длиною в 40, а в поперечнике в 5 шагов. Левая в нем стена представляла утес, а правая угорок, где лежали большия глыбы отвалившася камня, облитого льдом, и вверху видны немалыя расселины <...>

В том самом месте, где проулоч с последним соединяется гротом, с прихода влевую или западную сторону, между навалившимся камнем видны два отверстия, разделенныя между собою каменным столбом <...>

Из сего отделения шли мы как бы проулком чрез 40 шагов, в котором при конце круглый находится вертеп, длиною в 15, шириною в 10 шагов.

От сего места пещера склоняется в правую или северную сторону, и выводит в пространной грот <...>

Между сим отделением и первым гротом, при склонении пещеры в северо-западную сторону, находится боковое соединение, дугу представляющее, которое весьма тесно, однако не непроходно; местами в нем и ненагибаяся без нужды ходить можно <...>

Из ледяной палаты паки тесный был вертеп, длиною в 12 шагов, который соединялся с другим отделением длиною в 20, шириною в 8 шагов. Вертеп был чрезмерно каменист и весьма затруднительной делал проход, а особливо в заднем углу, где великие каменные кабаны небольшое оставляли ущелье, сквозь которое с нуждою продравшись, вошли как бы в нарочно и порядочно сделанной грот.

Грот в поперечнике имел около 50 шагов, вышина в куполе, которым сведен был его верх, местами до двух сажень простиралася. Стены и потолок, кроме разнovidных накипей, как бы нарочно убраны были трубчатым гротовым камнем. Грот сей весьма изрядное бы представлял подземное здание, естли бы обрушившееся камень на полу не досаждало. К правой стене осыпавшияся каменныя глыбы представляли изрядную гору, которой капи и накипи много красоты придавали.

В полуденнозападную сторону от сего места был свободный проход, в длину шагов на 10, а в ширину на 5, который разными ущельями и свободными проходами вывел в обширную треугольную палату, длиною во 160, а в поперечнике шагов в 30. Зад сей пещеры наполнен был льдом, откуда как бы ледяная гора вниз шла понурно, но за низкостию задняго свода далеко пробраться было не можно. Все расселины свода наполнены были льдом и местами составляли ледяные столбы. Разсматривая разные выходы, на наконец пришли в самую ту же ледяную палату, в которую мы пропалзывали на брюхе и которое пространство ледяная выше сказанная гора от глаз наших скрывала.

Возвратяся паки в грот, продолжали осмотр пещеры далее <...>

В самом том месте, где проулок соединяется с вертепом, небольшое было озерко, наполненное чистою водою. Однако нам не трудно было его обойти по навалившемуся камню. Вертеп сей кончился небольшим отделением, длиною в 20 шагов, а далее за низкостию свода итти было не можно. В левой или восточно-южной стене было еще особливое отделение, в которое за наводнением мы пуститься не отважилися <...>

Кунгурские обыватели сказывают, что ход в пещеру бывал далее, а некоторые утверждают, что она на 10 верст простиралася. Статься может, что она гораздо обширнее, нежели сколько нам видеть случилось, но дальние проходы засыпаны упомянутыми провалами <...>

Во многих местах пещеры ветхие поставлены образа, которые от сырости уже все слиняли и пред которыми богобоязливые ставили свечи, да может быть и ныне делают.

Произхождение сей пещеры толковать пространно также нет нужды. Всяк из короткаго описания ясно видит, что она воде начало свое долженствует: <...> не редко пещеры производят от самого малаго начала, например от небольшой на горе впадины, в которой весенняя вода, засев, год от году далее в горныя проникая недра, делает пустоты и наконец самая пещеры производит.

Хотя под Кунгуром только одна пещера известна, однако можно думать, что их много находится. Примечаемая по горам везде впадины явно о сем свидетельствуют <...>

Лепехин И.И. Дневные записки... Т.4. С. 252-264.

О Тюмени и Ирбитской ярмарке

Известие о городе Тюмене.

Город *Тюмень*, в котором мы препроводили зиму, первейшим сибирским городом почитать должно, ибо *Ермак Тимофеевич*, по вторичном походе на Сибирь, будучи снабден всем потребным от *Максима Строгонова*, другое свое зимовье в 1580 году имел в Тюмене и на сем привольном месте всеми потребностями к дальнейшему походу заготовился. Но как по смерти Ермаковой остатки козаков с предводителем своим головою *Глуховым* оставили Сибирь и возвратилися в отчизну, и первой в Сибирь назначенный воеводою *Иван Мансуров*, который со 100 человеками пришел в Сибирь уже по возвращении донцов и, не могши ничего предпринять важнаго, на Русь возвратился; то из посланных туда новых воевод с 300 стрельцов и козаков *Василий Сукин*, пришед в Сибирь в 1584 году, первой построил город на реке Туре по ручью Тюменке, с южной стороны в Туру впадающем, *Тюменем* прозванной, которой город много служил к удержанию Сибири под Российскою державою.

Прежде завоевание Сибири место сие называлось *Чинги* от славного Чингиз хана, который некоему татарскому князю, *Тайбуга* зовоному, за особливья услуги сие место дал для поселения; а во время пришествия россиян на Сибирь был тут татарской городок из числа областей Сибирского хана *Кучюма*. Следы онаго городка и по сие время видны; он окружен почти со всех сторон крутыми и глубокими буераками, а с прихода, или западной стороны, обведен земляным двойным валом, который от долговременности обветшал и почти совсем сравнялся. Что он действительно принадлежал татарам, доказывает то его название; ибо и по сие время называется сие место *Царевым городищем*.

В полуторе версте от Тюменя, вниз по реке Туре, на правом ея берегу видны нарочито высокие курганы, которые во всем волжским курганам, описанным в «Дневных» моих «записках» 1769 году подобны; из чего заключать можно, что они покрывают тела бывших татарских тюменских владельцев. На левом берегу реки Туры целая деревни поселены Татар, из которых одна порода, *Шебины* прозываемые, от самого татарского хана Кучюма род свой производит <...>

Прежде размножившихся селений в Сибири Тюменская область весьма обширное занимала пространство, которое потом по мере размножения селений уменьшалось, а по заведении Оренбургской губернии в тесные заключено пределы. С екатеринбургской стороны ныне простирается оно на 55 верст, с Тобольской на 57, с Ялуторовской на 29, с Исетской на 60, с Верхотурской на 62 версты. На сем в разсуждении других городов пространстве малом поселено 8 сел и 79 деревень. Жителей тюменскаго ведомства составляют 957 посадских и цеховых, государственных крестьян 6401 душ, экономических 667, ямщиков 1710, новокрещенных из татар 59, бухарцов, поселившихся около Тюменя 608, ясашных татар 915, захребетных 634, казанских татар 91, служивых и их детей 367, дворовых людей 112: всего 13521 душ мужескаго полу.

Нынешнее города Тюменя [в 1771 г.] состояние после бывшего в 1766 году пожара совсем переменялось, и город можно разделить на 4 части: на старую город, ямскую слободу, затурское и загородное строение. Старым городом называется пространство, заключающееся между ручьем Тюменкою, городскими буераками, рекою Турою и земляным валом, что в окружности версты с две составит. Река Тура протекает с полуденной стороны, к западу преграждает крутоберегая Тюменка; с восточной стороны проведен вал от реки Туры до глубоких буераков, с северной стороны город окружающих. На оном валу поставлен был высокой палисад с деревянными башнями, которая от долговременности, так как и деревянный кремль над ручьем Тюменкою, совсем пропали. Загородным строением почитается новая слобода за земляным валом, разстоянием от города около полуверсты по